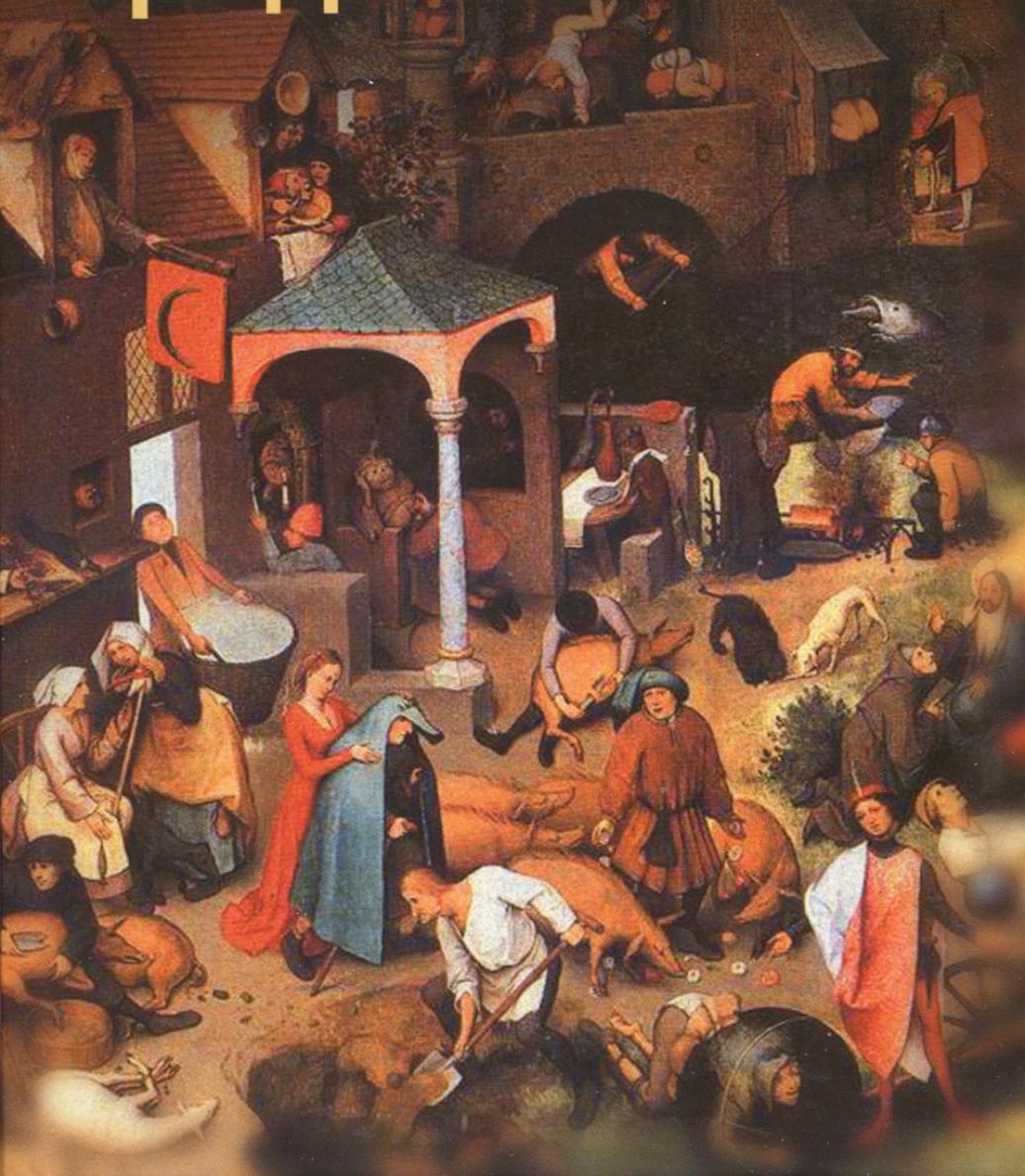

ЛЮДИ

Эйлин Пауэр

средневековья

Эйлин Пауэр

ЛЮДИ

средневековья

Eileen E. Power

**MEDIEVAL
PEOPLE**

Эйлин Пауэр

ЛЮДИ

средневековья

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4
П21

*Оформление художника
И.А. Озерова*

Пауэр Эйлин
П21 Люди Средневековья / Пер. с англ. Е.В. Ламановой. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. — 223 с.

ISBN 978-5-227-01956-1

Эйлин Пауэр в книге, охватывающей период от Карла Великого до Генриха VII, рассказывает о жизни обыкновенных людей, крестьян и торговцев, ремесленников и монахов, каждый день создающих реальную ткань цивилизации. Их горячая вера, холодный рационализм, таланты и сноровка были питательной средой, из которой и произрастали науки, ремесла и искусства, а также различные общественные институты: мануфактуры, университеты, больницы, училища и дома призрения.

**УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4**

ISBN 978-5-227-01956-1

© Перевод, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2010
© Художественное оформление,
ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2010

ЛЮДИ

средневековья

Я даю тебе советы, не закрывая ни своего сердца, ни своей библиотеки.

Чарльз Лэм

Когда бы рай мог на земле существовать,
По мне то был бы монастырь иль школа.
В обители царит покой, ведь не браниться
Сюда приходят люди, а молиться.
Здесь много книг — читай же и учись.
Да, в школах есть вражда, но если ты
Постигнешь в них науки, то любовь
В твоей душе навеки воцарится.

Ленгленд. Петр-пахарь

ОТ АВТОРА

Социальных историков порой упрекают в том, что их труды, в отличие от книг, посвященных политической истории, кажутся студентам и обычным читателям слишком обобщенными и туманными, ибо в них нет описаний жизни выдающихся людей. На самом деле материалов для воссоздания биографии какого-нибудь простого человека бывает не меньше, чем для биографии, скажем, Роберта Нормандского или Филиппы Хейнол, и жизнь обычных людей является хотя и не такой яркой, но от этого не менее интересной. Мне кажется, социальная история, обратив свой взор на простых людей, делает прошлое для обычного читателя гораздо более интригующим, особенно если персонажу удастся придать личностные черты, а не ограничиваться сухим трактатом о развитии поместья или средневековой торговли, способным привлечь одних только специалистов. Ведь историю, в конце концов, творят живые люди, и девизом историка должно стать восклицание Метерлинка «Мертвых нет!». Ведь именно представление о том, что история — это наука об умерших людях или, хуже того, о движениях и условиях, весьма слабо связанных с трудами и страстями человека из плоти и крови, не позволило историческим трудам занять то

место на книжной полке, которое по праву занимают исторические романы.

В эссе, из которых состоит эта книга, я попыталась дать описание различных сторон социальной жизни Средневековья, а также различных типов исторических источников. Так, эссе, выводящее на авансцену Бодо, посвящено жизни крестьян на самой ранней стадии развития классического средневекового поместья; эссе о Марко Поло — торговле Венеции с Востоком; эссе о мадам Эглантине — жизни в монастыре; эссе о домашней хозяйке — жизни представителей среднего класса и средневековым представлениям о том, какой должна быть женщина; эссе о Томасе Бетсоне — торговле шерстью и деятельности крупной английской Компании торговцев сырой шерстью и эссе о Томасе Пейкоке — текстильному производству в Восточной Англии. Все это простые, никому не известные люди, за исключением Марко Поло. Эссе были написаны на основе изучения имущественных книг землевладельцев, хроник и рассказов путешественников, епископальных журналов, дидактических трактатов по ведению домашнего хозяйства, семейной переписки, домов, надгробий и завещаний. Я надеюсь, что эта скромная попытка вернуть к жизни некоторых «наших отцов, давших нам начало», быть может, увлечет на час-другой обычного читателя или заинтересует учителя, который захочет оживить свои уроки по истории Средневековья рассказом о людях той эпохи.

Эйлин Пауэр

Давайте же теперь восславим знаменитых людей и отцов, давших нам начало.

Среди них есть те, кто оставили после себя имя, чтобы все воздавали им хвалу.

А есть и такие, от которых не осталось никакой памяти, которые исчезли, словно никогда их и не было, словно они никогда не появлялись на свет, а вслед за ними — их дети.

Но это были милосердные люди, чья доброта не забыта.

И семя их по-прежнему дает хорошие всходы, и их дети продолжают их дело.

Их семя очень крепко, и у их потомков тоже.

Их семя будет жить вечно, а их слава не будет ничем запятнана.

Их тела покоятся в мире, но их имя будет жить вечно.

Екклесиаст, xliv

Глава 1

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Закат Римской империи

Каждому известно, что Средние века проросли сквозь руины Древнего Рима. Упадок Римской империи предшествовал и, в определенной степени, подготовил почву для возвышения королевств и культур, составлявших средневековую систему. Однако, несмотря на эти очевидные факты, мы очень мало знаем о жизни людей и идеях, господствовавших в те годы, когда Европа уже теряла свои римские черты, но не приобрела еще средневековых. Мы не знаем, каково это было — наблюдать закат империи, мы даже не знаем, понимали ли люди той эпохи, что живут в период ее упадка. Однако мы уверены, что никто из них не мог ни предсказать, ни предвидеть, каким через несколько веков станет мир.

Тем не менее люди хорошо понимали, что Рим переживает трагические времена, и главные противодействующие силы были у всех на виду. Люди понимали, что Римская империя IV и V веков была уже совсем не той империей, в которой жили великий Антоний и Августин, что она лишилась многих своих владений, а экономические связи между различными провинциями оказались прерванными. Империи угрожали варвары, которые в конце концов и погубили ее. Территория Римской империи времени расцвета простиралась от берегов Северного моря до северных окраин Сахары и от атлантического побережья Европы до центральноазиатских степей. В нее

входила большая часть владений бывших эллинской, иранской и финикийских империй, и она управляла или держала под контролем огромные массы людей и многие государства за пределами ее галльских и североафриканских границ. В IV же веке территория Рима сократилась и продолжала неуклонно сокращаться.

В предыдущие века в пределах римских границ, вдоль путей, которые соединяли друг с другом римские провинции, текли мощные межрегиональные торговые потоки. Однако приблизительно с III века экономическое единство империи начало разрушаться, и к V веку большая часть потоков этой межрегиональной торговли прекратила свое существование — провинции и области оказались предоставленными самим себе и должны были полагаться лишь на собственные ресурсы. А с обеднением провинций и сокращением торговли численность населения, богатство и политическая власть крупных городов в них уменьшились.

Однако империя до самых последних дней своего существования пыталась защитить свои границы от вторжения варваров. Варварские завоевания, подобно всем другим завоеваниям, грозили империи не только гибелью и разрушением, самый образ жизни варваров отрицал римскую цивилизацию — какой она была раньше и какой — увы! — постепенно переставала быть.

Современники наблюдали или должны были наблюдать острейший конфликт между римскими и варварскими ценностями совсем не в материальной сфере. Римская цивилизация была в первую очередь цивилизацией разума. Она опиралась на многовековую традицию мысли и интеллектуальных достижений, составлявших наследие Греции, в которое она, в свою очередь, внесла большой вклад. Римский мир был миром школ и библиотек, писателей и строителей. Варварский же мир был миром, в котором разум пребывал в младенческом состоянии, и это состояние затянулось на многие века. Германские саги, воспевавшие битвы, существовали и дошли до нас лишь в форме легенд, созданных в более позднее время. Име-

лось несколько грубых законов, которые регулировали личные взаимоотношения людей, — вряд ли все это можно назвать цивилизацией в том смысле, в каком понимали ее римляне. Король Хильперик пытался сочинять стихи в стиле Седулия, но не имел никакого понятия о длинной и короткой стопах, и они у него хромали, а сам Карл Великий, ложась спать, клал под подушку грифельную доску, чтобы ночью поупражняться в искусстве письма, которое он так и не освоил. Что общего было у них с Юлием Цезарем, Марком Аврелием и тем великим Юлианом, которого называли Отступником? Уже по одним этим примерам можно понять, какая непроходимая пропасть разделяла Германию и Рим. Таким образом, римляне и варвары были не только военными противниками, но и вели совершенно различный образ жизни — цивилизованный и варварский. Мы не имеем здесь возможности подробно обсудить вопрос, почему в процессе их столкновения цивилизация погибла, а варварство победило. Однако очень важно помнить, что, пока империя пыталась защитить свои границы от варварских орд, она постепенно открывала их для варваров-поселенцев.

Мирное проникновение варваров, которое изменило весь характер завоеванного ими общества, было бы невозможно, если бы общество не было поражено болезнью. Эту болезнь можно хорошо было разглядеть уже к III веку. Она проявлялась в тех бесконечных гражданских войнах, которые вели между собой различные провинции и армии. Она проявилась в великом инфляционном кризисе, начавшемся около 268 года, и в непомерных налогах, которые разорили мелких собственников, оставив состояние богачей нетронутым. Она проявилась в постепенном сокращении торговли, основанной на свободном обмене, и замене ее более примитивным бартером, поскольку каждая провинция стремилась стать самодостаточной. Она проявилась в упадке земледелия, при котором безработное население городов умиротворялось раздачей хлеба и зрелищами. Жизнь бедняков очень сильно, очень резко отличалась от

жизни надменных сенаторских семей и крупных земледельцев, обитавших в роскошных виллах и городских домах. Она проявилась в появлении мистических верований, возникших на руинах философии, и суеверий (в особенности астрологии), возникших на руинах разума. Особенно возвысилась одна религия, которая в своих священных книгах обращалась к жертвам социальной несправедливости со словами утешения, но, хотя она и могла дать надежду отдельному человеку, вдохнуть новую силу в разбитую в бою цивилизацию или вдохновить ее на борьбу она была не способна (да и не стремилась к этому). По самому своему характеру эта религия отличалась беспристрастностью и годилась для всех — будь то варвар, бедный римлянин или богатый римлянин, будь то человек, стоявший у власти, или человек, находившийся за чертой бедности.

Самым ярким проявлением упадка римского общества было уменьшение числа римских граждан. Империя оскудела людьми еще задолго до того, как завершился период мира и процветания, который продолжался со времен Августа до Марка Аврелия. Разве Август не пригласил в Рим бедняка из Фьезоле, имевшего восемь детей, тридцать шесть внуков и восемнадцать правнуков, чтобы устроить в его честь праздник в Капитолии, о котором узнали все граждане Рима? Разве Тацит, известный своим вниманием к человеческой природе, описывая благородных дикарей (но имея при этом в виду своих сограждан), не отмечал, что среди германцев считается позором ограничивать число детей в семье? Долгая жизнь закона Августа, направленного на повышение рождаемости, — очень важный факт. Этот закон не привел к ее повышению, но сам факт, что он был включен в свод законов и в течение трех веков систематически пересматривался и дополнялся, показывает, что его считали совершенно необходимым. Конечно, смертность в те дни была гораздо выше, чем в наше время, а смертность от эпидемий и гражданских войн начиная со времен Марка Аврелия была исключительно высокой. И так же хорошо известно, что в Римской империи было

очень много одиноких людей, а число детей в семьях неуклонно уменьшалось. Авторы той поры сокрушаются о том, что многие супруги вообще не хотят заводить детей, а те, что заводят, ограничиваются одним-двумя. Силий восклицал: «Человеческий урожай оказался очень бедным». Он был бедным во всех классах общества, но сильнее всего это проявилось среди высших слоев общества — самых образованных, самых цивилизованных, чьи дети, вырастая, становились лидерами государства. Римская империя могла бы повторить сказанные гораздо позднее ужасные слова Свифта, которые он произнес, понимая, что сходит с ума: «Я засохну, как дерево, — с верхушки до корней».

Напрашивается вопрос — почему же цивилизация потеряла свою репродуктивную способность? Потому ли, как полагал Полибий, что люди предпочитали развлекаться, а не воспитывать детей, или желали растить их в комфорте? Однако падение рождаемости наблюдалось в первую очередь среди богатых, а не бедных слоев населения, а ведь богатые могли дать своим детям все самое лучшее. А может быть, людей обуял страх и они потеряли веру в будущее и цивилизацию и не хотели, чтобы их дети приходили в этот темный мир, сотрясаемый постоянными войнами? Этого мы не знаем. Но мы хорошо видим связь между падением численности населения и другими бедами империи — высокой стоимостью содержания чиновничьего аппарата (причем чем меньше была плотность населения, тем больше приходилось людям платить налогов на содержание чиновников), заброшенными полями, уменьшающимся числом легионов, которых не хватало даже для охраны границ.

Чтобы компенсировать недостаток населения, римские правители не нашли ничего лучшего, как влить в него свежую кровь варваров. Началось все с небольших инъекций, а закончилось тем, что кровь, которая текла в жилах жителей империи, стала не римской, а варварской. Германцы селились на землях Рима, чтобы охранять его границы и сеять пшеницу. Сначала они входили в состав вспомога-

тельных войск, но вскоре уже целые легионы стали состоять из германцев. Постепенно варвары заняли все руководящие посты в государстве. Армия практически полностью стала варварской. Римский автор Мосс приводит в своем труде удивительный документ — жалобу одной египетской матери, которая требует, чтобы сына вернули домой, поскольку он, по ее заявлению, ушел с варварами, иными словами, стал солдатом римского легиона! Легионы стали варварским, и они, в свою очередь, сделали варварами своих императоров. Для них император уже не был олицетворением божественной власти, а являлся лишь простым предводителем, фюрером, и они поднимали его на щит. Вместе с варваризацией армии шла и варваризация гражданского образа жизни. В 397 году Гонорий вынужден был издать указ, согласно которому в пределах Римской империи запрещалось носить германскую одежду. В конце концов, императоры, сами ставшие наполовину варварами, могли рассчитывать на то, что только варвары сумеют защитить их от натиска других варваров!

Такова была картина общего упадка цивилизации периода, в котором жили римляне в IV, V и VI веках. Каково же было жить в эпоху гибели цивилизации под натиском варварства? Понимали ли люди, что происходит? Неужели Темные века отбросили свою тень на Европу еще до своего наступления? Так получилось, что мы можем ответить на эти вопросы довольно подробно, сосредоточив свой взгляд на одной части империи — знаменитой, высокоцивилизованной провинции Галлия. Мы сможем выявить признаки упадка по трем направлениям, поскольку галло-романские писатели, жившие в IV, V и VI веках, оставили нам описание жизни и нравов своей эпохи. О IV веке мы знаем из трудов Аусония, о пятом — из трудов Сидония Аполлинария и о шестом — из трудов Григория Турского и Фортуната, итальянца, жившего в Пуатье. Они описывают жизнь в Оверни и Бордле в сгущавшихся сумерках. Итак, IV, V и VI века — уходим, уходим, ушли!

Аусоний

Уходим! Это мир Аусония, который жил на юго-западе Франции во второй половине IV века, в период «бабьего лета», наступившего между эпохами натиска и крушения. Аусоний был ученым человеком благородного происхождения, вроде язычников Симмахия и святого Паулина из Нелы. Тридцать лет он преподавал риторику в высшей школе Бордо, некоторое время был воспитателем одного принца, преторианским префектом Галлии, консулом, а в конце жизни — обыкновенным стариком, доживавшим свой век в мире и покое на доходы от своих земельных владений.

Самой знаменитой из его поэм является поэма, посвященная реке Мозель. Несмотря на свой возвышенный стиль, она рассказывает нам о цветущей сельской местности, в которой прошла его жизнь. Высоко над рекой, по обоим ее берегам, раскинулись виллы и сельские дома с двориками, лужайками и портиками, которые были украшены колоннами. Имелись здесь и горячие ванны, искупавшись в которых можно было нырнуть прямо в реку. Холмы, залитые солнечным светом, были покрыты виноградниками, и с их склонов доносились голоса перебивавшихся между собой земледельцев и бурлаков, идущих по бечевнику, которые перебрасывались словами с лодочниками, проплывавшими мимо и отпускавшими грубые шуточки по поводу отдыхающих виноградарей. На середине реки рыбаки вытаскивали из воды сети, а примостившийся на берегу рыболов забрасывал удочку. Когда сгущались сумерки, в воде отражались тени зеленых холмов, и, глядя в воду, лодочники могли различить колеблющиеся лозы и наливающиеся на них гроздья винограда.

Такой же мирной и приятной была жизнь в имении Аусония в Бордле, в его маленьком родовом поместье (как он его называл), хотя в нем было четыреста гектаров виноградников, пахотных земель и лесов. Знатоки напо-

минают нам, что «до сих пор славится вино «Шато-Осон» как одна из двух лучших марок кларета Сент-Эмильона». Здесь Аусоний выращивал розы и посылал мальчика звать на обед соседей, пока он обсуждал с поваром меню. Оптимальное число обедающих — шесть человек, включая и хозяина; если же за столом собирается больше, то это уже не обед, а говорильня. Кроме того, в стихах нужно было прославить всех своих родственников — дедушку и бабушку, сестер и двоюродных братьев и конечно же тетушек (тетушек в особенности).

А когда семейный круг приедался, можно было удалиться в большую общую гостиную, и отдать должное, и восславить, в свою очередь, ученых людей Бордо. В империи IV века образованные люди были весьма уважаемыми; Симмахий говорит, что высокая оплата труда учителя — признак процветания государства. Впрочем, я затрудняюсь сказать, какой вывод можно сделать из этого в свете исторических событий. Аусоний написал целую серию стихотворений о преподавателях Бордо. Их было тридцать два, и он никого не забыл. Был здесь Минервий, преподаватель ораторского искусства, который обладал великолепной памятью и после игры в триктрак подвергал анализу каждый свой ход. Был здесь Анастасий, преподаватель грамматики, который по глупости своей променял Бордо на одну из провинциальных школ и был вполне заслуженно забыт. Был Аттий Тиро Дельфидус, который сменил судейскую мантию на учительскую кафедру, но совсем не занимался со своими учениками, к величайшему огорчению их родителей. Был здесь Йокунд, преподаватель грамматики, который не совсем соответствовал этому званию, но был так добр, что мы решили назвать его имя среди имен прочих достойных людей, хотя он, строго говоря, не годился в наставники. Был здесь Экзюпери, который отличался необыкновенной красотой, а его речи казались блестящими, но, вдумавшись в них, все понимали, что в них нет никакого смысла. Был здесь Диналий, который не удержался на тропе добродетели, прельстившись одной замужней дамой

из Бордо, и довольно поспешно покинул город, но, к счастью, благополучно приземлился в Испании. Был здесь Викторий, младший учитель, которого интересовали лишь самые темные страницы истории — например, к какому роду принадлежал жрец, приносивший жертвы в Курео и живший задолго до Нумы, или о чем беседовал Кастор с царями в мире теней. Викторий так и не добрался до Туллия или Вергилия, а ведь мог бы это сделать, если бы продолжал читать и дальше, однако смерть слишком рано прибрала его. Эти персонажи кажутся нам очень знакомыми (за исключением, конечно, Диналия), и Аусоний описал их как живых.

Таков был мир, представленный нам Аусонием. Но что происходило в мире, пока в его милом сельском доме и его большой гостиной текла спокойная жизнь? Аусонию было около пятидесяти, когда в 357 году орды германцев перешли Рейн, разграбили сорок цветущих галльских городов и расположили свои лагеря на берегах Мозеля. Он видел, как великий Юлиан взялся за оружие («О Платон, Платон, какая задача для философа!») и в ходе нескольких блестящих военных кампаний изгнал германцев из Галлии. Десять лет спустя, будучи учителем Грациана, Аусоний сопровождал императора Валентиниана в его походе против тех же самых врагов. Еще через десять лет, гордясь, что стал консулом, он, наверное, слышал о сражении при Адрианополе, когда готы нанесли сокрушительное поражение римской армии и убили императора. Аусоний умер в 395 году, а через двенадцать лет после его смерти орды германцев снова пересекли Рейн и «вся Галлия превратилась в дымящийся погребальный костер», а готы стояли уже у ворот Рима. И как же Аусоний и те люди, с которыми он переписывался, отреагировали на это? Они не обмолвились ни словом. Аусоний, Симмахий и их компании предпочитали попросту игнорировать варваров, точно так же, как в романах Джейн Остин вы не найдете ни единого упоминания о Наполеоновских войнах.

Сидоний Аполлинарий

Уходим, уходим... Через тридцать пять лет после смерти Аусония, в середине грозного V века родился Сидоний Аполлинарий, галло-романский аристократ, тесть императора, одно время — префект Рима, а в конце жизни — епископ Клермонский. Родился он в 431 году (или около того) и умер в 479 году или, возможно, несколькими годами позже. В промежутке между смертью Аусония и рождением Сидония произошло много событий. По всей Европе мерк свет цивилизации. В Галлии и Испании появились королевства варваров, Рим был разграблен готами, и в годы жизни Сидония империя с огромной скоростью приближалась к своей гибели. Когда ему исполнилось двадцать, Запад пережил ужасное событие — нашествие Аттилы и гуннов. Они ушли, но, когда Сидонию было двадцать четыре года, Рим подвергся нападению вандалов. Он видел, как ужасный германский делатель королей Рисимер посадил на трон и сбросил с него нескольких марионеточных императоров, видел, как погибли последние остатки галльской независимости, и сам он сделался подданным варваров, а за несколько лет до смерти стал свидетелем окончательной гибели Западной империи.

Сидоний и его друзья уже не могли, подобно Аусонию и его коллегам, делать вид, что вокруг ничего не происходит. Людей V века очень тревожили обрушившиеся на них беды, и они старались найти для себя утешение, каждый на свой лад. Одни надеялись, что все это скоро кончится. Они говорили, что империя и раньше переживала тяжелые времена и всегда выходила из них победительницей, возвысившись над своими врагами. Так утверждал сам Сидоний на следующий год после разгрома Рима — Рим неоднократно переживал подобные погромы, заявлял он, и во времена Порсенны, и во времена Бренна и Ганнибала... Только на этот раз Риму уже не удалось подняться. Другие пытались объяснить беды, постигшие империю, пороками общества. Таким был Сильвиан Мар-

сельский, которого, несомненно, прозвали бы мрачным деканом, если бы он не был епископом. Он считал, что угасающая римская цивилизация спасется лишь в том случае, если воспримет ряд добродетелей, присущих этим свежим, молодым варварам. Аналогичным образом Орозий защищал варваров, утверждая, что Римская империя сама возникла в ходе кровавых завоеваний и не имеет права бросать в чужаков камень. В конце концов, варвары не так уж и плохи. «Если несчастные люди, которых они ограбили, удовлетворятся тем немногим, что им оставили, то завоеватели станут относиться к ним как к своим друзьям и братьям». Другие, особенно наиболее вдумчивые служители церкви, задавались вопросом — почему империя, процветавшая при язычниках, подверглась такому страшному разгрому при христианах? Другие полностью отвергали реальность и, подобно святому Августину, связывали все свои надежды с нерукотворным градом, хотя Эмброуз очень тонко подметил, что Бог не желает, чтобы его люди спаслись с помощью логических построений. «Бог не возрадуется, если людей спасет диалектика».

Какова же была жизнь этих людей? Если судить по посланиям Сидония, написанным им с 460 по 470 год, когда он жил в своем поместье в Оверни, то условия жизни совсем не изменились. Конечно, территория Галлии сократилась до небольшой области, зажатой между двумя варварскими королевствами, но если не обращать на это внимания, то можно подумать, что вернулись времена Аусония. У Сидония была роскошная вилла с банями и бассейнами, с анфиладой комнат и прекрасным видом на озеро. Сидоний приглашает друзей погостить у него и рассылает ученым людям, епископам и знакомым помещикам свои произведения. Большой популярностью пользуются различные игры и занятия спортом — Сидоний ездит верхом, плавает, охотится и играет в мяч. В одном послании он пишет, что проводит дни в деревне со своим двоюродным братом и старым другом, чьи поместья расположены по соседству. Они с братом отпра-

вили посыльных, которые разыскали этого друга, привезли погостить в дом Сидония на недельку и теперь по очереди развлекают его. До завтрака они играют в мяч на лужайке, а старики развлекаются игрой в триктрак. «Перед роскошным обедом, — пишет Сидоний, — мы проводим часок-другой в библиотеке, а после обеда спим. Потом мы отправляемся на верховую прогулку, а вернувшись, принимаем горячую ванну и ныряем в реку. Я хотел бы описать наши обильные обеды, — пишет он в конце письма, — но у меня закончилась бумага». Это вам не Британия, где в VI веке люди, являвшиеся наполовину варварами, селились в заброшенных виллах римлян и готовили себе еду в очагах, устроенных в парадных комнатах этих вилл прямо на полу.

И все же... дни Аусония ушли безвозвратно, и Сидоний не может больше игнорировать присутствие варваров. И он оставил их подробное описание, особенно портрет короля вестготов и бургундов, который правил в Лионе, где Сидоний родился. «Когда бы я ни явился туда, — жалуется Сидоний, — варвары окружают меня и демонстрируют свое навязчивое дружелюбие. От них разит луком и протухшим сливочным маслом, которым они смазывают волосы (оказывается, они могли свободно выбирать между копьем и маслом). Можно ли писать шестистопным ямбом, — спрашивает он, — когда тебя окружают столько косолапых, едва ли не шестопалых покровителей, поющих хором и ожидающих похвал своим грубым словам, среди которых нет ни одного латинского?» Недоуменное пожимание плеч, искреннее презрение человека, считающего себя бесконечно выше окружающих его людей, — как все это знакомо! И в этой связи вспоминаются стихи Верлена:

Я — Рим, империя на рубеже паденья,
Что, видя варваров громадных у ворот,
Небрежный акростих рассеянно плетет*.

* Перевод Г. Шенгели.

Но приятная жизнь Сидония была грубо нарушена. Не все варвары оказались дружелюбно настроенными, и вестготы, поселившиеся по соседству и подчинявшиеся своему новому королю Эврику, обратили на Овернь свои жадные взоры. Сидоний не пробыл и двух лет епископом Клермона, как ему пришлось оборонять город от вестготов. Овернцы сражались храбро; они отбивали штурмы и умирали от голода, оказавшись в осаде, но удержать этот последний оплот Рима в Галлии им не удалось. Их было слишком мало, и для того, чтобы отстоять родную землю, они нуждались в помощи Рима. Чтобы никто не упрекнул меня в искажении исторических фактов, приведу здесь слова редактора книги Сидония, написанные двадцать лет назад: «Юлий Непот хорошо понимал, что Эврик решится перейти Рейн, но силы Юлия были невелики, и он мог надеяться только на то, что в ходе переговоров ему удастся сохранить мир. В Галлию был послан квестор Лициниан, чтобы на месте изучить состояние дел... Теперь он уже вернулся, и вскоре стало ясно, что надеждам на его помощь не суждено было сбыться. Мы видим, что Сидоний пишет, чтобы узнать побольше... Он начал подозревать, что за его спиной идет какая-то возня и что настоящая опасность для Оверни исходит теперь уже не от решительно настроенного врага, а от предавших друзей. Его подозрения оправдались. Выслушав отчет квестора, собрали совет, чтобы определить политику империи по отношению к вестготскому королю... У империи не было сил для оказания помощи Оверни, поэтому решено было уступить ее Эврику, очевидно безо всяких условий».

Отчаянию Сидония не было границ, и он пишет епископу, принимавшему участие в переговорах, письмо, полное благородного негодования: «Положение нашей несчастной провинции ужасное. Все говорят, что даже во время войны дела шли лучше, чем сейчас, после заключения мира. Мы стали рабами, чтобы спасти третью сторону; овернцы... которые в свое время в одиночку преградили путь общему врагу, стали рабами — о, какой же это позор!.. Эти люди, простые солдаты, которые воевали не хуже капитанов, так

и не смогли воспользоваться плодами своих побед — плоды были отданы вам ради вашего утешения, а на плечи солдат обрушилось все сокрушительное бремя поражения. И это единственная награда за то, что они героически переносили все лишения и гибли от огня, меча и болезней, за то, что вонзали свои мечи в плоть врага и бросались в бой, не желая умирать голодной смертью. Вот чем обернулся знаменитый мир, о котором мы так мечтали, когда ели траву, выросшую в трещинах стен, чтобы хоть как-то утолить свой голод... Мы доказали свою преданность, и за это нами, очевидно, решили пожертвовать. Если это так, то вы должны покрыться краской стыда за мир без чести и уступок».

Оверньою пожертвовали ради спасения Рима. Но Рим недолго наслаждался этим позорным миром. Он был заключен в 475 году, а в 476 году последний римский император был изгнан варваром, и Западная Римская империя перестала существовать. Что касается Сидония, то готы некоторое время держали его в тюрьме, а чтобы вернуть себе поместье, ему пришлось написать панегирик королю Эврику (это ему-то, посвящавшему панегирики трем римским императорам!). Прежняя сельская жизнь потекла своим чередом, хотя люди, которые обменивались письмами и эпиграммами, стали теперь подданными варваров. Но, незадолго до своей смерти, Сидоний обронил одну фразу, в которой высказал то, что было у него на душе: «О, унижающая необходимость родиться, грустная необходимость жить, тягостная необходимость умереть!» Вскоре после 479 года он умер, а в течение двадцати лет после этого Кловий начал свои завоевания, и правителем Италии стал Теодорих.

Фортунат и Григорий Турский

Уходим, уходим, ушли... Есть только одно время и одно сердце, позволяющее на мгновение взглянуть на королевство франков, которое когда-то было Галлией, и описать мир, в котором жили Фортунат и Григорий Турский. Они

родились примерно через сто лет после Сидония, в 30-х годах VI века. Если посмотреть на Фортуната, то на мгновение может показаться, что мир в VI веке остался таким же, каким он был в те годы, когда Сидоний развлекал своих друзей эпиграммами и игрой в мяч. Фортунат, этот разносторонне одаренный, мягкий, добродушный, льстивый гурман, который каким-то образом ухитрился написать два самых величественных гимна христианской церкви, в 565 году приехал в Галлию из Италии и домой возвращаться не стал. Он осмотрел все земли, принадлежавшие франкам, и те, что составляли Германию, и те, что входили в состав Галлии. От Трира до Тулузы он с удобствами путешествовал по реке и по дорогам, и, читая его поэму, мы вспоминаем о временах Аусония. Фортунат написал поэму о Мозеле, в которой мы встречаем все тот же веселый сельский пейзаж, где виноградники террасами спускаются к тихой реке, а над лесом поднимается дымок из печных труб. Фортунат посетил и сельские дома, особенно охотно навещая роскошные виллы, принадлежавшие Леонтию, епископу Бордо, знатному галло-романскому аристократу, дед которого дружил с Сидонием. Горячие ванны, портики с колоннами, лужайки, спускающиеся к реке, — все осталось на своем месте; пиры стали еще более обильными (они сильно расстроили пищеварение Фортуната), а разговоры по-прежнему вертелись вокруг литературы. Наиболее умные из предводителей варваров из всех сил старались подражать этой утонченной и роскошной жизни. Франки, как и галлы, с радостью принимали у себя маленького любопытного Фортуната; все графы хотели, чтобы он написал в честь каждого из них несколько латинских стихов. Ясно, что кое-что от старой сельской жизни сохранилось и в VI веке. Счастливчики наслаждаются горячими ваннами и игрой в мяч; как говорит Дилл, пусть варвары правят землей, но законы вежливости никуда не делись.

Но, взглянув на эту жизнь пристальнее, мы начинаем понимать, что мир стал совсем другим. Трагедия VI века ужасает нас не только потому, что мы знаем, что все эти

жалкие остатки социальной и материальной цивилизации Рима очень скоро погибнут, но и потому, что, заглянув поглубже, мы видим, что жизнь из нее ушла, душа, воспламенившая ее, умерла и не осталось ничего, кроме пустой оболочки. Эти люди с радостью принимают Фортуната просто потому, что он — родом из Италии, где разложение зашло еще не так далеко, где еще сохранилось уважение к образованию и культуре. В обществе этого потерянного ребенка погибшей цивилизации они испытывают чувство ностальгии по умершим временам.

Таков мир Григория Турского, о котором вы можете прочитать в его «Истории франков». Страной правили жестокие короли из рода Меровингов. Варварство распространяется и процветает за оградой вилл, словно дикие джунгли. Образование умирает — от учебных заведений остались лишь одни воспоминания, и Григорий, выходец из знатной галло-романской семьи, занимавший пост епископа, сам говорит о том, что не знает грамматики. Города уменьшаются, замкнувшись в пределах своих оборонительных валов. Горят синагоги, и открывается первая страница трагической истории, в которой евреи были объявлены вне закона, обложены специальными налогами и отправлены в изгнание. Что касается политики, то законом для франков является воля их вожака и его свиты. Все этапы соперничества меровингских принцев за власть сопровождаются резней и кровопролитием. Самыми худшими среди них были чудовища вроде Хильперика и Фредегонда, а самыми лучшими — те же варвары вроде короля Гунтрама, которому Григорий Турский посвятил в своем труде так много снисходительных слов. Этот король мало похож на своих современников — жирный, болтливый человек, то мурлыкающий от удовольствия и демонстрирующий свою веселую, жизнерадостную натуру, то взрывающийся от гнева и способный на бесчинства. Король Гунтрам — какая-то странная смесь благодушия и жестокости. Григорий относится к нему с любовью, в истории он остался как «добрый король Гунтрам», а церковь после смерти кано-

низировала его — и это лучше всего говорит о том, во что превратилась цивилизация! Мишле выразил суть этого человека одной фразой: «Это был добрый король, который казнил всего лишь двух или трех человек».

Таковы были люди, которым выпало жить в эпоху падения Рима и триумфа варваров и которые, благодаря своему высокому положению, образованию и талантам, могли если не предсказать, то хотя догадаться, как будут развиваться события. И тем не менее, изучая мир времен Аусония и Сидония (ибо ко времени Григория Турского он уже исчез), нельзя, я думаю, не задаться вопросом — почему они совсем не замечали того, что происходит вокруг? В больших сельских домах устраивались пиры и спортивные состязания, ученые и преподаватели читали свои лекции и писали книги, игры становились все популярнее, а театры никогда не пустовали. Аусоний видел, как германцы завоевали Галлию, но ему и в голову не приходило, что однажды это может повториться. Сидоний живет в мире, который уже наполовину стал варварским, и тем не менее за год до гибели Западной империи мечтает о том, как его сын станет консулом. Почему они не понимали размеров несчастья, которое скоро на них обрушится? Этот вопрос не менее интересен, чем вопрос о том, почему погибла цивилизация, поскольку по сути своей это один и тот же вопрос. На него можно предложить несколько ответов.

К примеру, процесс дезинтеграции шел очень медленно, поскольку сам темп жизни был замедленным, и то, что в наше время происходит в течение нескольких десятков лет, в те времена происходило в течение столетия. Мы смотрим на события прошлого, вооруженные знанием о том, что случилось потом, и благодаря этому можем проследить тенденцию их развития. Нам хочется крикнуть умершим людям в колодец прошлого и предупредить их, чтобы они успели подготовиться, пока не стало слишком поздно, и не слышим эха, которое ответило бы нам:

«Врачу, исцелися сам!» Они страдали от фатальной близорукости современников событий. Их занимали текущие дела; им нужно было избавиться от опасности, которая нависала непосредственно в данный момент, и они не понимали, что любой компромисс и любое поражение — это звенья одной цепи, тащившей их к пропасти.

В какой момент давление варварства превратилось в неизлечимую болезнь империи? От первого германца, одетого в шкуру и принятого в состав легиона, до великих варварских патрициев Италии, сажавших на трон императоров и сбрасывавших их оттуда, тянется непрерывная нить. В какой момент атаки извне поражение стало неизбежным? Стал ли таким моментом уход римлян из Дакии в 270 году — позволим варварам создать свою сферу влияния в восточной части Европы, и они будут удовлетворены и оставят западный мир в покое? А может быть, им стало поселение готов в качестве федератов в пределах империи в 382 году, положившее начало тому компромиссу между Римской империей и германцами, который, по словам Бери, замаскировал переход от одного способа правления к другому, от федеративных государств в составе этой империи к независимым государствам, которые сменили ее? Стала ли политика умиротворения смертельной ошибкой? А может быть, причина в выводе римских легионов из Британии, страны далеких людей (как мог бы выразиться римский сенатор), о которой мы ничего не знаем? Или была фатальная комбинация Испании и Африки, когда в обеих провинциях к 428 году утвердились вандалы, а их флот (использовавший Майорку и острова в качестве своей базы) отрезал Рим от провинций, снабжавших его зерном, и уничтожил путь, роль которого выполняло Средиземное море? Еще не один раз в истории Европы триумф враждебного правления в Африке и Испании навлечет опасность на нашу цивилизацию.

Итак, римлян обмануло постепенное развитие процесса, но были и другие, столь же важные причины их слепоты. Самым главным было то, что они неверно понима-

ли природу самой цивилизации. Все они совершали одну и ту же ошибку. Люди, которые были уверены, что Рим поглотит варваров и растворит их в своем населении, не разбавив раствора цивилизации; люди, которые кричали, что варвары не такие уж плохие ребята, и находили положительные черты в режиме их управления, считая, что он поможет римлянам избавиться от пороков, и заявляли, что если ты не станешь немного варваром, то не получишь спасения; люди, которые в 476 году не замечали, что половина Римской республики перестала существовать, и тешили себя мыслью о том, что власть варварских королей была дарована им императором, разделяли ошибочное убеждение, что Рим (цивилизация того времени) — это не просто историческое образование, имеющее свое начало и конец, но явление природы, вроде воздуха, которым они дышат, или земли, которую он пашут. Иными словами, они верили в самый великий и опасный лозунг: «Славься, бессмертный Рим!»

Более того, римлян ослепляло и не позволяло им ясно увидеть того, что происходит, совершенство созданной ими материальной культуры. Все вокруг них было таким прочным и удобным. Само материальное существование было антитезисом варварства. И разве они могли представить себе, что придет время, когда норманнский летописец будет восхищаться разрушенной подземной печью для отопления комнат Карлеона? Могли ли они вообразить, что столь прочное сооружение, как их империя, когда-нибудь вообще исчезнет с лица Земли? Дороги римлян, по мере ухудшения управления, становились все лучше, а центральное отопление распространялось всюду — и это в то время, когда рушилась цивилизация...

Но самым главным виновником «слепоты» римлян была их система образования. Аусоний и Сидоний и их друзья были высокообразованными людьми, а Галлия славилась своими школами. В этих заведениях учили грамматике и риторике, которые были необходимы для гражданской службы и для успеха в обществе. Однако трудно предста-

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

вить себе более оторванное от жизни образование, которое совершенно не воспитывало в людях качеств, помогавших бороться с возникшими трудностями. Изучение риторики, которая давно уже потеряла всякую связь с реальной жизнью, заставляло человека, обладавшего интеллектом, целиком сосредоточить свое внимание не на содержании, а на форме. Предметы, которые римляне изучали в школах, не имели никакой связи с тем, что происходило за стенами этих школ, и создавали у них роковую иллюзию, что завтра все будет точно таким же, как вчера, что условия жизни остались прежними, хотя они полностью изменились.

Итак, мы покидаем римлян. Они уходили... уходили... ушли! Ушли навсегда? Вероятно, нет. Прошли сотни лет, прежде чем варварский мир сумел создать общество, которое смогло сравниться с Римом или даже превзойти его в материальном богатстве, в искусстве, науке и культурном образе жизни. Мы не можем назвать точную дату окончательного избавления от варварства, не можем назвать и людей, которые представили бы развивающуюся цивилизацию столь же полно, как Аусоний или Григорий Турский представили цивилизацию угасающую — Данте, Шекспир, Коперник, Ньютон? Но многие века, быть может, целое тысячелетие миновало, прежде чем Западная Европа достигла тех высот, на которые поднялись эти люди. Целое тысячелетие она постепенно выбиралась из той пропасти, в которой она оказалась после гибели Римской империи. Подъем был не только медленным, но и неравномерным, ибо для установления социального строя, не похожего на римский, потребовалось всего несколько веков, а держался он целую тысячу лет. Тем не менее он обладал величием, которое способно возбудить наш интерес и даже вызвать восхищение наших потомков. В новой культуре и новом социальном строе многое из того, что наблюдали в своей жизни Аусоний, Сидоний и даже Фортунат, снова возвратилось к жизни, пусть и в форме, затрудняющей узнавание. В этом смысле они были не только эпигонами Рима, но и истинными предшественниками Средневековья.

Глава 2

КРЕСТЬЯНИН БОДО

Жизнь в поместье во времена Карла Великого

Три тонкие вещи, на которых держится весь мир: тонкая струйка молока, текущая из вымени в ведро; тонкий стебелек пшеницы в поле; тонкая нить в руках умелой женщины.

Три звука преумножения богатства: мычание коровы, требующей дойки; грохот кузнечного молота; шуршание земли, вздымаемой плугом.

Из «Ирландских Триад» (IX век)

Экономическая история, как нам известно, самая молодая ветвь исторической науки. До середины XIX века историки и широкая публика проявляли интерес в основном к политической и конституционной истории, к политическим событиям, войнам, династиям, а также к политическим институтам и их развитию. Поэтому историки освещали преимущественно жизнь правящих классов. «Восславим же знаменитых людей» — вот что было их девизом. Про «отцов, давших нам начало» они почему-то забывали. Их не занимала жизнь простых людей и деятельность огромных людских масс, составлявших тот скрытый фундамент политических и конституциональных сооружений, на который опирались прославляемые учеными вели-

кие люди. Изучать жизнь простых людей историки считали ниже своего достоинства. Карлайл, описывая эпоху Английской революции, сделал весьма примечательную запись: «Я хочу видеть не списки Красной книги, не придворные календари или парламентские журналы, а жизнь простого англичанина, его дела, мысли, страдания и радости. Грустно сознавать, что дело, называемое «историей», и в наши просвещенные времена остается все тем же. Да зачитайте вы все исторические исследования до дыр, вы нигде не найдете ни малейшего намека на то, как жили люди и каков был их быт, не узнаете, интересовали ли их одни экономические вопросы или что-нибудь еще, сколько денег они получали за свой труд и что могли на них купить. К сожалению, вы нигде об этом не прочитаете... Исторические труды, переплетенные в золоченую кожу, дадут вам не больше информации, чем деревянные доски для триктрака».

Но голос Карлайла был гласом вопиющего в пустыне. Новая история, приход которой он подготовил, появилась в наши дни. Современная наука отличается от прежней живым интересом к человеку с улицы или (как чаще бывало в древние времена) человеку с мотыгой, на которого раньше не обращали никакого внимания. Сейчас историка интересуют не только войны и интриги правителей, но и социальная жизнь прошлого. Для современного писателя, к примеру, XIV век — уже не век Столетней войны, Черного принца и Эдуарда III, а эпоха медленного разложения крепостного права в Англии. Этот процесс, в долгосрочной перспективе, оказался гораздо более значимым, чем борьба английских королей за французские провинции. Мы по-прежнему воздаем хвалу выдающимся личностям, ибо плох тот историк, который не заметит кого-нибудь из великих, осветивших страницы истории своей славой или романтической жизнью, но мы прославляем их, признавая тот факт, что не только выдающиеся деятели, но и простые люди, имен которых мы никогда не узнаем, вся та неразличимая масса людей, покоящаяся

теперь в забытых могилах, тоже творила историю. Наши отцы, давшие нам начало, наконец-то получают свою долю славы. Как выразился Эктон: «Крупный историк принимает сейчас пищу на кухне».

Эта книга посвящена в основном исторической кухне, и первая, которую мы с вами посетим, — это сельское поместье начала IX века. Так получилось, что мы знаем о нем на удивление много, частично потому, что Карл Великий собственноручно составил ряд инструкций для управляющих своими королевскими землями. В них описывалось все, что они должны были делать, вплоть до того, какие овощи сажать в огороде. Но наш главный источник сведений — это прекрасная поместная книга, которую аббат Ирминон, настоятель монастыря Сен-Жермен-де-Пре, расположенного около Парижа, написал специально для того, чтобы монахи точно знали, какие земли принадлежат им и кто на них живет. Вильгельм Завоеватель создал точно такую же книгу для своего поместья, охватывавшего все Английское королевство, озаглавив ее «Книга Страшного суда». В книге Ирминона указаны все небольшие имения (или *фиски*, как их тогда называли), принадлежавшие аббатству, с описанием земель, с которых должен был кормиться управляющий этим фиском, и земель, которые сдавались в аренду крестьянам, а также имена этих крестьян, их жен и детей. Кроме того, в поместной книге мы находим описание всех повинностей, которые они должны были нести, и размеры оброка, который они должны были платить, — вплоть до последней доски и последнего яйца. Поэтому мы знаем имена почти всех мужчин, женщин и детей, которые жили в этих фисках во времена Карла Великого, и очень хорошо представляем себе их повседневную жизнь.

Давайте же рассмотрим, из чего состояло поместье. Как было сказано выше, земли аббатства Сен-Жермен-де-Пре были разделены на ряд небольших имений, называемых фисками, каждый из которых имел своего собственного управляющего. И в каждом фиске земля делилась на сень-

ориальную и на отдаваемую в аренду. Первой управлял специально назначенный монахами человек, а другой пользовались крестьяне, арендуя ее у аббатства. Арендная земля распределялась между несколькими небольшими фермами, которые назывались *мансами*. На ферме обычно жила одна или несколько семей. Если бы вы пришли в главный, или сеньориальный, манс, который монахи держали в своих руках, то увидели бы маленький домик с тремя-четырьмя комнатами, построенный, вероятно, из камня, а перед ним — территория усадьбы. Здесь располагалась группа домов, обнесенная изгородью, где жили и работали крепостные крестьяне, принадлежавшие хозяину дома. Эти люди выполняли домашнюю работу, трудились в находящихся тут же мастерских, кухне, пекарне, амбарах, конюшне, исполняли другие службы. Вдоль забора росли деревья. К главному мансу прилегали обширные земли — на них раскинулись пашни, покосы, виноградники, сады и почти весь лес, принадлежавший монахам. Чтобы обработать землю, требовалось много рабочих рук. Часто ее обрабатывали крепостные, принадлежавшие главному мансу и жившие при его дворе. Но для выполнения всех видов работ на землях монастыря одних крепостных было недостаточно, и большую их часть выполняли арендаторы земель в виде различных повинностей.

Рядом с сеньориальным располагались несколько более мелких, зависимых от него мансов. Они принадлежали крестьянам, которые находились в разной степени зависимости от монахов, но все обязаны были работать на землях главного манса. Мы не будем описывать разные классы крестьян, поскольку на практике разница между ними была совсем невелика, и в течение двух веков они все превратились в крепостных. Самыми важными были так называемые *колоны*, которые обладали личной свободой (то есть считались по закону свободными людьми), но были привязаны к земле. Они не могли покидать свои фермы, и если поместье продавалось, то их продавали вместе с ним. Каждый манс арендовала одна или две-три семьи, которые

объединялись для выполнения работ. Манс состоял из жилого дома или домов и тех же служб, что и в главном мансе, только они были победнее и сооружались из дерева. При мансе была пашня и покос, а порой и небольшой виноградник. В качестве платы за аренду этих земель обитатель или обитатели манса должны были три дня в неделю отрабатывать барщину на землях главного манса. Главной задачей управляющего было следить, чтобы они работали на совесть. Каждый арендатор нес две повинности. Первой была работа в поле — каждый год все арендаторы обязаны были вспахать определенное количество барской земли (как ее стали называть позже). Кроме того, каждую неделю управляющий мог потребовать, чтобы крестьяне вспахали еще какое-то количество земли (ее размер не был установлен), если в этом возникала нужда. В Средние века эти два вида работ назывались *отработками* и *барщиной*.

Второй повинностью, которую несли арендаторы монастырских земель, был ручной труд — они должны были ремонтировать дома и службы, рубить деревья, собирать плоды и ягоды, изготавливать эль или перевозить различные грузы — словом, выполнять все, что управляющий приказывал им сделать. Благодаря этому земля монахов была всегда хорошо обработана. В другие дни недели арендаторы могли работать на своей земле, и можно не сомневаться, что они трудились на ней с гораздо большим усердием и отдачей.

Но обязанности крестьян на этом не заканчивались — они обязаны были также платить монахам подати. В ту пору еще не существовало единых государственных налогов, но каждый человек обязан был вносить определенную сумму на содержание армии. Этот налог Карл Великий взимал с аббатства, а монахи платили его из тех денег, которые получали со своих арендаторов. Нужно было отдать быка, или определенное количество овец, или деньги, эквивалентные стоимости скота. «Тот, кто платит хозяину два серебряных шиллинга», всегда занимает первое место в списке свободных людей. Кроме того, крестьянин

обязан был отблагодарить за каждую привилегию, дарованную ему господами. Например, за разрешение собирать дрова в лесу, который ревниво оберегали монахи, он должен был привезти в главный манс телегу дров. За право пасти свиней в том же лесу крестьянин обязан был отдать несколько бочонков вина. За право пасти овец на полях главного манса каждые три года надо было отдать одну овцу, кроме того, крестьяне должны были платить нечто вроде подушной подати, составлявшей четыре пенни (денария) с головы. Помимо этих податей, каждый фермер обязан был платить оброк — ежегодно отдавать монахам трех цыплят, пятнадцать яиц и большое число досок для ремонта помещений монастыря. Часто ему приходилось отдавать двух свиней, иногда пшеницу, вино, мед, воск, мыло или масло. Если фермер знал какое-нибудь ремесло, он платил изделиями этого ремесла — кузнец обязан был ковать пики для военного отряда аббатства, плотник изготовлял бочки, обручи и подпорки для виноградников, тележных дел мастер делал телеги. Даже жены крестьян обязаны были работать на монастырь, если они были крепостными, — ежегодно холопки ткали полотно или шили одежду для всех монахов.

Оброк собирал и хранил управляющий, которого называли *майором*. Он работал как проклятый, и когда читаешь семьдесят конкретных предписаний, которые составил Карл Великий и которые майоры обязаны были неукоснительно выполнять, то проникаешься к этому человеку сочувствием. Он должен был следить, чтобы все повинности выполнялись неукоснительно, еженедельно раздавать крестьянам работу и смотреть, чтобы она была выполнена. Он должен был следить, чтобы крестьяне поставляли требуемое число яиц и свиней и не подсовывали ему кривые или плохо обструганные доски. Он должен был контролировать хранение припасов и торговлю ими, отсылать все произведенные в поместье товары и оброк в монастырь и ежегодно обязан был предоставлять аббату полный и подробный отчет об управлении поместьем.

У него был свой манс, с которого он тоже нес повинности и платил оброк, при этом Карл Великий требовал, чтобы его управляющий исправно платил этот оброк, чтобы подавать хороший пример крестьянам. Скорее всего, обязанности майора не оставляли тому времени для занятия своим хозяйством, и он нанимал для этого батрака, как и советовал Карл Великий. Часто, однако, майор имел у себя в подчинении нескольких чиновников, называемых *деканами*, а в больших хозяйствах учетом поступавших припасов и хранением их занимался специально назначенный для этого человек — *келарь*.

Так, в нескольких словах, монахи Сен-Жерменского аббатства и другие франкские землевладельцы во времена Карла Великого управляли своими поместьями. Теперь давайте посмотрим, как же жили крестьяне этого поместья. Аббатству принадлежала небольшая деревня, под названием Вилларис, неподалеку от Парижа, там, где теперь раскинулся парк Сен-Клод. Открыв книгу, в которой велись записи, касающиеся деревни Вилларис, мы найдем в ней упоминания о человеке по имени Бодо¹. Его семью составляли жена Эрментруда и трое детей — Видо, Герберт и Хильдегард. У него имелся небольшой надел пахотной земли, покос и несколько виноградных лоз. О жизни Бодо нам известно почти столько же, сколько о мелком французском землевладельце наших дней.

Давайте же попытаемся представить себе один день из жизни Бодо. К примеру, прекрасным весенним утром в последние годы правления Карла Великого Бодо встал очень рано, поскольку сегодня он должен был отработать день на монастырском наделе и боялся опоздать на работу, поскольку управляющий этого не терпел. Чтобы подмаслить его, Бодо, вероятно, еще неделю назад послал майору яиц и овощей, но монахи не разрешали своим управляющим брать крупные взятки (как это делалось в некоторых других поместьях), и Бодо знал, что если он припозднится, то получит большой нагоняй. В тот день он должен был пахать поле, поэтому взял с собой своего большого вола и малень-

кого сына Видо, который должен был его погонять. Вскоре Бодо с сыном присоединились к своим друзьям с соседних ферм, которые тоже сегодня должны были работать на барщине. Наконец, все собрались — кто привел лошадь, кто вола, кто принес мотыгу, кирку или лопату, иные захватили топоры или косы и, разбившись на группы, двинулись через поля, луга и рощу к главному мансу, куда им приказал явиться управляющий. В соседнем мансе жило несколько семей — Фламберт, Эрмоин и Рагенольд со своими женами и детьми. Бодо, проходя мимо, поздоровался с ними. Фламберт должен был сделать ограду вокруг рощи, чтобы кролики, живущие в ней, не потравили молодые всходы на поле, Эрмоину было велено принести побольше дров для главного дома, а Рагенольд собирался заделать дыру на крыше амбара. Бодо шел по холодку, насвистывая песенку, а рядом шли его вол и сын. Мы не пойдем дальше за ними, поскольку они весь день будут пахать, а в полдень перекусят под деревом вместе с другими пахарями. День для них пройдет безо всяких происшествий.

Лучше вернемся в дом Бодо и посмотрим, чем занимается его жена, Эрментруда. У нее сегодня тоже очень много дел, она должна принести майору оброк — жирную курицу и пяток яиц. Она оставила своего второго сына, девяти лет от роду, присматривать за грудной Хильдегард и зашла за одной из соседок, которая тоже должна была идти к управляющему. Соседка — крепостная крестьянка, и должна была отнести ему кусок шерстяной ткани, который тот отошлет в аббатство, чтобы из него сшили рясу для монаха. Ее муж весь день должен был работать на хозяйском винограднике, поскольку в этом поместье крепостные, как правило, ухаживали за виноградником, а поле пахали свободные крестьяне. Эрментруда и ее подруга вскоре явились в дом управляющего. Здесь вовсю кипела работа. В мужской мастерской трудились несколько умелых ремесленников — башмачник, плотник, кузнец и два серебряных дел мастера. Больше ремесленников здесь не держали, поскольку самые лучшие из них жили

в самом аббатстве Сен-Жермен. Там же они и работали, и им не надо было куда-то везти свои изделия. Но в каждом поместье всегда было несколько умельцев — либо крепостных, живших при господском доме, либо свободных людей, обитавших в своих мансах. Хорошие землевладельцы всегда старались заполучить побольше умелых ремесленников. Карл Великий приказывал, чтобы его управляющие имели в своем распоряжении «хороших рабочих, а именно: кузнецов, серебряных и золотых дел мастеров, башмачников, токарей, плотников, изготовителей мечей, рыбаков, охотников, мыловаров, пивоваров, людей, знающих, как делать яблочный и грушевый сидр и все другие виды напитков, пекарей, которые выпекали бы пшеничный хлеб для нашего стола, людей, которые знали бы, как делать сети для охоты, рыбной ловли и ловли дичи, и других, которые здесь не упомянуты». И некоторые ремесленники, владевшие этими профессиями, работали на монахов в деревне Вилларисе.

Но Эрментруда не остановилась у мастерской. Она нашла управляющего, поклонилась ему и, отдав курицу и яйца, поспешила на женскую половину, чтобы поболтать с подружками. В те времена женщины у франков жили в отдельном помещении — здесь они выполняли работу, которая считалась чисто женской, точно так же, как это было принято у древних греков. Если в поместье жил франк благородного происхождения, то за работницами следила его жена, но поскольку в каменном доме в Вилларисе никто не жил, то за женщинами присматривал управляющий. На женской половине располагалось несколько домиков и мастерская. Все эти строения были обнесены высоким забором и имели ворота, запиравшиеся большой задвижкой, как в гареме, чтобы никто не мог пройти сюда без разрешения. Рабочие комнаты были оборудованы всем необходимым и отапливались печами. Здесь Эрментруда (ей, как женщине, позволялось входить сюда) увидела около дюжины крепостных крестьянок, которые ткали и красили полотно и шили одежду. Каждую неделю измотанный управ-

ляющий приносил им сырье для работы и забирал готовые изделия. Карл Великий наставлял своих управляющих, как надо обращаться с женщинами, работавшими в мансах, и можно не сомневаться, что монахи Сен-Жермена в своих образцовых поместьях поступали так, как советовал король. «Наших женщин, — писал Карл Великий, — надо своевременно обеспечивать всеми необходимыми материалами, а именно холстом, шерстью, красителями, получаемыми из вайды, вермильоном, мареной, гребнями для расчесывания шерсти, ворсовальными шишками, мылом, жиром, лоханями и другими необходимыми вещами. И пусть за женской половиной хорошо присматривают, а в домах и комнатах топят печи и делают кладовые, и пусть их окружает прочный забор, а двери тоже будут прочными, чтобы женщины выполняли свою работу как следует».

Впрочем, Эрментруда не долго болтала с подругами — ей надо было торопиться домой. Пойдем же за ней и мы. Она вернулась к себе на ферму и принялась за работу на винограднике, через час-другой покормила детей и остаток дня пряла шерсть, чтобы сшить им теплую одежду. Все ее подруги работали на фермах своих мужей или ухаживали за домашней птицей, пололи грядки с овощами или шили дома одежду. Женщинам приходилось работать не меньше мужчин. Во времена Карла Великого овец стригли в основном женщины. Наконец, вернулся Бодо и сел ужинать, а как только село солнце, вся семья улеглась спать, поскольку свеча, изготовленная их собственными руками, почти не давала света, а утром надо было опять встать пораньше. Де Квинси в своей неподражаемой манере однажды заметил, что люди древности «ложились спать, как послушные мальчики, между семью и девятью часами». «Люди рано ложились спать просто потому, что мать-земля не могла позволить им понапрасну жечь свечи. Эта старая добрая дама... несомненно, недоуменно пожала бы плечами, если бы какая-нибудь из ее народностей попросила свечей. «Какие еще там свечи! — воскликнула бы она. — Кому это там нужны свечи, если даром пропадает столько прекрасного

дневного света, который я дарю всем совершенно бесплатно. Интересно, чего этим паршивцам захочется потом?» Такова была ситуация даже во времена Бодо.

Вот так обычно проходили дни Бодо и Эрментруды. Вы все это очень хорошо описали, скажете вы. Но мы и раньше знали о том, что крестьяне жили в поместьях, платили оброк и выполняли различные повинности. Но что они чувствовали и о чем думали, как развлекались, когда им не надо было работать? Оброк и барщина — все это внешнее, и поместная книга описывает ежедневную рутину. Но можно ли представить себе жизнь, скажем, университета, изучив список читаемых его профессорами лекций? Точно так же невозможно представить себе жизнь Бодо по учетным книгам его господ. Какой смысл обедать на кухне, если у вас нет желания общаться со слугами? Чтобы понять, о чем думал и что чувствовал Бодо и как он развлекался, надо отложить в сторону книгу аббата Ирминона и заглянуть в самые темные уголки этой кухни. Из книг Чосера, Ленгленда и дворцовых журналов мы можем многое узнать о чувствах крестьян, живших шестью веками позже, но о IX веке материалов у нас почти нет, и нам придется вспомнить секреты невидимых чернил.

Бодо, вне всякого сомнения, испытывал самые разные чувства, и притом очень сильные. Когда ему морозным зимним утром приходилось идти на барское поле, в то время как его собственное было еще не вспахано, он, дрожа от холода и стряхивая с бороды иней, от всей души желал аббатству и его пашне провалиться на дно морское (которого он, кстати, никогда не видел и не мог себе представить). А может, он мечтал стать монастырским охотником, ищущим в лесу дичь, или монахом, поющим красивым голосом в монастырской церкви, или купцом, везущим тюки с плащами и поясами по большой парижской дороге — словом, кем угодно, лишь бы не крестьянином, пашущим чужую землю? Один англосаксонский писатель создал вот такой воображаемый диалог с пахарем: «Скажи мне, пахарь, как ты работаешь?» — «О, сэр,

я тружусь не покладая рук. Я выхожу из дома на рассвете, веду вола в поле и впрягаю его в плуг. Даже если бы зима и не была такой холодной, я бы не сидел дома, опасаясь гнева своего господина, ибо каждый день, надев на шею вола ярмо, пристегнув лемех и сошник к плугу, я должен вспахать целый акр земли и даже больше!» — «А есть ли у тебя помощник?» — «У меня есть мальчик, который погоняет вола и который совсем окоченел от холода и громко плачет. (Бедный маленький Видо!)» — «И что же, это очень тяжелая работа?» — «Да, очень тяжелая».

И все-таки, как бы ни было тяжело, Бодо напевает веселую песенку, чтобы приободрить Видо и взбодриться самому. Рассказывают, что однажды один клерк пел в присутствии императора «Аллилуйя» и Карл, повернувшись к одному из епископов, заметил: «Мой клерк очень хорошо поет», — на что епископ грубо ответил: «Любой дурак в деревне поет для своего вола не хуже, когда пашет землю».

Нет также сомнений в том, что Бодо нравились названия, которые Карл Великий придумал для месяцев года на языке франков. Январь он назвал «зимним месяцем», февраль — «грязным месяцем», март — «весенним месяцем», апрель — «пасхальным месяцем», май — «веселым месяцем», июнь — «месяцем пахоты», июль — «месяцем сенокоса», август — «месяцем урожая», сентябрь — «ветренным месяцем», октябрь — «месяцем вина», ноябрь — «осенним месяцем» и декабрь — «святым месяцем».

Сознание Бодо смущало множество предрассудков. Франки к тому времени уже давно были христианами, но верили в старые заклинания и приметы. На землях святых монахов Сен-Жермена можно было увидеть крестьян, произносивших заклинания, которые возникли много веков назад. Это были песни, которые франкские пахари распевали над своей землей задолго до того, как они переселились на юг, на территорию Римской империи, или заговоры, которые произносили бортники, жившие на берегах Балтийского моря, во время роения пчел. Христиан-

ство придало этим заклинаниям поэтическую форму, но не лишило их первоначального смысла, а поскольку обработка земли — самое древнее и самое неизменное их всех человеческих занятий, старые верования и суеверия оказались очень живучими, и древние языческие боги, давно покинувшие дома и дороги, еще долго бродили вдоль борозд, проложенных плугом. И в поместьях аббата Ирминона крестьяне шептали заговоры над больной скотиной (и над своими больными детьми) и произносили заклинания на полях, чтобы их плодородие возросло. Если бы вы пошли за Бодо, когда он прокладывает свою первую в новом году борозду, то, наверное, увидели бы, как он вытаскивает из кармана своей куртки небольшой каравай, испеченный Эрментрудой из различных продуктов, наклоняется к земле, кладет его в борозду и при этом напевает:

Земля, земля, кормилица земля!
Пускай дарует Вседержитель Бог
Тебе зерном беременные нивы,
Различных злаков, ярких, сочных трав
Бесчисленное множество и силу.
Ячмень цветущий,
Горный воск пшеницы —
Все, что на свет способна ты родить.

Удобренная щедро, дай нам пищу!
Благословенна будь, красавица земля.
Ведь, плодородьем наделив тебя,
Бог повелел, чтоб всякий злак на свете
Пошел на пользу нам.

Только после этого он начинал пахать поле.

Церковь поступала мудро — она не запрещала старинные ритуалы. Она научила Бодо молиться Всевышнему Богу, а не Небу-Отцу, и Богородице, а не Земле-Матери, но, несмотря на эти изменения, старые заклинания, которые он узнал от своих родителей, продолжали ему служить. Церковь научила Бодо, например, обращаться к Христу и Богородице, когда он заговаривал пчел. Услышав, что пчелы роятся, Эрментруда становилась рядом со своим домом и произносила такое заклинание:

КРЕСТЬЯНИН БОДО

Пчелы роятся, Христос.
В улей летите, малышки, —
Ждет вас там мир и покой.
В доме своем без опаски
Быстренько, пчелы, садитесь.
Просит вас Дева Мария.
Слышите, не улетайте,
Не улетайте в леса.
Вам от меня не укрыться,
Не улететь от меня.
Тихо же в улье сидите,
Воли Божественной ждите!

А если Бодо, возвращаясь домой, замечал, что одна из пчел запуталась в шиповнике, то тут же останавливался и загадывал желание — как делают сейчас некоторые люди, проходя под лестницей. Церковь также научила заканчивать заговор от боли словами: «Пусть будет так, о Боже!» Многие поколения предков Бодо верили, что если у тебя закололо в боку или заболело в каком-нибудь другом месте, то это означает, что твои внутренности пожирает червь, поселившийся в костном мозгу, и единственный способ избавиться от него — это приложить нож, или наконечник стрелы, или какой-нибудь другой металлический предмет к больному месту и с помощью заклинания выманить на него этого червя. Предки Бодо, а за ними и он сам, заговаривали боль такими словами: «Выползай, червь, с девятью маленькими червячками, из костного мозга в кость, из кости — в плоть, из плоти — в кожу, а из кожи — на эту стрелу». А потом, подчиняясь требованию церкви, добавлял: «Пусть будет так, о Боже!» Впрочем, в действия Бодо не всегда можно было вложить христианский смысл. Иногда он ходил к человеку, обладавшему магической властью, или поклонялся какому-нибудь сильно искривленному дереву, о котором говорили, что оно творит чудеса. В таких случаях церковь была непреклонна. И когда Бодо исповедовался, священник спрашивал его: «Ходил ли ты к колдунам и чародеям, приносил ли жертвы деревьям или источникам, пил ли какое-нибудь волшебное зелье?» И ему приходилось признаваться, что да, ходил, когда заболела

корова. Однако церковь была не только строгой, но и доброй. «Когда придут к вам крепостные, — наставлял священников один епископ, — не заставляйте их поститься так же строго, как богатых. Для бедняков достаточно и половины епитимьи». Служители церкви хорошо понимали, что на голодный желудок Бодо работать не сможет. Зато благородным франкам, проводившим все дни в охоте, пирах и пьянстве, пропуск одного приема пищи был весьма полезен.

Именно благодаря этой строгой, но доброй церкви у Бодо были выходные. Она заставила набожного императора издать указ о том, что в воскресенье и святые дни крестьяне не должны отрабатывать барщину и выполнять другие работы. Сын Карла Великого повторил этот указ в 827 году. Он звучал так: «Мы повелеваем, согласно Божьему закону и эдикту нашего отца, в память о его указах, да будут они благословенны, чтобы в воскресенье никто не работал на барщине, и никто не занимался своими деревенскими делами: нельзя ухаживать за виноградниками, пахать землю, собирать урожай и косить сено, сооружать заборы и обносить загородками роши, рубить деревья, работать в карьерах или строить бы дома, нельзя также работать в саду, являться в суды или гнать зверя. По закону разрешается совершать только три службы: ведать военное дело, готовить еду или предавать тело своего господина земле (если в том возникнет нужда). Женщины не должны прясть, кроить одежду, сшивать ее нитками, а также чесать шерсть, трепать коноплю, мыть одежду на людях и стричь овец, ибо в Господний день всем полагается отдыхать. Но пусть же все они сходятся со всех сторон на мессу в церковь и славят Бога, за все то доброе, что Он сделал для нас в этот день!»

Но Бодо, Эрментруда и их друзья не желали ограничиваться в святые дни одним только посещением церкви и после мессы умиротворенно возвращаться домой. Они предпочитали по праздникам плясать, петь и веселиться, как во все века делали жители деревни, пока не наступили

наши мрачные времена, когда люди стали более замкнутыми. Все они были очень веселыми и довольно грубоватыми людьми и любили отплясывать в общем кругу на церковном дворе, а песни, которые они пели, достались им от старых языческих времен. Предки Бодо распевали их в майский праздник, и крестьяне не могли забыть их, как не могли забыть и скабрзные любовные песни, вызывавшие осуждение у церкви. Снова и снова мы находим в документах жалобы церковных советов на то, что «танцующие женщины распевали хором непристойные песни», а крестьяне любят «баллады, плясовые, грубые скабрзные песни и тому подобные творения дьявола». Подобные песни пели порой и сами священнослужители. Снова и снова епископы в своих указах запрещали распевать непристойные песни и плясать на церковном дворе, но все было напрасно. Во всех странах Европы в течение всего периода Средних веков, до самой Реформации и даже после нее, деревенские жители пели и танцевали на церковном дворе. Через двести лет после смерти Карла Великого появилась легенда о танцорах из Кёльна, которые устроили в сочельник пляски на церковном дворе, невзирая на запрет священника, и все до одного на целый год приросли к земле и стояли так, пока епископ Кёльнский не освободил их от заклятия. Согласно другой версии, танцоры не приросли к земле, а вынуждены были плясать без остановки целый год и, прежде чем их освободили, успели по пояс уйти в землю. В одной из латинских песен был такой припев, который очень нравился танцующим:

Через лес зеленый скачет вдаль наш Бово,
А красotka Мерсвинд едет с ним бок о бок.
Что же мы стоим-то? Поскакали тоже!

Более поздние документы рассказывают нам о священнике из Востершира, которому всю ночь не давали спать плясавшие на церковном дворе крестьяне, которые распевали песню с таким припевом: «Пожалей же меня, милая моя!» Этот мотив так крепко привязался к нему, что

утром, служа мессу, он вместо того, чтобы спеть *Dominus vobiscum*, произнес: «Пожалей же меня, милая моя». Разразился грандиозный скандал, попавший даже на страницы хроники.

Иногда наш Бодо не плясал, а слушал песни странствующих менестрелей. Священники относились к этим певцам крайне отрицательно, заявляя, что они непременно попадут в ад за исполнение не христианских гимнов, а мирских песенок, посвященных подвигам франкских языческих героев. Но Бодо любил песни менестрелей, да и благородные господа тоже. Церковь порой упрекала даже аббатов и аббатис за то, что они слушали песни менестрелей. Но хуже всего было то, что их любил сам император, добрый Карл Великий. Он всегда с удовольствием слушал менестрелей, и его биограф Эйнхард рассказывает нам, что «он записывал варварские и древние песни, в которых воспевались подвиги королей и войны, которые они вели, и заучивал их наизусть». Одна из таких древних саг сохранилась на обложке латинской рукописи — ее записал там в свободное от работы время какой-то монах. Сын Карла, Луи Благочестивый, был совсем не похож на отца — он отвергал национальную поэзию, которую читал в юности. Он запретил читать, декламировать и учить франкские стихи, запретил судам рассматривать иски менестрелей, и еще он запретил в воскресенье танцевать, петь и рассказывать разные истории в общественных местах, но он же навлек на королевство своего отца позор и гибель. А менестрели за то, что Карл Великий привечал их, отплатили ему добром. Они наградили его вечной славой, ибо в течение Средних веков легенд о Карле Великом становилось все больше и больше, и он разделил с королем Артуром честь стать героем одного из самых романтических циклов Средневековья. Каждый век облачал его в свои одежды и слал о нем новые песни. То, что не смогли сделать для Карла монахи-летописцы, совершили презираемые и прокливаемые ими менестрели — они дали ему то, что, возможно, является для человека более желанным и существует гораз-

до дольше, чем место в истории, а именно место в легенде. Не всякому императору удастся стать правителем «золотого государства», о котором писал Китс, и в этом золотом королевстве Карл Великий царствует вместе с королем Артуром, а приближенные Карла сражаются на турнирах с рыцарями Круглого стола. Бодо, по крайней мере, любовь Карла Великого к менестрелям принесла пользу, и вполне возможно, что при жизни императора он слышал самые первые легенды, которые народная молва позже связала с Карлом Великим. Можно представить себе, как он разинув рот слушал на церковном дворе сказочные истории о Железном марше Карла в Павию, которые старый монах прихода Святого Галла даже поместил в свою хронику.

Вполне возможно, что Бодо мог видеть самого императора, которого крепостные крестьяне, никогда не бывавшие при дворе, очень любили. Карл был большим любителем путешествий — подобно всем монархам раннего Средневековья он все свое время, в промежутках между войнами, проводил разъезжая по своему королевству. Он останавливался в каком-нибудь поместье и жил там до тех пор, пока он и его свита не уничтожали в округе все съестное. После этого он переезжал в другое место. Иногда он наносил визит своим епископам или представителям знати, и они по-королевски принимали его. Вполне возможно, что однажды он приехал и к хозяевам Бодо и остановился на пути в Париж в большом доме поместья — тогда-то Бодо и мог его увидеть. Карл Великий ехал по дороге в своей короткой куртке, сшитой из шкуры выдры, поверх которой был накинут простой голубой плащ (Эйнхард рассказывает нам, что он терпеть не мог пышных одежд и обычно одевался как простой человек). За ним ехали три его сына и телохранители, а позади — пять дочерей. Эйнхард сообщает нам: «Он так заботился о воспитании своих сыновей и дочерей, что никогда, находясь дома, не обедал и не путешествовал без них. Его сыновья ехали рядом с ним, а дочери — позади. Специально отобранные охранники следили за хвостом кавалькады, где

ехали его дочери. Они были очень красивы, и отец их безумно любил, и поэтому очень странно, что он ни одну из них не выдал замуж за кого-нибудь из своих подданных или иностранцев. До самой своей смерти он держал их дома, говоря, что не может обойтись без их общества».

Бодо мог полюбоваться и необыкновенным чудом — императорским слоном, один вид которого вызвал бы у него дрожь в коленках. Этого слона прислал Карлу Гарун аль-Рашид, великий султан из «Тысячи и одной ночи», и он сопровождал его во всех походах. Звали слона Абу-Лубаба, что по-арабски означает «отец мудрости». Он погиб во время экспедиции против данов в 810 году.

После этого Эрментруда стала говорить маленькому Герберту, когда он не хотел ее слушаться: «Смотри, придет Абу-Лубаба и унесет тебя на своем длинном носу». Но Видо, которому было уже восемь лет и который работал с отцом в поле, хвастался, что при виде слона совсем не испугался, но, когда на него надавили, признался, что ему гораздо больше понравился другой подарок Гаруа аль-Рашида — дружелюбный пес, отзывавшийся на кличку Бецерилло.

Когда в монастырь приезжал император со своей свитой, то у Бодо и его односельчан было очень много работы. Надо было сделать уборку во всех помещениях, собрать поваров и изготовителей колбас, чтобы они приготовили угощение для большого пира. Всю эту работу обычно делали крепостные, но на этот раз досталось и Бодо. Старый болтливый монах прихода Святого Галла оставил нам смешные рассказы о том, какой переполох вызывал неожиданный приезд императора к кому-нибудь из его подданных. К примеру, такой.

Во время очередного путешествия на пути у Карла оказались земли одной из епархий. Объехать их он не мог, и епископ этой епархии, стараясь угодить императору, решил отдать в его распоряжение все, что у него было. Но император приехал совсем неожиданно, и охваченный паникой епископ летал по своим владениям, словно ласточ-

ка, следя за тем, чтобы были вычищены не только дворцы и дома, но и дворы и площади: Наконец, усталый и раздраженный, он явился встречать Карла. Благочестивый император заметил это и, внимательно все осмотрев, сказал епископу: «Мой добрый хозяин, ты всегда наводишь к моему приезду идеальную чистоту». После этих слов епископ, словно испытав прилив божественного вдохновения, наклонил голову, схватил правую руку непобедимого короля и, скрывая раздражение, поцеловал ее и произнес: «Это правильно, мой господин, ведь, когда бы ты ни приехал, все должно быть вычищено до блеска». Карл, мудрейший из королей, понял намек и сказал: «Опустошив, я могу и наполнить. — И добавил: — Дарю тебе поместье, которое находится на границе с твоей епархией, и пусть оно принадлежит твоим потомкам до скончания века».

Во время того же путешествия он посетил епископа, жившего там, где должен был проехать император. В тот день (а это был шестой день недели) он не пожелал есть мясо скотины или птицы, и епископ, который не мог быстро достать ему рыбы, поскольку в его краях она не водилась, приказал подать к столу великолепный сыр, жирный и вкусный. И сдержанный Карл, с готовностью, которую он демонстрировал в любом месте и в любое время, не стал ругать епископа и не потребовал другой еды, а вытащил свой нож и, срезав кожуру, показавшуюся ему невкусной, вонзил зубы в сыр. Увидев это, епископ, стоявший рядом, наклонился к королю и спросил: «Почему вы срезали кожуру, господин император? Вы выбросили самое вкусное». Тогда Карл, который никогда никого не обманывал и поэтому верил, что никто не будет обманывать его самого, положил себе в рот кусочек кожуры, медленно прожевал и проглотил, словно это было масло. Одобрив совет епископа, он сказал: «Вы были правы, мой добрый хозяин. — И добавил: — Присылайте мне ежегодно в Айкс две полные телеги этого сыра». Испугавшись, что не сможет выполнить этот приказ и лишится своей должности и земель, епископ сказал: «Господин мой, я могу из-

готовлять сыры, но не могу определить, какие из них будут такого же качества, как и этот. Я очень боюсь не оправдать ваших ожиданий». Тогда Карл, от пронизательного ума которого ничто не могло укрыться, каким бы необычным и новым оно ни было, сказал епископу, который с самого детства ел этот сыр и не сумел научиться выяснять, какого он качества: «А вы разрежьте каждую головку пополам, затем те половинки, которые будут нужного качества, складывайте в подвал, а потом присылайте мне. Оставшиеся половинки можете есть со своей семьей и своими подданными». Два года епископ присылал королю телеги с сыром, и король приказывал принимать подарок безо всяких замечаний. На третий год епископ лично привез Карлу свои тщательно отобранные сыры. Справедливейший из всех королей, Карл решил вознаградить его за труд и беспокойство и прибавил к епархии прекрасное поместье, в котором епископ и его преемники выращивали пшеницу и виноград для производства вина.

Можно посочувствовать бедному епископу, озабоченному тем, как набрать две телеги сыров, но по-настоящему жалеть надо не его, а Бодо, которому, вероятно, пришлось платить дополнительный оброк сыром, чтобы удовлетворить запросы императора, и никакого поместья за это он не получил.

Впрочем, приезд императора был редким событием в жизни Бодо, о котором вспоминали потом долгие годы и рассказывали внукам. В его жизни было другое событие, которое происходило ежегодно и которого Бодо и его односельчане ждали с нетерпением. Раз в год в местность, где они жили, приезжали королевские разъездные судьи, которые устраивали свой суд и проверяли работу здешнего правосудия. Приедут двое — епископ и граф и, возможно, заночуют в большом доме как гости аббата, а на следующий день сядут на открытой площади перед церковью и будут судить. И люди со всей округи, богатые и бедные, благородные господа, свободные крестьяне и колонны, придут рассказать им о своих бедах и потребовать

правосудия. Бодо тоже пойдет, если кто-нибудь ограбит его или нанесет ему какой-нибудь урон, и пожалуется этим судьям. И у него хватит ума не являться перед ними с пустыми руками, понадеявшись на их непредвзятость. Карл был очень строг, но если разъездные судьи не отличались кристальной честностью и набожностью, то они охотно брали взятки.

Теодульф, епископ Орлеанский, который был одним из таких судей, оставил нам смешную латинскую поэму, в которой описал, как священники и миряне, явившись к его двору, пытались его купить. Все принесли ему подарки, соответствовавшие уровню их доходов, — богатые предлагали деньги, драгоценные камни, дорогие ткани и восточные ковры, оружие, лошадей, античные вазы из золота и серебра, на которых были изображены подвиги Геракла. Бедные принесли куски кордовской кожи, выделанные и свежие, прекрасное сукно и полотно (бедная Эрментруда должна была работать целый месяц, чтобы подмазать правосудие!), шкатулки и воск. «И этим тараном, — восклицает епископ Теодульф, — они надеялись сокрушить стены моей души. Но они не подумали, что сокрушат *меня самого*, хотя других судий, до меня, им сокрушить не удавалось». И вправду, если нарисованная епископом картина верна, то, когда королевские судьи уезжали, за ними должен был тянуться целый караван телег и лошадей, нагруженных подарками. Сам Теодульф признается, что для того, чтобы не обидеть людей, ему пришлось принять небольшое число подарков в виде яиц, хлеба, вина, цыплят и мелких птичек, «чьи тушки (говорит он, облизывая губы) невелики, но очень вкусны». А мы можем разглядеть за всеми этими яйцами и птичками озабоченное лицо Бодо.

Раз в год у Бодо случалось еще одно развлечение — 9 октября у стен Парижа открывалась ярмарка Сен-Дени, продолжавшаяся целый месяц. За неделю до ее открытия у городских ворот сооружались небольшие лавки и сарайчики с тремя стенами. Торговцы выставляли в них свои

товары, а аббатство Сен-Дени, которое собирало пошлину со всех купцов, приехавших на ярмарку, следило за тем, чтобы она была обнесена прочным забором и все проходили только в ворота и платили деньги, поскольку ловкие торгаша норовили вырыть под оградой подкоп или перелезть через нее, чтобы не платить пошлины. И тогда улицы Парижа наполнялись купцами, везущими товары на телегах, лошадях и волах. В день открытия ярмарки вся торговля в Париже прекращалась на месяц, и все парижские торговцы стояли в своих лавках на ярмарке, обменивая пшеницу, вино и мед, производившиеся в этом районе, на редкие товары, привозимые из-за границы. Аббатство, на землях которого жил Бодо, наверняка имело на ярмарке свою лавку, где продавали куски ткани, сотканые крепостными крестьянками, сыры и солонину, изготовленные в поместьях, и вино, которым Бодо и его односельчане платили оброк. Бодо, несомненно, брал выходной и уходил на ярмарку. И то сказать, управляющему, наверное, было очень трудно заставить людей работать в этот месяц, а ведь Карл Великий дал своим управляющим особый наказ «следить, чтобы наши люди выполняли работу, которую они обязаны делать по закону, а не теряли время, болтаясь на рынках и ярмарках». Бодо, Эрментруда и трое их детей, облачившись в свои лучшие одежды, отправлялись на ярмарку, не считая посещение ее два или три раза в месяц потерей времени. Они делали вид, что пошли прикупить соли для заготовки мяса на зиму или красок для окрашивания детской одежды. На самом деле им хотелось просто побродить вдоль рядов лавчонок и поглазеть на диковинные вещи, выставленные на продажу. На ярмарке Сен-Дени купцы продавали богачам предметы роскоши, привезенные из далеких восточных стран, и богатые франкские аристократы торговались, надеясь сбить цену на пурпурные шелковые одеяния, украшенные оранжевой каймой, на кожаные куртки с клеймами, на перья павлинов и алые плюмажи фламинго (которые назывались «перьями птицы феникс»), на духи, жемчуг и пряности, на миндаль, изюм

КРЕСТЬЯНИН БОДО

и обезьянок, которых они дарили своим женам для развлечения². Иногда купцами, торговавшими восточными товарами, были венецианцы, но чаще всего сирийцы или ловкие евреи, и Бодо с друзьями громко хохотал, слушая историю о том, как еврейский купец обвел вокруг пальца одного епископа. Этот епископ был страстный любитель всего необычного, и купец, набив пряностями мышь, предложил ему купить ее, заявив, что «привез это драгоценное, никем ранее не виданное животное из Иудеи», и согласился отдать ее лишь за полную меру серебра. В обмен на предметы роскоши купцы приобретали фризское сукно, которое ценилось очень высоко, пшеницу и охотничьих собак, а иногда — ювелирные изделия из золота, созданные в монастырской мастерской. И Бодо слышал сотни диалектов и языков, поскольку на ярмарке сталкивались купцы из Саксонии и Фризии, Испании и Прованса, Руана и Ломбардии, а порой встречались один или два англичанина. Время от времени на ярмарке появлялся ирландский школяр, который продавал рукописи и распевал странные и мелодичные ирландские песни:

Я окружен стеной дерев,
И дрозд мне песнь поет.
Над толстой книгою моей
Щебечет стая птиц.
На куст, усевшись, куковать
Вдруг принялась кукушка.
Поистине чудесно — храни меня Господь! —
Мне пишется в лесу³.

Тут же выступали жонглеры и акробаты, искусники, приручившие медведей... Вся эта братия вытягивала из кармана Бодо горсть пенсов. Усталое, но счастливое семейство возвращалось домой в телеге и ложилось спать.

Оказывается, если заглядывать с кухни, жизнь выглядит слишком скучной. Закончив описание деяний Карла Великого и его пэров, неплохо провести несколько минут с Бодо в его маленьком мансе. Ведь историю в основном творят такие люди, как Бодо.

Глава 3

МАРКО ПОЛО

Венецианский путешественник XIII века

И Кинсай (Гуаньчжоу) — величайший город в мире, такой огромный, что я не решаюсь даже описать его, но я много встречал в Венеции людей, которые бывали в нем... И если кто-нибудь захочет рассказать о размерах и многочисленных чудесах этого города, то клянусь, что ему не хватит толстой пачки бумаги. Ибо это величайший и благороднейший город, самый лучший для торговли из тех, что имеются в мире.

Одорик из Порденона

Давайте мысленно перенесемся в 1268 год. В тот год не случилось никаких крупных событий, но нас они и не интересуют. Как и сейчас, Венеция располагалась на берегах своей лагуны, и город (как давным-давно подметил Кассиодор) был похож на гнездо морской птицы, плавающей на мелководье, или на корабль, стоящий в порту на якоре, но только в море чувствующий себя дома, — самый гордый во всем западном мире город. Взять хотя бы его географическое положение. Венеция, расположившаяся во главе Адриатики, на полпути между Востоком и Западом, на главном морском торговом пути Средневековья, эта средиземноморская пристань, выдвинута, однако, так далеко на север, что попадает почти в самый центр

Европы. В гавани Венеции сходились все торговые пути, как сухопутные, так и морские, по которым шли груженые товарами лошади или плыли парусные суда. Купеческие корабли, привозившие в Европу шелк и пряности, камфору и слоновую кость, жемчуг, благовония и ковры из Леванта, а также из жарких стран, расположенных за ним, не могли миновать венецианский порт. Плыли ли купцы из Египта мимо низких берегов Нила или тряслись на верблюдах до Александрии, шли ли через богатые и красивые земли Персии и через Сирийскую пустыню в Антиохию и Тир, пробирались ли медленно в составе длинного, растянувшегося узкой цепочкой каравана по горам Центральной Азии и по южному берегу Каспийского моря в Трапезунд, или плыли по Черному морю и Дарданеллам — местом их назначения всегда была Венеция. Только Константинополь соперничал с ней, и Константинополь был ею побежден. Венеция, как огромный магнит, притягивала к себе богатства Востока. Из Венеции они на лошадях пересекали Альпы по перевалам Бреннер и Сен-Готард и оказывались в Германии и Франции, а случалось, что были перегружены на галеры, перевозились через Гибралтарский пролив и доставлялись в Англию и Фландрию¹. А когда галеры и выючные лошади возвращались назад, они везли металлы из Германии, меха из Скандинавии, тонкую шерсть из Англии, сукно из Фландрии и вина из Франции.

Природа наградила Венецию местоположением, которому не было равных, остальное же довершили ее жители. В начальные годы своего существования Венеция боролась с влиянием Константинополя на востоке и папы и императоров Священной Римской империи на западе, обращаясь за подмогой то к одному, то к другому, но всегда оставаясь независимой. Когда же венецианцам предлагали стать подданными того, другого или третьего, они отвечали так: «Бог, наш помощник и покровитель, сотворил нас, чтобы мы жили среди этих вод. Венеция, которую мы возвели на берегах лагуны, наша всемогущая оби-

тель, и ее не могут тронуть ни власть императора, ни воля князя. Венеция может, в случае угрозы, удалиться на свои острова и, словно в насмешку, начать обстреливать хлебом осаждающие ее войска, которые хотят задушить ее голодом»². Венецианцы понимали, что их процветание зависит от моря и торговли с Востоком, чьи яркие цвета расцвечивали венецианскую жизнь и воспаляли сердца ее жителей. Они были восточным и одновременно западным народом, любили горячо и воевали горячо, но вечно плели интриги и правила, сохраняя ледяное спокойствие. Мало-помалу они захватили кусок побережья, лежащий позади их лагуны, все время держа под уздой сарацинских и славянских пиратов, чьи корабли наводили ужас на все Средиземноморье. Затем они объявили войну далматинским пиратам и захватили все побережье Далмации. Венецианский дож стал герцогом Далматинским. «Адриатическое море, — писал летописец, — справедливо называют Венецианским княжеством, а венецианцы зовут его «Венецианским заливом». В Венеции был создан величественный обряд символического обручения с морем, во время которого звучали гордые слова: «Славим тебя, о море, в едином, истинном и вечном Боге!»

Венеция была красавицей невестой,
Ни взять, ни соблазнить никто ее не мог.
Когда же мужа подыскать себе решила,
То море вечное в супруги избрала.
И море, казалось, посчитало этот выбор
За честь и подчинилось ей.

А затем пришло время Крестовых походов, когда страны Европы забыли о своих ссорах и обрушились на мусульман, которые захватили святые места их веры. Люди со всех земель шли под знаменем креста, и башни Иерусалима стали для них более реальными, чем Вавилонская башня. А Венеции представилась, наконец, возможность осуществить свою заветную мечту. Она снабдила крестоносцев кораблями, лоцманами, полководцами и солдатами — все это за весьма кругленькую сумму, — а когда

пришло время делить добычу, потребовала, чтобы ей предоставили в каждом завоеванном городе Палестины и Сирии одну церковь, одно помещение для ее торгового дома и право беспошлинной торговли. Но самым большим подарком судьбы стал для нее 4-й Крестовый поход, когда престарелый одноглазый дож Энрико Дандоло под предлогом того, что крестоносцы не могут заплатить оговоренную ранее сумму за перевозку их войск по морю, использовал этих вояк себе во благо и завоевал сначала Зару, которая осмелилась восстать против Венеции, а затем и своего древнего, единственного соперника — саму бессмертную Византию. Правда, когда венецианцы послали крестоносцев на захват Зары, папа римский проклял их, но какое это имело для них значение? Они разграбили Константинополь и привезли оттуда четырех огромных позолоченных коней в город святого Марка — тот самый город, который сравнивали с пещерой разбойников, набитой захваченными в плен левантийцами, и который хранил священное тело святого Марка, вывезенное из Александрии около четырех столетий назад в бочке с солониной, чтобы оно не попало в руки мусульман. Теперь в соборе Святой Софии служил мессу венецианский патриарх. Венеция получила гордый титул «правительницы половины с четвертью Римской империи» (эти слова гремели как фанфары), и дож, задрапированный в алый плащ, словно римский император в тогу, повелевал теперь четыремя морями — Адриатическим, Эгейским, Мраморным и Черным. Венецианские торговые конторы раскинулись по всему побережью Леванта, в Триполи и в Тире, в Салониках, Адрианополе и Константинополе, в Трапезунде на Черном море и даже в Каффе в далеком Крыму, откуда начиналась дорога в загадочную Россию. Крит, Родос и Кипр принадлежали ей, вся торговля с Востоком должна была идти через Венецию, и только через нее. Другие торговые города Италии боролись с ней, и Генуя чуть было не стала ее достойным соперником, но в 1258 году

и повторно в 1284 году Венеция полностью разгромила генуэзский флот. Городу «моря без рыбы, гор без лесов, мужчин без веры и женщин без стыда» не дано было свалить коней святого Марка³. В 1268 году Венеция возвышалась над всеми своими противниками. Византия ходила у нее в судомойках, а Левант лежал у нее под пятой.

Летописец не ошибался, приводя описание могущества Венеции: «Далмация, Албания, Румыния, Греция, Трапезунд, Сирия, Армения, Египет, Кипр, Кандия, Апулия, Сицилия и другие страны и королевства были плодоносящими садами и гордыми замками нашего народа, в которых он находил для себя удовольствия, выгоду и безопасность... Венецианцы бороздили моря, и пересекали их во всех направлениях, и плавали во всех местах, где только текла вода, и покупали товары во всех странах, и свозили их в Венецию. И в Венецию приезжали северные германцы и баварцы, французы и ломбардцы, тосканцы и венгры и все люди, живущие торговлей, и развозили эти товары по своим странам».

Неудивительно поэтому (как позже отмечал один путешественник), что венецианцы гордились тем, что правят миром, а когда у венецианца рождался сын, говорили друг другу: «На свет народился еще один господин!»

И разве не справедливо было высказывание, гласящее, что Венеция является самым гордым городом на земле, благородным городом, который по праву является красивейшим в нашем веке. Для королей торговли, которым платил дань великолепный Восток, жизнь в том славном году, 1268-м от Рождества Христова, казалась справедливой и прекрасной. В тот год торговцы в своих огромных каменных домах, омываемых водами каналов, проверяли по счетным книгам, сколько у них накопилось мешков с гвоздикой, мускатным орехом и его шелухой, корицей и имбирем из Индии, шахмат из слоновой кости из Индокитая, серой амбры с Мадагаскара и мускуса с Тибета. В тот год продавцы драгоценных камней устанавливали цены на алмазы Голконды, рубины и ляпис-лазурь Бадах-

шана и жемчуг Цейлона, а торговцы шелком складывали в подвалы рулоны шелка, муслина и парчи из Багдада и Йезда, Малабара и Китая. В тот год молодые кавалеры на Риальто (надушенные и разодетые, каждый из которых, подобно Антонию Шекспира, владел кораблем, направлявшимся сейчас в порт где-нибудь в Леванте) сталкивались локтями с представителями всех наций, слушали рассказы путешественников, побывавших во всех землях, и на рассвете плавали по каналам в гондолах (не черных, как в наши дни, а разноцветных и увешанных шелком), приветствуя утро своими песнями, а рыжеволосые венецианки, которых несколько столетий спустя так любил рисовать Тициан, сновали вверх и вниз по мраморным лестницам своих дворцов, облачившись в платья из персидской парчи и умастив свои маленькие ручки арабскими благовониями.

В тот год чиновник венецианской таможни по имени Мартино да Канале (как и Чосер вслед за ним) стал уделять больше времени не счетам, а составлению на прекрасном французском языке («ибо именно французский язык является самым изящным среди языков мира, приятен для чтения и для чего бы то ни было») хроники своего города. Эта хроника, подобно панихиде Ариэля, была посвящена морю и событиям, происходившим на море, и «его чувство было так велико, что он, казалось, сам растворился в элементах, которыми любовался». Однако в летописи Канале нет ничего похожего на «шторма и громы «Одиссеи» — красивые слова сверкают в ней, словно солнечные блики на воде Средиземного моря, и постоянно, словно припев, повторяется фраза: «Погода была ясной и хорошей... и, когда они вышли в море, матросы поставили паруса, и корабли с распущенными парусами помчались по морю, обгоняя ветер», ибо значительная часть истории Венеции творилась на палубах кораблей. Это к тому же рассказ, исполненный гордости, поскольку Канале был (и прекрасно понимал это) гражданином отнюдь не захолустного города.

«Я хочу, — пишет он, — чтобы все и каждый узнали о трудах венецианцев, о том, кем они были, откуда пришли и кем стали и как они создали благородный город, называемый Венецией, который в наши дни является самым красивым в мире. И я хочу, чтобы те, кто живет сейчас, и те, кто придет позже, знали, как был построен этот благородный город, и как он наполнился богатством и роскошными вещами, и как могуч владыка венецианцев, благородный дож, и какие аристократы живут в нем, и какие удалыцы эти венецианцы, и как они совершенны в своей вере в Иисуса Христа и в подчинении святой церкви, требования которой они свято соблюдают. В этой благородной Венеции не осмеливается поселиться ни один еретик, ростовщик, убийца, вор или грабитель. И я сообщу вам имена всех дожей, правивших Венецией, в том порядке, в каком они сменяли друг друга, и что они совершили во славу святой церкви и своего благородного города. И я назову вам имена благородных капитанов, которых благородные дожи посылали в свое время покорять своих врагов, я расскажу вам и об их победах, ибо это как раз то, что нужно... В год 1267-й от Рождества Христова, во времена господина Ренье Зено, высокочтимого дожа Венеции, я трудился и корпел, пока не нашел древней истории венецианцев, откуда они появились и как построили благородный город, называемый Венецией, который сейчас является прекраснейшим и приятнейшим городом в мире. Товары текут в этот благородный город, совсем как вода течет из источника, и через него и вокруг него и во всех местах, кроме домов и улиц, течет соленая вода; и, когда горожане уезжают в другую страну, они могут вернуться в свои дома по суше или по морю, как им заблагорассудится. Со всех сторон стекаются сюда товары и купцы, которые покупают товары, какие захотят, и увозят их в свои родные страны. В городе изобилие пищи, хлеба и вина, наземной и речной дичины, свежего и соленого мяса, морской рыбы и речной рыбы... Вы найдете в этом прекрасном городе много мужчин благород-

ного происхождения, в йзобилии стариков, и молодых шеголей, и купцов среди них, которые покупают и продают, а также менял и умельцев, владеющих всеми ремеслами на свете, и моряков всякого рода, и судов, на которых они плавают во все страны, и галер, на которых они громят своих врагов. И в этом прекрасном городе живет много благородных дам, женщин и девушек, очень богато одетых»⁴.

Случилось так, что в Венеции в 1268 году был избран новый дож, которого звали Лоренцо Тьеполо, и в честь его вступления в должность перед дворцом на площади Святого Марка было устроено шествие всех венецианских гильдий. Мартино да Канале стал свидетелем грандиозного события и описал его в своей книге. Сначала в гавани рядами прошли корабли — пятьдесят галер и других судов, команды которых выкрикивали с палуб приветствия. Затем двинулись представители различных гильдий: первыми шли богатые купцы с гирляндами на головах и знаменами и трубами в руках, за ними — торговцы мехами, облаченные в венецианскую парчу и алый шелк, с мантиями из горностаевого и беличьего меха, за ними — богато разодетые ткачи и десять самых лучших портных в белом с алыми звездами. Затем прошли суконщики, неся в руках оливковые ветви, а на головах — оливковые венки, за ними двигались производители фланелевых тканей в одеяниях, сшитых из изготовленных своими руками тканей, которые были оторочены мехом; после них шли изготовители стеганых изделий с гирляндами из позолоченного бисера, облаченные в белые одежды, расшитые лилиями. Все они шли по четверо в ряд, а перед ними бежали маленькие дети, которые распевали песни. Затем шли изготовители вышитых золотом тканей, облаченные в эти самые ткани, и их слуги тоже были в костюмах из ткани, вышитой золотом или пурпуром; за ними шли производители ножей в шелках и мясники в алом, продавцы рыбы в одеждах, отороченных мехом и украшенных гирляндами, парикмахеры, перед которыми ехали два всадника, одетые как странству-

ющие рыцари, и шли четыре пленницы в непривычных глазу одеждах. Затем шли стекольщики в алых одеяниях, подбитых беличьим мехом, и в капюшонах с золотой бахромой, с богатыми гирляндами из жемчуга, неся в руках бутылки и кубки знаменитого венецианского стекла, а также изготовители гребней и фонарей с клетками, полными птиц, которых они собирались выпустить на свободу в присутствии дожа; за ними шли златокузнецы с венками и ожерельями из золотых и серебряных бусинок, сапфиров, жемчугов, алмазов, топазов, гиацинтов, аметистов, рубинов, яшмы и карбункулов. Мастера и слуги были пышно разодеты, и почти у всех капюшоны были украшены золотой бахромой и гирляндами из позолоченных бисеринок. Представителей каждой гильдии сопровождала своя собственная группа музыкантов; мастера несли с собой серебряные чаши с вином, и все маршировали стройными рядами, распевая баллады и приветственные песни, и по очереди салютовали дожу, выкрикивая: «Да здравствует наш господин, благородный дож Лоренцо Тьеполо!» Гильдия за гильдией двигались во всем своем великолепии, и смотреть на них было не менее приятно, чем слушать. Праздник продолжался целую неделю, и в процессии участвовали все. Канале превзошел самого себя, поскольку очень любил официальные церемонии, он посвящает проходу, приветствиям и уходу каждой гильдии целый абзац, и все это описание зачаровывает нас, напоминая балладу в прозе с повторяющимся рефреном в конце каждого стиха:

Неужели все они жили в Венеции,
Где владыками были купцы,
Где покоится Марк и где дож наш венчался
С этим морем, бросая кольцо?

Разве мог кто-нибудь усомниться, слушая, как священники собора Святого Марка приветствуют дожа: «Побеждай, Христос, правь, Христос, повелевай, Христос. Наш милостивый сеньор, избранный герцогом Венеции, Дал-

мации и Хорватии, и повелитель половины с четвертью Римской империи, наш спаситель, честь, жизнь и победитель», — что Венеция, соперница Рима и покорительница Константинополя, — это самый лучший, самый красивый, самый богатый и самый влиятельный город в мире?

И все-таки это было не так. Слушайте же и судите сами. В нескольких тысячах миль от Венеции, за морями и землями Азии, немного южнее реки Янцзы и неподалеку от моря, стоял город Кинсай, или Гуаньчжоу, столица империи Сунь, которая владела Южным Китаем, еще (в 1268 году) не завоеванным кочевниками⁵. Как и Венеция, Кинсай стоял на берегу лагуны, и его пересекали многочисленные каналы. Его окружность составляла сотню миль, и это не считая пригородов, раскинувшихся вокруг него, и не было в нем ни клочка земли, который не был бы плотно заселен. Кинсай имел двенадцать больших ворот, и каждый из двенадцати кварталов, лежащих за этими воротами, был больше всей Венеции. Главная улица Кинсая была шириной шестьдесят метров и протянулась из одного конца города в другой. Через каждые шесть с половиной километров на ней располагалась большая площадь, на которой стояли дома, дворцы с садами и многочисленные лавки, где мастера, члены двенадцати крупных ремесленных гильдий, продавали свои изделия. Параллельно главной улице проходил главный канал, по берегам которого стояли каменные склады купцов, торговавших с Индией. Двенадцать тысяч каменных мостов были перекинуты через городские каналы, и те, что находились над главными каналами, были такими высокими, что под ними свободно проходили парусные суда, а по мосту в это время сновали повозки и лошади. На рынках жители торговались с продавцами дичи и персиков, морской рыбы и рисового вина со специями, а в подвальных помещениях окружавших рынки домов можно было купить пряности, лекарства и шелка, жемчуг и все виды товаров, созданных руками человека. Вдоль улиц Кинсая флани-

ровали знатные горожане и купцы, облаченные в шелк, а самые красивые в мире женщины, в черных волосах которых виднелись нефритовые булавки, а у гладких щечек качались сережки из драгоценных камней, неспешно проплывали мимо в расшитых носилках⁶.

В одном конце этого города располагалось красивое озеро (значимое для китайской истории и до сих пор одно из самых красивых мест на земле). По нему были разбросаны покрытые лесом островки, на которых стояли павильоны с очаровательными названиями «Вид с озера», «Бамбуковая комната», «Дом восьмерых гениев» и «Истинное удовольствие». Сюда, как и в Венеции, жители приезжали развлечься на лодках, где из легких перегородок были сооружены своеобразные каюты, стены которых увешаны шелками и красиво расписаны цветами и горными видами. Глядя из окна, жители Кинсяя могли с одной стороны любоваться панорамой города, его дворцами, храмами, монастырями и садами, а с другой — водным пространством, усеянным красочными прогулочными лодками, над которыми звучали высокие чистые голоса людей и звуки музыкальных инструментов, эхом отдававшиеся в горах. У нас нет места, чтобы описать дворец императора, с его садами и парками, раскрашенными павильонами и рощами, где придворные дамы охотились с собаками на птиц, а устав от развлечений, сбрасывали с себя одежды и купались в озере, где их тела напоминали стаю серебристых рыб. Но необходимо сказать несколько слов о джонках, которые входили в гавань, расположенную в тридцати восьми с половиной километрах выше по реке, и о больших караванах судов, которые приходили в Зейтун (вероятно, это современный Сямынь), главный порт провинции. Сюда из портов Леванта ежегодно привозилось в сто раз больше перца, чем во все христианские страны, вместе взятые. Из стран Индокитая и Индии сюда шли пряности, алоэ и сандаловое дерево, кожа мускатного ореха, ароматическое вещество нарда, слоновая кость и различные богатства, описать

которые невозможно. Эти товары, вместе с мускусом из Тибета и рулонами шелка из всех городов Манси*, грузились на большие джонки и вывозились на острова Ост-Индии и за их пределы. Паруса этих джонок надувал ветер, пропахший пряностями, и нес их к Цейлону. Здесь купцы из Малабара и больших торговых городов Южной Индии грузили на них свои товары и продавали арабским купцам, а те, в свою очередь, венецианцам в том или ином порту Леванта.

Европейцы, видевшие Зейтун и другие китайские морские порты в более позднее время, утверждали, что никто, даже венецианцы, не мог представить себе того обилия торговых судов, которые плавали по восточным морям и заполняли собой китайские гавани. Все они в один голос утверждают, что Кинсай, вне всякого сомнения, был самым красивым, самым богатым и самым благородным городом в мире. Для жителей Кинсая Венеция была бы всего лишь небольшим пригородным поселком, а Левант — задним двором. Весь Восток был для них местом торговли, а китайская цивилизация возникла за несколько сотен лет до того, как на месте Венеции появилась кучка глинобитных домиков, в которых обитали рыбаки.

Но Кинсай был не единственным крупным городом Китая, не имевшим соперников по своей красоте и чудесам. В трех днях пути от него стоял Сугуи, который теперь называется Сучжоу. Он также располагался по берегам большого канала и имел окружность тридцать два километра. Толпы людей наполняли его улицы — среди них множество лекарей, философов и колдунов. В этом городе имбирь водился в таком изобилии, что за одну серебряную венецианскую монету можно было купить сорок фунтов имбиря, шелк же производился в таком количестве, что все горожане носили одежду из шелка, а суда, доверху нагруженные им, уходили в море. Под властью

* М а н с и, Манчжи — это название, данное Марко Поло Южному Китаю, а Китай — Северному. Граница между ними проходила по реке Хуанхэ на востоке и по Шенси — на западе.

Сугуи находилось шестнадцать богатых городов, где процветали торговля и искусство. Если вы не видели Гуаньчжоу, то могли сказать, что в мире нет города, равного Сугуи, — ни Венеция, ни Константинополь, ни какой другой город не шли ни в какое сравнение с ним. Сами китайцы, увидев богатство и красоту Кинсяя и Сугуи, выражали сомнение в том, что в небесных чертогах удовольствий имеются похожие на них места, и гордо произносили следующий стих:

Пусть где-то есть рай наверху,
У нас же здесь Ганьч и Су.

Но в 1268 году в Венеции никто даже не подозревал о том, что в тех краях, где встает солнце, существует город Кинсай. В тот год на берегу моря стоял мальчик, который, как и Канале, любовался процессией венецианских гильдий. Ему суждено было навек соединить в умах людей эти два города — художавому парнишке четырнадцати лет по имени Марко Поло, который вечно отирался у пристаней и приставал к иноземцам с просьбами рассказать о тех землях, откуда они прибыли в Венецию. Он с жадностью впитывал их рассказы и откладывал их в своей живой памяти, ибо его любопытство было ненасытным, однако наибольший интерес вызывали у него рассказы о кочевниках.

К тому времени татаро-монголы подчинили себе восток и запад. Их император правил в Пекине, владел Северным Китаем, Кореей, Монголией, Маньчжурией и Тибетом, а Индокитай и Ява платили ему дань. Военственные племена захватили Центральную Азию, под их влиянием находились Туркестан и Афганистан. Золотая Орда владела Кавказом, довлела над Россией и рядом территорий Сибири. Кочевники подчинили своему влиянию Персию, Грузию, Армению и часть Малой Азии. Когда в 1259 году умер великий Менгу-хан, его империя простиралась через всю Азию и Восточную Европу, от Хуанхэ до Дуная. Ничего подобного ей не было в мире. К 1268 году империя степ-

няков раскололась на четыре царства, но по-прежнему это был один народ. Отношение людей запада к татаро-монголам в это время было очень интересным. Сначала они боялись кочевников, считая их новым бичом божьим, подобно Атгиле и его гуннам. Татаро-монголы вторглись в Польшу, разгромили многие города Венгрии, и казалось, вот-вот обрушатся, словно бурная река в половодье, на страны Запада и поглотят их. Но волна нашествия откатилась назад. Постепенно Запад избавился от предубеждения, ужаса перед кочевниками и стал с надеждой смотреть на них, надеясь обрести союзника против старых врагов, мусульман. Христиане Запада знали, что татаро-монголы сокрушили власть мусульман на просторах Азии и что у них нет четко определенной веры; кочевники проявляют интерес ко всем верованиям, которые встречали на своем пути. И Запад решил, что татаро-монголов можно будет обратить в христианство и они станут воевать бок о бок с крестом против ненавистного полумесяца. Появилась странная легенда о пресвитере Иоанне, христианском короле-священнике, правящем где-то в самом сердце Азии, да и небольшие группы несториан в то время еще существовали в Восточной Азии.

Всесильные ханы и западные монархи стали обмениваться посольствами, кроме того, в Монголию отправились несколько больших францисканских миссий. Эти люди были не только миссионерами, но и этнологами и географами в душе. Они оставили нам бесценные заметки о странах, которые им удалось посетить. В славном 1268 году о Центральной Азии было известно уже довольно много, ибо в 1245 году папа римский послал туда итальянского монаха Джованни Плано Карпини, а в 1251 году другой монах, Вильям Рубрук, «французский Флеминг», был отправлен туда Людовиком Святым, королем Франции. Они добрались до самого Каракорума, крупного города на границе Северного Китая, хотя в сам Китай они не попали. Эти монахи привезли в Европу бесчисленные истории о кочевниках-завоевателях, которые везли за собой на телегах

юрты и пили кумыс. Они рассказывали о могуществе хана и о том, как ласково он принял западных путешественников и с каким интересом слушал их рассказы о христианской вере. Эти рассказы были уже известны по всей Европе, и Марко Поло тоже их знал.

Марко всегда говорил о татаро-монголах и расспрашивал больше всего о них. У него была причина интересоваться ими. Это (как мы уже говорили) был славный год 1268-й, а восемь лет назад (некоторые, впрочем, утверждают, что пятнадцать) его отец, Николо Поло, и дядя Маффео уехали в «Татарию» и пропали там. Они были богатыми купцами и, нагрузив свой корабль товарами, отправились в Константинополь, а оттуда решили рискнуть и поехать торговать в Золотую Орду, кочевавшую севернее Черного моря. Поэтому они добрались до Крыма, где у них был торговый дом в Солдае, и, взяв с собой дорогие драгоценные камни, ибо они торговали этими камнями, погрузили их на лошадей и отправились к хану западных кочевников. Это все, что было известно венецианцам, ибо из Солдаи пришли известия об их отъезде в Орду, но назад они не вернулись. Поэтому Марко Поло, проводя все свои дни на пристани, хватал моряков за рукав и расспрашивал о диких всадниках, пивших кумыс, и об их шаманах и табунах скота, а расспрашивая, думал о том, живы ли его отец и дядя, или они навечно сгинули в бескрайних степях. А пока он слушал рассказы моряков, а дож Тьеполо наблюдал за процессией гильдий, а чиновник Канале подсчитывал, сколько денег поступило в качестве пошлины, или писал древнюю историю Венеции, оба брата Поло с караваном мулов и верблюдов медленно и устало пробирались по горам Центральной Азии, направляясь в золотой Самарканд, славившийся многолюдными базарами, и все ближе и ближе подходили к границе Европы. В следующем, 1269 году они добрались до Акра и, сев там на корабль, наконец вернулись домой.

Они рассказывали удивительные вещи, которые завораживали гораздо сильнее всего того, что худощавый

мальчик слышал на пристани. Поло быстро продали свои камни и провел год в резиденции хана кипчакской Золотой Орды на великой реке Волге. Потом между этим ханом и ханом, который правил Персией, вспыхнула война, и дорога назад оказалась отрезанной. Но недаром Марко унаследовал свое любопытство от отца — ни один венецианец не откажется посетить неведомые земли и найти новые рынки сбыта своих товаров, поэтому братья Поло решили поехать дальше на Восток и посетить хана Центральной Азии Чагатая и, возможно, вернуться в Константинополь каким-нибудь другим, еще неизведанным путем. Они с трудом пробирались по равнинам, населенным лишь кочевыми племенами, которые жили в юртах и пасли свои стада, пока, наконец, не добрались до благородного города Бухары. Они, должно быть, шли вдоль реки Амударья (по-латыни называвшейся Оксус), и мы хотим привести здесь прекрасное описание этой реки из поэмы Мэтью Арнольда «Сораб и Рустем», только Поло двигались не в ту сторону, куда текла река, а наоборот.

Величественный Оксус выплывал,
Бурля и рокоча, из мглы низины
Под ледяным сияньем ярких звезд
И устремлялся радостно вперед
В огромную Хорезмскую пустыню.
Луною одинокой путь его
Был озарен, к звезде Полярной
Сверкающий, могучий Оксус тек.
Но вдруг пески дорогу преграждают
И рассекают русло на ручьи.
Напрягши силы, Оксус среди песков
И островов, поросших камышом,
С трудом великим путь себе находит.
Уж он не тот, каким из колыбели
Своей памирской несся он, клокоча
В ущельях среди скал, но наконец
Он слышит шелест волн, давно желанный.
И гладь морская, дом его родной,
Предстала перед ним, плеща лениво.
Со дна морского, накупавшись всласть,
Поднялись звезды, и небесный свет
Сияньем озарил простор Арала.

Три года прожили братья Поло в Бухаре, но однажды сюда прибыло посольство, которое возвращалось из Персии к хану Кублаю, правившему в далеком Китае. Главу посольства поразили таланты и обаяние братьев Поло, которые к тому времени уже свободно говорили на местном наречии, и он убедил их отправиться с ним к великому хану. Хан Кублай еще никогда не видел западного человека и (как уверял глава посольства) примет их с честью. Они не были бы венецианцами, если бы отказались от такого приглашения, и, взяв с собой своих венецианских слуг, отправились в Китай. Целый год они ехали по самому центру Азии и добрались, наконец, до великого хана Кублая. Много лет спустя Марко описал, с их слов, как их принял хан: «Будучи представленными великому хану Кублаю, путешественники оказались приняты им с милостью и присущим ему дружелюбием, а поскольку они были первыми латинянами, которые появились в его стране, в их честь устраивались пиры и им оказывались всяческие знаки внимания. Заведя с ними приятную беседу, он с искренним интересом стал расспрашивать их о западных областях мира, об императоре римлян и других христианских королях и князьях... в первую очередь он расспрашивал их о папе, о делах церкви, о религиозном культе и доктрине христианства. Хорошо зная этот предмет, они дали исчерпывающие ответы на все его вопросы, а поскольку они свободно говорили на языке хана, то использовали приятные для слуха выражения, и великий хан, высоко оценив их, часто приглашал их к себе»⁷.

В конце концов великий хан решил послать этих двух умных чужеземцев на их родину, с посольством к папе, попросив его выделить сто ученых людей, которые научили бы кочевников молиться Христу, а также поделиться священным маслом из лампы, которая горит на гробнице Христа в Иерусалиме. Он снабдил братьев Поло золотой табличкой, которая должна была служить им в качестве пропуска и благодаря которой им должны были везде оказывать гостеприимство и помогать переезжать из

одного города в другой во всех владениях хана. Так они отправились в обратный путь.

Но по пути им встретились многочисленные трудности и опасности, как они рассказывали, «ужасный холод, снег, лед и разливы рек», и они добрались до Акра только через три года, в апреле 1269 года. Здесь узнали, что папа умер в прошлом году, а нового еще не успели избрать. Поскольку они не могли выполнить возложенное на них поручение хана, они решили побыть дома и вернуться в Венецию. Здесь Николо узнал, что его жена, которую он оставил с маленьким ребенком на руках, умерла, оставив сына Марко, того самого юношу, который любит бродить по пристаням и расспрашивать моряков о дальних странах.

Этот чудесный рассказ Марко выслушал из уст вновь обретенного отца и дяди. Но впереди его ждали еще более интересные события. Два года Поло прожили дома, ожидая, когда выберут нового папу, чтобы доставить ему письмо великого хана, но, так и не дождавшись выборов, решили вернуться на Восток, опасаясь, что хан решит, что они его обманули. На этот раз они взяли с собой Марко, теперь уже совсем взрослого юношу шестнадцати или семнадцати лет, серьезного и наблюдательного не по годам. Но, когда они добрались до Айяса, расположенного на берегу залива Скандерун, до них дошла весть, что папой Григорием был избран Теобальдо ди Пьяченца, а поскольку он уже знал об их миссии, то они со всей возможной скоростью вернулись в Акр и взяли у него письма для хана (перед этим они побывали в Иерусалиме и запаслись там священным маслом). Папа послал с ними двух доминиканских монахов, «людей образованных и знакомых с наукой, а также выдающихся теологов», хотя хан просил прислать ему сотню таких людей. В ноябре 1271 года они снова покинули Акр. Доминиканцы хотя и были великими теологами, но души имели заячьи, и, когда до них дошли слухи, что в том районе Армении, через который лежал их путь, вспыхнула война, они поскорее вручили письма папы венецианцам, отдали себя под по-

кровительство рыцарей тамплиеров и бросились назад, к побережью и безопасности. Поло, «не боявшиеся никаких опасностей и трудностей, к которым они уже давно привыкли», продолжили свой путь без них. Святой Франциск в райских кущах, несомненно, очень потешался над святым Домиником, поскольку монахи его ордена никогда не тряслись над своей шкурой, храбро добираясь до жаркой Индии и холодных областей Центральной Азии. Легко себе представить, какие замечания отпускал жирный Вильям Рубрук по поводу бегства знатоков теологии.

Повествование о втором путешествии Поло на Восток можно прочитать в прекрасной книге, которую Марко Поло написал позже, когда решил рассказать людям о чудесах света. Они проехали из Лайаццо через турецкие земли, мимо горы Арарат, где Марко услышал легенду о том, как сюда причалил ковчег Ноя, и где он узнал о нефтяных колодцах Баку и о великом Каспийском море, расположенном внутри материка. Ехали они мимо Мосула и Багдада, через Персию, где ткнут парчу, а купцы приводят караваны с различными сокровищами, в Ормуз, расположенный на берегу Персидского залива. Сюда заходят корабли из Индии, нагруженные специями, лекарствами, благоуханной древесиной, ювелирными украшениями, золотыми тканями и слоновьим зубом. Они собирались сесть здесь на корабль, но, увидев хрупкие суденышки, сделанные без единого гвоздя, на которых арабы храбро пускались в плавание по Индийскому океану, не решились вверить им свою жизнь и поехали по суше. Они снова повернули на север, пересекли соляную пустыню Керман, проехали через Балк и Хорасан и оказались в Бадахшане, где разводят лошадей, которые ведут свое происхождение от Буцефала, жеребца Александра Македонского, а также добывают рубины и ляпис-лазурь. Это страна красивых гор и широких равнин, рек, изобилующих форелью, и лесов, где можно охотиться на многочисленных зверей. Здесь братья провели около года, поскольку Марко на иссушенных солнцем равнинах заболел.

Со страниц, где он описывает, как свежий горный воздух возвратил ему здоровье, так и веет горными ветрами.

Когда Марко поправился, они снова тронулись в путь и поднялись к верховьям Амударьи, лежащим в высокогорьях Памира, «крыши мира», как его называют в наше время. Это была страна ледяного холода, где Марко увидел и описал «больших рогатых овец», которых ученые и путешественники до сих пор называют именем, данным им Марко Поло, — овцы Поло⁸. Эту страну никто из путешественников (кроме Бенедикта Гоёза, посетившего ее в 1604 году) больше не описывал, пока в 1838 году туда не отправился лейтенант Индийского флота Джон Вуд. Отсюда они спустились в Кашгар, Яркенд и Хотан, где добывают нефрит. Эти регионы никто не посещал до 1860 года. Из Хотана они двинулись к озеру Лоб-Нор, которое в следующий раз увидел один русский путешественник только в 1871 году. Здесь они остановились, чтобы погрузить на ослов и верблюдов провизию, и после этого с замиранием сердца начали тридцатидневный переход через ужасную пустыню Гоби. Марко приводит яркое описание ужасов этой пустыни — голосов, которые, казалось, зовут тебя по имени, миражей, возникающих перед караванами, которые пытаются сбить тебя ночью с пути, духов, наполняющих воздух звуками музыки, грохотом барабанов и гонгов и бряцанием оружия, — словом, всех тех кошмаров, которые люди слышат и видят в любой пустыне и которые наполняют их души леденящим страхом.

Так что же это? Тысячи фантазий
Собою заполняют мою душу.
Мне чудятся различные фигуры,
И голоса по имени зовут,
Но вижу я вокруг одни пески.

Наконец они, живыми и невредимыми, добрались до Тангута, который находился на самом северо-западе Китая, и, обойдя по краю великие степи Монголии, встретили людей хана, которых тот выслал им навстречу на

расстояние сорока дней пути. В мае 1275 года Поло предстали перед великим ханом, проведя в пути три с половиной года.

Великий хан принял их ласково, внимательно выслушал рассказ о путешествии, поблагодарил за старание и верность слову и с благоговением принял священное масло и подарки папы. Затем он обратил свой взор на Марко, превратившегося уже в «молодого щеголя», без сомнения весьма красивого собой, и спросил, кто это. Николо ответил: «Сир, это ваш слуга и мой сын», — на что хан сказал: «Я рад, что он приехал, и приветствую его». И он включил Марко в число своих личных помощников. Это стало началом долгой и тесной дружбы, ибо хан Кублай вскоре обнаружил, что Марко Поло умен и благоразумен, и постарался загрузить его различными поручениями. Марко, со своей стороны, увидел, что великого хана интересуют обычаи и традиции народов, которыми он правит. Кублай в полной мере обладал той благородной любознательностью, что составляет основу мудрости, и его страшно раздражало, когда его посланцы, хорошие, добросовестные работники, выполняя его поручения, не брали на себя труд посмотреть, что делается вокруг. Они никогда, например, не рассказывали ему, что у горных племен, живущих во внутренней области Китая, называющейся Мяоцзу, существовал странный, смешной обычай, когда

Китайцы, отправляясь спать,
Укладывались вместо своих дам.

«Поэтому хан, — пишет Марко, — считал их дураками и болванами и говаривал: «Я с гораздо большим удовольствием выслушиваю рассказы о необычных вещах и обычаях, существующих в разных странах, которые ты видел, чем простые сообщения о выполнении полученного тобой задания».

Натура молодого венецианца, который еще подростком с удовольствием слушал рассказы моряков на Риальто, была совсем иной, чем у слуг хана, к тому же он быстро

выучил несколько языков, на которых говорили жители империи великого хана. Ниже мы приводим рассказ о том, что он делал, отправляясь по поручению хана за границу.

«Зная, что великому хану доставляет удовольствие слушать рассказы о неизвестных для него обычаях и традициях людей и об особых обстоятельствах жизни дальних стран, он старался, куда бы его ни посылали, собирать правдивые сведения по этим предметам и делать записи обо всем, что он видел и слышал, чтобы удовлетворить любопытство своего господина. Короче, за семнадцать лет своей службы он оказался для хана таким полезным человеком, что его посылали с секретными поручениями во все концы империи и в зависимые от нее государства; иногда он путешествовал и по своим личным делам, всегда испрося разрешения у великого хана и получив его. При таких возможностях Марко Поло приобрел знания, путем личных наблюдений или по рассказам других людей, о многих вещах до того времени неизвестных, касательно восточных областей мира, которые он регулярно и старательно записывал... И он добился такой чести, что вызвал зависть у других придворных».

Нет ничего удивительного в том, что, когда этот юноша в первый раз возвратился из поездки и рассказал хану обо всем, что видел, Кублай и его придворные пришли в изумление и воскликнули: «Если этот молодой человек не погибнет, то, несомненно, станет очень важной и способной персоной!»

Во время своих поездок по делам хана Марко Поло посетил провинции Шаньси, Шэнси, Сычуань и, объехав Тибет, добрался до Юннани и Северной Бирмы — земель, о которых Запад ничего не знал до 60-х годов XIX века. Три года он был губернатором большого города Янчжоу, которому подчинялись двадцать четыре города и в котором жило множество купцов, изготовителей оружия и военного снаряжения. Он посетил Каракорум в Монголии, старую столицу татаро-монголов, и вместе со своим дядей Маффео провел три года в Тангуте. В другой раз он ездил

с поручением хана в Кохинхину, а по морю — в южные районы Индии и оставил нам яркое описание торговых городов Малабара. Он вполне мог бы повторить за Одиссеем:

И вот я знаменит —
И многое увидел и узнал: селенья, города,
Людские нравы, климат, вид правленья.
И все, кого встречал, мне честь воздали.

Он описал большую столицу Камбалук (Пекин), расположенную на севере, и прекрасный Кинсай (Гуанчжоу), что стоит на юге Китая. Он описал летнюю резиденцию хана в Шаньду с мраморным дворцом, парками и садами, павильоном из бамбука, который крепился к земле с помощью двухсот шелковых канатов, с конюшней, где жили белоснежные кобылицы, и магами, творящими чудеса. Описание этого дворца известно англичанам лучше, чем любое другое место из его книги, — это тот самый Ксанад, который приснился Кольриджу после того, как он прочитал творение Марко Поло. Кольридж описал свой сон в прекрасных стихах:

В стране Ксанад благословенной
Дворец поставил Кубла-хан,
Где Альф бежит, поток священный,
Сквозь мглу пещер гигантских, пенный
Впадает в сонный океан.
На десять миль оградой стен и башен
Оазис плодородный окружен,
Садами и ручьями он украшен.
В нем фициям цветы струят сквозь сон,
И древний лес, роскошен и печален,
Блестит там воздушностью прогалин*.

Но Марко Поло описывает не только дворцы, но и великий канал и внутреннюю торговлю Китая, шедшую по рекам, товары, ввозившиеся и вывозившиеся из его гаваней, бумажные деньги, а также систему почтовых станций

* Перевод К.Д. Бальмонта.

и караван-сараев, которые соединяли все населенные пункты страны. Он дал непревзойденное описание этой огромной, богатой, мирной империи, где процветали ремесла и торговля и было много ученых людей и прекрасных вещей. Он рассказал нам о ее правителе хане Кублае, одном из благороднейших монархов, когда-либо сидевших на троне, а поскольку «Китай — это море, которое делает солеными все реки, впадающие в него», он был не просто ханом варваров монголов, но и настоящим китайским императором, чей род, называемый китайцами «династией Юань», относится к величайшим династиям, правившим этой страной.

Конечно, Марко Поло удалось увидеть гораздо больше, чем он сумел рассказать в своей книге. К сожалению, в большей ее части личность автора никак не проявляется, и это, конечно, очень обидно, поскольку нам хотелось бы побольше узнать о том, как он жил в Китае. По некоторым намекам мы можем судить, что он больше общался с монгольскими завоевателями, чем с самими китайцами, а китайский язык так и не выучил. Поло ничего не пишет о некоторых хорошо известных китайских обычаях, например, о том, как девочек заставляли носить тесную обувь, чтобы ступни у них на всю жизнь оставались маленькими, а также о том, как китайцы ловят рыбу с помощью бакланов (оба эти обычая были описаны Одориком из Порденона, который жил в Китае после Марко Поло). Марко много раз бывал в местах, где выращивают чай, но нигде не упоминает об обычае пить чай, не обмолвился он ни единым словом и о Великой Китайской стене. Несмотря на свой острый интерес ко всему новому, во многих случаях он остается типичным европейцем. «Это малодушные люди, мысли которых заняты одной лишь торговлей и производством товаров. К этому у них большой талант, и если бы они были столь же предприимчивы, храбры и воинственны, сколь и чистосердечны, то, благодаря своей необыкновенной многочисленности, смогли бы не только подчинить себе всю провинцию, но

и более отдаленные земли», — пишет он о мирных купцах и ученых Сучоу. Почти пять столетий спустя появилось высказывание, выражающее похожую мысль: «Лучше прожить пятьдесят лет в Европе, чем тысячу — в Китае». Что такое цивилизация и что такое прогресс? Марко Поло на страницах своей книги не всегда может оценить по достоинству особенности жизни и религии, не похожие на особенности своей страны. О Шакья-Муни Будде он говорит, что «если бы он был христианином, то стал бы великим святым Господа нашего Иисуса Христа», и при этом восхваляет великого хана Кублая!

Тем не менее, несмотря на то что Марко Поло демонстрирует незнание ряда китайских обычаев и традиций (хотя в других случаях его описания отличаются необыкновенной точностью и обилием подробностей), он вполне мог поддерживать знакомство со многими обаятельными и высокообразованными людьми в Кинсае или Камбалукке или в том городе, где он служил губернатором. Среди прочих ему, вероятно, был известен великий художник Чао Менфу, создатель классических китайских пейзажей, которого китайцы называли «певцом сосен и снега». Он был прямым потомком основателя династии Сун и занимал пост чиновника, доставшийся ему по наследству. Когда династия Сун пала под натиском татаро-монголов, он и его друг Чьен Сюань, которого называли «художником нефритовых озер и потоков», удалились от дел в свои личные поместья. Но в 1286 году Чао Менфу был приглашен ко двору хана Кублая и, к возмущению своих друзей, вернулся на службу и стал секретарем военного совета, посвящая все свое рабочее время (можно представить, что думал о нем Марко Поло!) созданию своих великолепных пейзажей. Он был в большой чести у хана и всегда находился при дворе, и Марко Поло, должно быть, хорошо его знал и, возможно, даже наблюдал за тем, как он пишет пейзажи, которым нет равных, а также создает прославившие его полотна, изображающие лошадей и людей. Марко любил лошадей, любил и все виды спортивных занятий (при дворе хана мож-

но было заниматься каким угодно спортом, а сам Кублай обожал охоту, особенно соколиную). Марко оставил нам описание белых породистых кобылиц, живших в Шанту, иллюстрацией к которому могла бы стать картина Чао Менфу «Восемь лошадей в парке хана Кублая», написанная кистью. Возможно, он был знаком и с женой Чао Менфу, госпожой Куань, которая создавала изысканные рисунки грациозных стеблей бамбука и цветов пиона, излюбленных объектов китайской живописи. О ней говорили, что «она любит наблюдать при свете луны движение теней на бумажных окнах и переносить их еле заметные очертания на бумагу несколькими мазками своей непревзойденной кисти, и даже малейшие кусочки ее работ помещались в альбомах, чтобы другие могли их копировать». Чао Менфу и госпожа Куань имели сына Чао Юна, который представляет для нас особый интерес, ибо он создал рисунок тангутского охотника, а Марко Поло дал описание всадников из провинции Тангут, где он увидел и описал мускусного оленя и яка.

Но давайте вернемся к жизни Поло в Китае. Время от времени Марко упоминает в своей книге об отце и дяде, которые разъезжали по всей империи и обогащались за счет торговли, скупая драгоценные камни, в которых они прекрасно разбирались. Однажды они даже помогли хану подавить восстание в одном городе, построив для него осадные машины по европейскому образцу. Ничего не скажешь, ловкие ребята, к любому делу пригодны. Вне всякого сомнения, они гордились Марко, который из любопытного юноши превратился в мудрого и наблюдательного человека и занял столь высокий пост при дворе хана. Итак, представители семейства Поло находились на службе у хана в Китае целых семнадцать лет.

Но проходили месяцы и годы, и наконец им снова захотелось увидеть свою Венецию и ее лагуны и перед смертью еще раз послушать мессу под величественными сводами собора Святого Марка. Более того, хан старел, а милости, которыми он всегда их осыпал, вызывали у его

приближенных зависть, и Поло опасались, что их убьют, когда хан умрет. Но старый хан был глух ко всем их мольбам, готов был одарить их любыми богатствами и почестями, но уезжать не разрешал. Они могли бы умереть в Китае, и мы никогда бы не узнали ни о Марко Поло, ни о хане Кублае, если бы не счастливый случай, который помог им вернуться домой. В 1286 году у персидского хана Аргуна умерла любимая жена Болгана и, согласно ее предсмертной воле, хан отправил послов ко двору в Пекине с просьбой прислать ему невесту из того же монгольского племени, к которому принадлежала его жена. Но, когда посольство собралось в обратный путь, выяснилось, что сухопутная дорога опасна — там идет война, и послам предложили ехать морем. Как раз в этот момент Марко Поло вернулся из очередного путешествия, куда он был послан ханом, и уверенным голосом рассказал о том, с какой легкостью он совершил переход по морю. Его уверенность так понравилась послам, что они решили во что бы то ни стало заполучить себе в спутники трех венецианцев, которые так хорошо знают морское дело. Им удалось убедить великого хана, и он с большой неохотой отпустил Поло домой.

В начале 1292 года они вышли из крупного торгового порта Зейтун на четырнадцать больших китайских джонках (Марко Поло, рассказывая о судоходстве в индийских и китайских морях, оставил прекрасное описание этих судов). С ними ехали три посланца персидского хана, принцесса, красивая девушка семнадцати лет, «очень красивая дама в придачу», пишет Марко, который был большим специалистом по женской красоте, и огромная свита придворных. В одной версии книги говорится, что они взяли с собой дочь хана Манси, одну из тех принцесс династии Сун, которые в старые добрые времена гуляли по берегу озера в Гуанчжоу и, без сомнения, получили воспитание в Камбалуке, под присмотром любимой жены хана Кублая, госпожи Ямуи. Путешествие оказалось долгим и трудным — путникам пришлось надолго задержать-

ся на Суматре, на Цейлоне и в Южной Индии. Марко во время этих остановок изучал морские карты прибрежных вод Индии, которые показали ему арабские лоцманы, чтобы пополнить свои знания этих регионов, где он уже когда-то бывал. Поэтому джонки добрались до Персии лишь через два с лишним года, и двое из трех посланников и большое число придворных из их свиты умерли по дороге. Когда же они, наконец, прибыли на место, то выяснилось, что Аргун, жених монгольской принцессы, к тому времени уже тоже умер, оставив трон регенту при своем малолетнем сыне. По его совету было найдено удачное решение — принцессу решили выдать замуж за сына персидского хана, и Марко с дядей отвезли девушку к жениху. Марко Поло отметил, что «женщины, по моему мнению, здесь самые красивые в мире». В этих местах стояло одинокое прославленное сухое дерево, и люди до сих пор рассказывали легенды об Александре Македонском и Дарии. Здесь они оставили свою принцессу, которая за долгое время пути полюбила их, как родных, как пишет Марко, и горько плакала при расставании. После этого они прожили в Персии девять месяцев и получили весть о смерти великого хана, которому так преданно служили много лет. Он умер восьмидесяти лет от роду, и с его смертью всю Центральную Азию охватила глубокая печаль. Она нависла над сияющими желтыми крышами Камбалука, над

Голыми степями
Сериканы, где под парусами
Китайцы ездят на своих повозках
Из тростника, гонимых сильным ветром...

Печаль повисла над минаретами Персии и юртами диких кипчаков, которые носились на своих лошадях по степям Прикаспия. Так велики были владения хана Кублая. Печалью наполнилось и сердце Марко Поло. Ему показалось, что за ним захлопнулась дверь, которая уже никогда не откроется. «Во время пути, — пишет он, — наши путе-

шественники получили известие о том, что великий хан распростился с жизнью, и это положило конец всем нашим надеждам еще раз побывать в этих краях». Марко вместе с отцом и дядей отправились в Табриз, оттуда — в Трапезунд, Константинополь и Венецию. На исходе 1295 года их суда в конце концов достигли города лагун.

До нас дошла странная легенда о возвращении Марко Поло домой. «Когда они добрались туда, — пишет Рамуцио, редактировавший книгу Марко в XV веке, — их постигла судьба Одиссея, который после двадцати лет странствий вернулся на родную Итаку, и никто его не узнал». Когда облаченные в непривычное для этих мест платье Поло постучали в дверь своего дома, Ка'Поло, их никто не узнал и им с большим трудом удалось доказать своим домашним и согражданам, что они действительно те самые Поло, которых считали давным-давно умершими. Легенда гласит, что они доказали это, пригласив всех своих земляков на большой пир, и с каждой переменной блюд появлялись во все более роскошных одеждах, а под конец трапезы принесли татарские тулупы из грубой шерсти и вспороли им швы и подкладку. И все увидели, как оттуда «посыпались драгоценные камни — рубины, сапфиры, карбункулы, алмазы и изумруды, которые были тщательно зашиты в эти тулупы, чтобы никто не догадался, где их надо искать... Вид столь бесконечного потока драгоценностей, которые закрыли собой весь стол, поверг всех присутствующих в такое сильное изумление, что они потеряли дар речи и сразу же признали в этих благородных господах владельцев Ка'Поло, в чем сначала сомневались, и приняли их с большими почестями и уважением».

Человеческая натура мало изменилась с тех пор. Рассказ о горе драгоценностей конечно же легенда, но нет никакого сомнения в том, что Поло привезли с собой большое количество драгоценных камней, ибо всегда занимались торговлей ими. В Китае у них было много возможностей вести торговлю, а великий хан приказал погрузить на их судно целые горы рубинов и других пре-

красных камней. Конечно, для перевозки приобретенного в Китае богатства удобнее всего было использовать драгоценные камни. Но любознательный Марко привез и другие вещи, которые поразили воображение венецианцев. Время от времени он упоминает о них в своей книге — к примеру, он привез шелковистую шерсть тангутского яка, которая привела его сограждан в восхищение, высушенную голову и ногу мускусного оленя и семена растения, дающего краситель для тканей (скорее всего, это было индиго) с острова Суматра. Он посадил эти семена в Венеции, но они даже не взошли, поскольку климат здесь был совсем неподходящим для них. Марко привез подарки и для дожа. В описи вещей, которые находились во дворце Марино Фальеро, сделанной в 1351 году, упоминаются, среди прочих вещей, кольцо, подаренное ханом Кублаем, монгольский воротник, трехгранный меч, индийская парча, книга, «написанная рукой означенного Марко» под названием «Чудеса Татарии».

О том, как Марко прожил остаток своей жизни дома, рассказывать недолго. Если верить легенде, венецианские юноши любили приходить в дом Марко Поло, чтобы послушать его рассказы, ибо даже от иноземных моряков на пристанях, где когда-то бродил Марко, приставая к ним с расспросами о кочевниках, нельзя было услышать ничего подобного. А поскольку он всегда говорил о гигантских размерах владений хана Кублая, о миллионной дани, миллионах джонок, миллионах всадников, миллионах городов, то его в насмешку стали называть Марко Мильоне или Иль Мильоне, что означает «Миллион Марко», и это прозвище попало даже в документы республики — дворик при доме Марко стали называть *Corte Milione* (двор Мильоне).

Но вернемся от легенды к реальным событиям. За время отсутствия Марко старинное соперничество Венеции и Генуи еще больше усилилось, и Венеции не всегда удавалось взять в нем верх. Часто, когда ее корабли уходили далеко в море, как пишет поэт:

К Фамагусте, где садящееся солнце
Мгновенно превращало черный Крит
В пылающий костер... где закупали
Коричневых рабов и апельсины,
Вдруг Генуи пираты появлялись
И биди их, покуда вся вода
Не наполнялась трупам, плодами
И не окрашивалась кровью моряков.

В 1298 году, через три года после возвращения Марко из Китая, генуэзский флот под командованием Ламбы Дориа вошел в Адриатическое море, чтобы разгромить гордую Венецию в ее собственных водах. Венецианцы снарядили огромный флот, и Марко Поло, как опытный моряк, хорошо знавший навигацию, хотя он лучше управлялся с китайскими джонками, чем с судами западного типа, отправился вместе с ним, получив под свое командование галеру. Результат сражения у Курзолы оказался плачевным для венецианцев — генуэзцы разбили их флот наголову. Шестьдесят восемь галер было сожжено, и в Геную отправились семь тысяч пленников, среди которых был и Марко Поло. Теперь ему пришлось на своей собственной шкуре испытать, к чему приводит предприимчивость, храбрость и воинственность, в отсутствии которых он упрекал жителей Сучжоу.

Но вскоре по улицам и дворцам Генуи пронесся слух, что в тюрьме сидит венецианский капитан, который рассказывает такие чудесные истории, что время пролетает незаметно, а слушать их никогда не надоедает, и вскоре шеголи и мудрецы и даже наиболее храбрые дамы Генуи стали стекаться к его камере, как когда-то люди стекались на Римальто, чтобы послушать рассказы Марко о хане Кублае:

Владыке всех плодов Татари,
Ее потоков серебристых,
Владыке всех холмов Татари,
Ее лесов и чаш тенистых.
Всех звезд ее, что видит взор
Ее трепещущих озер,
И рощ, где звонкий птичий хор
Поет среди дерев ветвистых.

«Мессир Марко, — рассказывает нам Рамусио легенду, которая сохранилась в Венеции до наших дней, — оказавшийся в таком положении и увидевший, как много людей хотят услышать о Китае и великом хане, вынужден был каждый день по многу раз повторять свой рассказ, пока у него не начинал заплетаться язык. Наконец, ему посоветовали записать его, и он нашел способ передать своему отцу в Венецию письмо, прося прислать ему записи, которые он привез с собой из путешествия».

Случилось так, что в тюрьме вместе с Марко сидел один пизанец, писавший романы, по имени Рустичиано, который, вероятно, попал в плен еще раньше, после битвы при Меларии (1284 год), когда в Геную привезли так много пизанцев, что появилась даже поговорка: «Если хочешь увидеть Пизу, езжай в Геную». Рустичиано писал на французском языке, который лучше всего подходил для романов. На нем он написал свои варианты романов о рыцарях Круглого стола, и в его лице Марко нашел прекрасного помощника, который фиксировал его рассказы, не обращая внимания на толпу венецианских пленников и благородных генуэзцев, восхищенно внимавших повествованию о чудесах империи хана Кублая. Инстинкт подсказал Рустичиано, когда все было уже записано, предварить повествование тем же самым обращением к владыкам и господам мира, в котором он предлагал им оценить эту книгу, каким начинались его романы о Тристане, Ланселоте и короле Артуре: «Вы, господа императоры и короли, герцоги и маркизы, графы, рыцари и горожане и все люди, которые желают узнать о разных людских расах и многообразии областей мира, возьмите эту книгу и велите прочитать ее вам, и здесь вы найдете описание величайших чудес». Но в предисловии к книге Марко Поло он добавил: «Марко Поло, мудрый и образованный гражданин Венеции, рассказывает только о тех вещах, которые он видел сам и о которых ему рассказали другие, так что эта книга совершенно правдива». Реальные земные чудеса, о которых писал Марко Поло, оказались в тысячу раз интереснее подвигов рыца-

рей короля Артура и, возможно, больше подходили для пера добропорядочного Рустичиано, чем рыцарские романы. Единственной его заслугой в глазах потомков стало то, что он в своем пересказе истории о Ланселоте полностью опустил эпизод (если это можно назвать эпизодом!) любви Ланселота и Джиневры. «Какая жалость, — восклицает его французский редактор, — что роман о Ланселоте, который попал в руки бедной Франчески да Римини, вышел не из-под пера Рустичиано!»

В конце года Марко выпустили из тюрьмы, и он вернулся в Венецию (обитатели дворцов Генуи, вероятно, очень сокрушались по этому поводу!). С тех пор его имя изредка встречается в венецианских документах, связанных со сделками и тяжбами. В документе от 1305 года мы читаем, что «благородный Маркус Поло Мильоне» ручается за контрабандиста, ввозившего вино; в 1311 году он судится с нечестным агентом, который не выплатил ему деньги, полученные от продажи мускуса (это ему-то, Марко, видевшему мускусного оленя живьем!), а в 1323 году он принимает участие в споре о сооружении брандмауэра. Из его завещания нам известно, что он имел жену и трех дочерей — Фантину, Беллелу и Морету. Довелось ли ему любить под чужими небесами, под которыми прошла его юность, какую-нибудь томную, изысканную китайскую даму или дерзкую степную девушку? Расширил ли он свои познания в любви, изучив странные брачные обычаи Тибета, о которых пишет с таким юмором (а юмор — редкий гость на страницах его книги)?

Имели ли Фантина, Беллела и Морета сводных братьев, которые пускали своих кречетов в погоню за добычей на берегах Белого озера, где любил охотиться хан, и рассказывали ли о своем полулегендарном отце, уплывшем от них навсегда, когда они были еще совсем маленькими? Мы ничего не знаем об этом, как не знаем и того, сожалел ли он, что только дочери пошли от его семени в городе лагун и что не было у него ни одного сына-венецианца, который мог бы снова отправиться в чужедальнюю

страну, где Марко оставил добрую половину своей души. Быть может, он иногда обсуждал эти вопросы с Петером, своим слугой-туземцем, которого перед смертью освободил «ото всех уз, как, я надеюсь, Бог освободит мою душу ото всех грехов и провинностей». Некоторые считают, что он привез Петера из дальних странствий, и нам очень хотелось бы в это верить, но скорее всего он купил его на невольничьем рынке в Италии, поскольку венецианцы были закоренелыми рабовладельцами, а пленные монголы считались самыми сильными и самыми лучшими рабами. Итак, его жизнь прошла, и в 1324 году Марко Поло умер, прославляемый своими согражданами и оставив завещание, которое до сих пор хранится в библиотеке Святого Марка.

О его смерти некоторое время спустя рассказал нам один доминиканец по имени Джакопо Аквийский. «То, о чем он писал в своих книгах, — пишет Джакопо, — совсем не то, что он видел, поскольку языки лгунов всегда готовы внушить свои лживые домыслы другим, не упустив возможности назвать ложью то, чему они, будучи извращенными людьми, не верят, или то, чего не могут понять. А поскольку эта книга полна великих и странных вещей, в которые трудно поверить, его друзья, когда он уже был при смерти, попросили исправить книгу, удалив из нее то, что не соответствует действительности. На это он ответил, что не описал *и половины* того, что ему довелось увидеть». С какой яркостью можно представить себе последнюю презрительную усмешку наблюдательного человека, который в годы своей юности делал записи о необычных племенах и обычаях для мудрого и великодушного хана Кублая, а эти подлые людишки осмеливаются теперь думать, что он лгал в своей книге! Современные исследования полностью подтвердили необычайную наблюдательность Марко Поло. Да, порой он повторял излюбленные басни средневековых географов о людях с песьими головами, которые якобы живут на Андаманских островах, или о «мужских и женских островах». Все это

были обыкновенные матросские байки, зато те вещи, которые Марко Поло видел своими собственными глазами, он описывает с поразительной точностью, а если какое-нибудь место ему посетить не удалось, то он никогда не будет говорить, что видел это место. Исследователи нашего времени, Аурел Штейн, Элсворт Хантингтон и Свен Хедин, путешествовавшие по Центральной Азии, с блеском доказали, что Марко Поло нигде не погрешил против истины. «У нас сложилось впечатление, — пишет прославленный французский историк, — что мы неожиданно обнаружили оригиналы очень старых фотографий — старое описание вещей, которые совсем не изменились, можно с успехом применить и к описанию современности». Хантингтон и Аурел Штейн взяли с собой в качестве путеводителя по труднодоступным районам Центральной Азии книгу китайского паломника Хивена Тсанга (VII век) и книгу Марко Поло, снова и снова убеждаясь, как точны их описания.

Трудно переоценить сделанное Марко Поло. Лучше всего эту мысль выразил Генри Юл, слова которого часто цитируют. Его книгу считают одной из лучших среди английских трудов по истории.

«Он был первым путешественником, который пересек всю Азию, назвал и описал все государства, увиденные им по пути, — пустыни Персии, цветущие плато и дикие ущелья Бадахшана, нефритовые реки Хотана, монгольские степи, колыбель той силы, которая еще совсем недавно грозила поглотить христианский мир, новый блестящий двор, созданный в Камбалуке. Он был одним из первых путешественников, которые показали Китай во всем его богатстве и широте, его могучие реки, его огромные города, его богатейшую промышленность, его многочисленное население, мощные флоты, бороздившие моря и внутренние воды. Он рассказал нам о странах, пограничных с Китаем, описав их причудливые обычаи и верования: Тибет с его убогими верующими-фанатиками, Бирму с ее золотыми пагодами и позвякивающими коронами, Лаос, Сиам,

Кохин-хину, Японию и Восточный Туле с их розовым жемчугом и дворцами под золотыми крышами. Он первым заговорил об этом музее Красоты и Чудес, до сих пор еще плохо изученном, который называется Индонезийским архипелагом и является источником благовоний, происхождение которых было покрыто тайной и которые так высоко ценились в те времена, о Яве, острове жемчуга, о Суматре с ее многочисленными королями, о ее странных, экзотических товарах и племенах каннибалов, о голых дикарях Никобара и Андамана, о Цейлоне, острове драгоценностей с его Священной горой и могилой Адама, о Великой Индии, но не о сказочной стране времен Александра Македонского, а о стране, которую он увидел и частично изучил, с ее добродетельными браминами и непристойными аскетами, с ее алмазами и странными рассказами о том, как они приобретаются, с ее морским дном, усеянным раковинами с жемчужинами, и ее жгучим солнцем. Он впервые в современной истории дал вразумительное описание отдаленной христианской Абиссинской империи, упоминал, хотя и очень туманно, о Занзибаре с его неграми и слоновой костью и о большом, далеком острове Мадагаскар, расположенном на границе с неведомым Южным океаном, о его чудовище Рук и других чудовищах и об обширной области, расположенной на противоположном конце Земли — Сибири и Северном Ледовитом океане, о собачьих упряжках, белых медведях и тунгусах, которые ездят на оленьих упряжках».

Информация, которую Марко привез в Европу, продолжала пополняться и после его смерти. Взаимоотношения Востока и Запада, в которых, как он убедился на собственном опыте, нуждаются обе стороны, тоже укреплялись. В Китай по суше и по морю стали ездить купцы и миссионеры. Еще один неугомонный францисканец по имени Джованни Монте-Корвино приехал сюда в возрасте пятидесяти лет и стал архиепископом Пекина. В некоторых китайских городах появились храмы и монастыри францисканцев. Одорик Порденонский, который тоже был мона-

хом и очень наблюдательным человеком, отправился в свое путешествие в 1316 году. Он обогнул по морю Индию, миновал Острова пряностей — то есть повторил тот же путь (в обратном порядке), каким братья Поло везли в Персию монгольскую принцессу, и добрался до Кантона, который описал как «город величиной с три Венеции... и во всей Италии не найдешь столько ремесел, сколько имеется в одном этом городе». Он оставил прекрасное описание своих путешествий по Китаю, включая описание Пекина и Гуанчжоу, и закончил свой рассказ такими словами: «Что касается меня, то я ежедневно готовлюсь к возвращению в эти страны, в которых желал бы умереть, если на это будет воля того, от которого исходят все благие вещи» — и где, без сомнения, он оставил половину своего сердца. Однако умер он в Удине, в Италии. Позже в Китай отправился другой монах, Джованни Мариньолли, который с 1342 по 1346 год был легатом папы в Пекине.

Но Китай посещали не только миссионеры. Одорик, рассказывая о чудесах Гуанчжоу, сообщает о венецианских купцах, которые приезжали в этот город. «Это — величайший город в мире, такой большой, что я не осмеливаюсь описать его, но я встречал в Венеции множество людей, которые побывали в нем». Джованни Монте-Корвино сопровождал господин Пьетро из Луколонго, «великий торговец». Джованни Мариньолли упоминает о *fondaco* (товарном складе), в котором хранили свои товары христианские купцы и который располагался на территории одного из францисканских монастырей в Зейтуне. Кроме того, был еще Франциск Бальдуччи Пеголотти, отважный представитель большого коммерческого дома Барди из Флоренции, который около 1340 года написал бесценное руководство для купцов. В нем он приводит подробные инструкции тем торговцам, которые захотят проехать сухопутным путем из Таны на Черном море в Китай и обратно с караваном шелка, стоимостью 12 тысяч фунтов стерлингов, и походя, небрежно, замечает: «Путь, по которому вы будете идти из Таны в Китай, со-

вершенно безопасен днем и ночью, если верить словам тех купцов, которые его проделали». Представьте себе, что это значит. Марко Поло прошел там, где до XX века не ступала нога человека. Колокола христианских церквей звучали райской музыкой в ушах великого хана в Пекине. Долгий путь через всю Азию был совершенно безопасен для купцов. «Многие люди из Венеции», которые ходили по улицам Гуанчжоу. И все это — в конце XIII — начале XIV века, в эпоху столь презираемых всеми Средних веков. Путь совершенно безопасен! Согласитесь, что на фоне этого слава Колумба, Васко да Гамы и эпохи Великих географических открытий (которая во времена Поло еще впереди) несколько тускнеет.

Но в середине XIV века все изменилось. Снова опустилась тьма и накрыла Пекин и Гуанчжоу, великие порты, скопившиеся в них джонки и благородную цивилизацию Китая. Великий торговый путь не был уже безопасным для купцов, а христианские монахи уже не служили мессу в Зейтуне. Династия татаро-монгольских императоров пала, а новые правители Китая возродили старую политику недоверия к иностранцам, более того, во всей Центральной Азии воцарился ислам, который непроходимой преградой лег между Дальним Востоком и Западом. Он воздвиг великую стену нетерпимости и ненависти, гораздо более крепкую, чем Великая китайская стена, которой мирные китайцы хотели отгородиться от воинственных кочевников. И чудеса, описанные Марко Поло, превратились в легенды, байки путешественников.

Но его великое путешествие не прошло даром⁹. Почти через полтора века после смерти Марко один генуэзский капитан начал читать отпечатанную в типографии книгу. В ту пору люди стали покупать и передавать друг другу печатные книги. Это была версия книги Поло на латинском языке. Капитан читал ее не отрываясь, она захватила его целиком. Читая, он делал на полях пометки, и эти пометки мы встречаем более чем на семидесяти страницах. Время от времени он хмурился, возвращался назад и

перечитывал рассказ о великих портовых городах Китая и крытых золотом дворцах Сипангу. Он ломал себе голову, как же теперь, когда Центральную Азию поглотила мгла, а дорогу в Персидский залив перекрыла анархия, достичь этих земель. Но однажды (как ясно я это себе представляю!) он поднял голову и хлопнул рукой по столу. «Надо плыть на запад! — воскликнул он. — Может быть, мне удастся отыскать таинственный остров Антилу в Западном океане, а может, на самом его краю я найду и Сипангу, ибо Земля круглая, и где-нибудь в этих великих морях, начинающихся у берегов Европы, должен быть и богатый Китай, описанный Марко Поло. Я попрошу у короля Испании или Англии корабль и матросов, пообещав им взамен шелк, пряности и другие сокровища. Я поплыву на запад, — сказал генуэзский капитан и ударил себя по бедру. — На запад надо плыть, на запад!» И это было последнее чудо великого Марко — в XIII веке, во время своей жизни, он открыл Китай, а в XV, будучи уже мертвым, подсказал, где искать Америку!

Глава 4

АББАТИСА, ОПИСАННАЯ ЧОСЕРОМ, В РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Была меж ними также аббатиса —
Страж знатных послушниц и директриса.
Смягчала хлад монашеского чина
Улыбкой робкою мать Эглантина.
В ее устах страшнейшая хула
Звучала так: «Клянусь святым Элу».
И, вслушиваясь в разговор соседний,
Все напевала в нос она обедню;
И по-французски говорила плавно,
Как учат в Стратфорде, а не забавным
Парижским торопливым говорком.
Она держалась чинно за столом:
Не поперхнетса крепкою наливкой,
Чуть окуная пальчики в подливку,
Не оботрет их о рукав иль ворот.
Ни пятнышка вокруг ее прибора.
Она так часто обтирала губки,
Что жира не было следов на кубке.
С достоинством черед свой выжидала,
Без жадности кусочек выбирала.
Сидеть с ней рядом было всем приятно —
Так вежлива была и так опрятна.
Усвоив нрав придворных и манеры,
Она и в этом не теряла меры
И возбуждать стремилась уваженье,
Оказывая грешным снисхождение.
Была так жалостлива, сердобольна,
Боялась даже мышке сделать больно
И за лесных зверей молила небо.
Кормила мясом, молоком и хлебом
Своих любимых маленьких собачек.
И все нет-нет — игуменья заплачет:
Тот песик околел, того прибили —
Не все собак игуменьи любили.
Искусно сплоенное покрывало

Высокий чистый лоб ей облегало.
Точеный нос, приветливые губки
И в рамке алой крохотные зубки,
Глаза прозрачны, серы, как стекло, —
Все взор в ней радовало и влекло.
Был ладно скроен плащ ее короткий,
А на руке коралловые четки
Расцветчивал зеленый малахит.
На фермуаре золотой был шит
С короной над большою буквой «А»,
С девизом: «Amor vincit omnia»*.

(Пролог из «Кентерберийских рассказов».
Перевод И. Кашкина)

Всем знакомо чосеровское описание игуменьи, мадам Эглантины, ехавшей в болтливой и разношерстной компании в Кентербери. Но в этой галерее типов нет другого портрета, который вызвал бы среди критиков более противоречивые чувства. Одни считают его язвительной критикой суетности церковнослужителей, другие думают, что Чосер хотел нарисовать обаятельную и полную сочувствия картину женственности. Третьи утверждают, что это карикатура, четвертые видят здесь только мадам Эглантину, а один американский профессор даже заявил, что эта новелла посвящена подавленному материнскому инстинкту, очевидно, по той причине, что мадам Эглантина любила маленьких собачек и рассказала историю о школьнике. Но историк чужд подобных измышлений. Для него игуменья, описанная Чосером, так же как и его священник или нищенствующий монах, являются примерами почти фотографической точности поэтического изображения. Подводная рябь сатиры конечно же здесь тоже присутствует, но это особая, чосеровская сатира — мягкая, смешная, никого не презирающая, наиболее щадящая сатира, не прибегающая к преувеличению. Литературный критик прислушивается лишь к слову Чосера и своему собственному сердцу или иногда (скажем потихоньку) к своему желанию прослыть оригинальным. Но историк об-

* «Любовь все покоряет» (лат.).

ладает знанием, у него под рукой имеются разного рода источники, по которым он изучает жизнь в монастырях и где на каждом шагу встречается Чосерову игуменью. Кроме того, у него есть епископские журналы.

Долгое время исследователи ошибочно полагали, что историю творят короли и военные, парламентарии и судебные чины; они любили работать с летописями и актами парламента, и им в голову не приходило заглянуть в пыльные епископальные архивы, где хранятся толстые книги, куда средневековые епископы заносили написанные ими письма и все, что было связано со сложным делом управления своей епархией. Но когда историки все-таки заглянули сюда, они нашли целые россыпи бесценной информации о почти всех сторонах социальной и духовной жизни монастырей. Конечно, чтобы добраться до этих россыпей, пришлось основательно покопаться, ибо все, что достойно познания, нужно добывать точно так же, как драгоценные металлы из пустой породы, и ради одной находки исследователю приходится многие дни перелопачивать целую гору наводящих скуку бумаг. А затем обнаруженную ценность необходимо пропустить через свое собственное сердце, иначе ученый не поймет, что нашел.

Такой золотой жилой стали для историков епископальные журналы, после того как они перестали считать чтение подобных журналов ниже своего достоинства. Они нашли там описание домов приходских священников со всей их обстановкой и садами; материалы брачных споров; завещания, полные весьма занимательных описаний наследства, полученного людьми, которые умерли сотни лет назад; описания отлучений от церкви; индульгенции, выданные тем, кто помогал бедным, чинил дороги и строил мосты, задолго до того, как появились первые законы о бедняках или советы графств; материалы следствий по делам о ереси и колдовстве; рассказы о чудесах, происходивших на могилах святых и даже совсем не святых людей вроде Томаса Ланкастера, Эдуарда II и Симона де Монфора; записи расходов епископов во время их поез-

док по епархии. В одном из таких журналов историки нашли даже беглое описание внешности королевы Филиппы, когда она была еще маленькой девочкой и жила при дворе своего отца в Хейноле. Епископа Экзетерского послали проверить, хороша ли она собой и подходит ли Эдуарду III в качестве невесты: ей было тогда девять лет, и епископ писал, что ее второй зуб был белее первого, а нос был широк, но не вздернут, что, конечно, очень успокоило Эдуарда. И наконец, историки обнаружили огромное множество документов о монастырях, среди них — записи о посещениях обителей епископами, а в этих записях нашли и Чосерову игуменью, улыбающуюся, простую и скромную, с чистым лбом, с искусно сплоенным покрывалом и четками, любившую маленьких собачек, и все остальное, словно она вместо «Кентерберийских рассказов» оказалась по ошибке в пыльном епископальном журнале и мечтает поскорее оттуда выбраться.

Но у мадам Эглантины была причина оказаться в этом журнале. В Средние века все женские монастыри Англии и большая часть мужских регулярно посещались епископом епархии, к которой они относились — или кем-нибудь, посланным им, — чтобы посмотреть, как обстоят в них дела. Это было очень похоже на плановое посещение школы инспектором ее величества королевы, только происходило оно совсем по-другому. Когда инспектор ее величества являлся в школу, он не сидел в зале и не вызывал одного за другим учителей и учениц этой школы, начиная с директрисы и заканчивая самой последней первоклассницей, чтобы, встав перед ним, они рассказали ему, что, по их мнению, у них делается не так, как надо, и есть ли у них какие-нибудь жалобы на учителей, и какая девочка всегда нарушает дисциплину — и все это говорилось шепотом ему на ушко, чтобы никто не мог услышать. Именно это и происходило, когда епископ приезжал в женский монастырь. Сначала он присылал письмо, где сообщал о своем визите и просил монахинь подготовиться к нему. Потом являлся сам, со своими пис-

цами и одним-двумя учеными чиновниками, и игуменья с монахинями торжественно встречали его. Он служил службу в их церкви и, возможно, даже обедал в монастыре. Затем он усаживался в зале, и монахини, в соответствии со своим рангом, начиная с игуменьи, одна за другой подходили к нему и должны были рассказывать друг о друге. Он хотел знать, хорошо ли аббатиса управляет монастырем, правильно ли совершаются службы, в порядке ли финансовые дела обители, поддерживается ли в ней дисциплина, а если у кого-нибудь из монашек были жалобы, то он выслушивал и их.

А жалоб у монашек всегда было очень много. Современные школьницы побледнели бы от ужаса, узнав о том, какие это были сплетницы. Если одна из монахинь дала другой пощечину, а другая уходила со службы, а третья слишком часто развлекалась с друзьями, а четвертая покидала монастырь без разрешения, а пятая сбежала с бродячим флейтистом, можно не сомневаться, что все это будет сообщено епископу, если, конечно, в монастыре не царил полный беспорядок и монахини не договаривались ничего ему не говорить о своих прегрешениях, что иногда случалось. А если аббатиса не пользовалась любовью монахинь, то епископ узнавал о ней все. «Она роскошно питается в своей келье и никогда не приглашает нас», — скажет одна монахиня; «у нее есть любимчики», — добавит другая, «когда она наказывает кого-то, то ее любимчики получают легкие наказания, а те, кого она терпеть не может, — очень суровые». «Она ужасная брюзга», — пожалуется третья; «она одевается как светская дама, а не так, как полагается монашине, и носит кольца и ожерелья», — добавит четвертая; «она слишком часто уезжает, чтобы навестить своих друзей», — скажет пятая; «она ничего не смыслит в хозяйстве: монастырь из-за нее погряз в долгах, храм разваливается, мы плохо питаемся, она два года не шила для нас новой одежды, и она продала лес и фермы без нашего разрешения, и она заложила наш лучший набор ложек, и в этом нет ничего удивительного, поскольку она

никогда не советуется с нами, хотя и должна это делать». В журналах иногда несколько страниц подряд исписаны подобными жалобами, и епископу, наверное, очень хотелось заткнуть себе уши и закричать, чтобы они, наконец, замолчали, особенно если игуменья до этого целых полчаса рассказывала ему, какие непослушные, раздражительные и вообще недисциплинированные у нее монахини.

Все эти сведения писарь епископа записывал в большую книгу, а когда процедура опроса заканчивалась, епископ снова созывал монахинь в зал. В том случае, если они не докучали своими проблемами, как это иногда бывало, или сообщали только о мелких прегрешениях, то он хвалил их и уезжал; если же их рассказы свидетельствовали о том, что дела в монастыре идут из рук вон плохо, то он расследовал конкретные обвинения, ругал виновных и приказывал им исправиться, а возвратившись в свой дворец или поместье, где он останавливался, составлял предписание, основанное на жалобах, и указывал, что конкретно должно быть сделано для устранения недостатков. Одна копия этого предписания записывалась в журнал, а другая, через посыльного, передавалась монахиням, которые должны были время от времени читать его вслух и выполнять все наказания епископа. Мы находим подобные предписания во многих епископальных журналах, внесенные сюда писарями, а в некоторых, в частности в велико-лепном журнале Линкольнской епархии XV века, которая принадлежала добросовестному епископу Онвику, мы встречаем живые рассказы монахинь, которые были записаны в таком виде, в каком они слетели с их болтливых языков, — и это самые человечные и самые смешные средневековые документы. Мы видим, каким важным историческим источником были отчеты о посещениях аббатств епископами, особенно в таких епархиях, как Линкольнская, в которой сохранились почти все епископальные журналы за более чем три столетия до эпохи закрытия монастырей. Благодаря им мы можем проследить историю отдельных женских обителей.

Давайте же посмотрим, какой свет проливают эти журналы на жизнь мадам Эглантины до той поры, когда Чосер увидел ее садящейся на лошадь у гостиницы Табард. Без сомнения, она поселилась в аббатстве еще девочкой, поскольку пятнадцатилетних девушек в Средние века считали совсем взрослыми — в двенадцать их уже могли выдать замуж, а в четырнадцать они могли постричься в монахини. Вероятно, у ее отца было еще три дочери, помимо нее, которых надо было выдать замуж и обеспечить приданым, и веселый щеголь сын, который тратил кучу денег на модную одежду,

Всю вышитую по последней моде
И всю в цветах, что алы и белые.

Поэтому он решил сначала пристроить младшую дочь. Собрав приданое (без него трудно было попасть в монастырь, хотя, согласно церковному закону, все вклады должны были быть чисто добровольными) и взяв Эглантину за руку, летним днем он отвел ее в аббатство, расположенное в нескольких милях от дома и основанное его предками. Мы даже знаем, во что это ему обошлось, — это был монастырь для избранных, для аристократии, и ему, в переводе на наши деньги, пришлось заплатить двести фунтов. Потом ему пришлось еще купить дочери новую одежду и кровать и еще кое-какую мебель. В день, когда его дочь станет монахиней, он должен будет угостить всех монахинь и всех своих друзей, а также заплатить монаху за службу. Короче, вся эта история влетела ему в копеечку. Но угощение надо было выставлять не сразу, поскольку Эглантина несколько лет должна была проходить в послушницах, пока не достигала возраста, когда ее можно было постричь в монахини. Она будет жить в аббатстве, где ее вместе с другими послушницами научат петь, читать и разговаривать по-французски в той манере, в какой разговаривали в школе Стратфорда-на-Бове. Быть может, она была самой юной среди других послушниц, поскольку обычно девочки уходили в монастырь в таком возрас-

те, когда могли уже сами решать, хотят ли они стать монахинями, но наверняка в аббатстве были и другие маленькие послушницы, обучавшиеся пению, чтению и французскому языку. Иногда в монастырях попадались и девочки, о чьей грустной истории мы прочитали в одной из судебных книг, — негодяй отчим запер ее в монастыре, позарившись на доставшееся ей наследство (монахиня не могла наследовать землю, поскольку ее считали умершей для мира), а монахини пугали ее тем, что если она выйдет за ворота аббатства, то дьявол тут же унесет ее в ад. Эглантина отличалась жизнерадостным нравом, и ей нравилась жизнь в монастыре. Она легко усвоила изящные манеры поведения за столом, а также французский язык, которым ее здесь обучали. Она была не слишком строгой и любила яркие платья и маленьких собачек, с которыми играла в доме своей матери, она была совсем не прочь постричься в монахини, когда ей исполнится пятнадцать. Ей даже нравилась вся эта суэта вокруг нее, нравилось, что ее будут звать *мадам* или *дамой*, как, согласно правилам этикета, называли монахинь.

Шли годы, и жизнь Эглантины мирно протекала за стенами монастыря. Главной целью, для которой они создавались и которую большинство из них достойно выполняло, было прославление Господа. Эглантина проводила много времени в молитвах в монастырской церкви:

И, вслушиваясь в разговор соседний,
Все напевала в нос она обедню.

Монахини должны были ежедневно присутствовать на семи службах. В два часа ночи стояли ночную службу; все они вставали с постелей по звуку колокола и шли в холодный, темный храм, где пели хвалу Христу. После этого, когда уже занималась утренняя заря, расходились по кельям и спали еще три часа, а в шесть часов уже окончательно подымались и служили заутреню. После этого шли третий, шестой и девятый час, вечерня и вечернее богослужение, распределявшиеся через определенные ин-

тервалы на весь день. Последняя, вечерняя служба служилась зимой в семь часов вечера и в восемь — летом, после чего монахини должны были идти прямо в дортуар и ложиться в постель. В этой связи один из монастырских уставов требовал, чтобы «монахини не толкались и не сновали туда-сюда по лестнице, а ступали тотчас же спать». На сон им отводилось восемь часов, с перерывом на ночную службу. Они принимали пищу три раза в день — после заутрени съедали небольшой кусочек хлеба и выпивали кружку пива, в середине дня съедали полный обед под чтение духовных книг, а сразу же после вечерни, между пятью и шестью часами вечера, ужинали.

С 12 часов до 5 часов вечера зимой и с 1 часа дня до 6 часов вечера летом Эглантина и другие сестры должны были заниматься рукоделием или умственной работой, с перерывами на спокойный, добропорядочный отдых. Эглантина пряла, или голубыми и золотыми нитками вышивала на ризах монограмму Девы Марии (букву «М», увенчанную короной), или изготовляла маленькие кошелечки из шелка для своих подруг или тонкие повязки, которыми они, порезавшись, бинтовали себе руку. Кроме того, она читала псалтырь или жития святых, имевшиеся в аббатстве и написанные по-английски или по-французски, ибо латынь она знала плохо, хотя и могла написать фразу «Amor vincit omnia» («Любовь побеждает все»). Иногда в ее монастырь принимали нескольких маленьких школьниц, которых монахини обучали письму и хорошим манерам, а когда она повзрослела, то стала помогать им обучать этих девочек чтению и пению, поскольку хоть они и были счастливы, что их учат, но не получали хорошего образования у добрых сестер. Летом Эглантине иногда разрешали работать в саду аббатства или даже косить сено с другими сестрами; когда же она возвращалась в монастырь, то с расширенными глазами сообщала своему исповеднику, что видела, как мать казначея ехала с покоса на лошади капеллана, сидя у него за спиной, и думала, как это, должно быть, хорошо трястись позади грузного Дана Джона.

Большую часть дня, за исключением перерывов на отдых, в монастыре должна была царить полная тишина, и если Эглантине нужно было что-то сообщить своим сестрам, то ей приходилось делать это знаками. Люди, составившие списки знаков, которыми пользовались в средневековых монастырях, сумели соединить в них исключительное чистосердечие с крайне скудным чувством юмора, и та бешеная жестикуляция, которой монахини сопровождали свой обед, часто вызывала смех, какого не было бы, если бы им было разрешено говорить. Сестра, которая хотела рыбы, должна была «изобразить рукой, как рыба машет своим хвостом», та, которой захотелось молока, должна была «пососать свой левый мизинчик», чтобы получить горчицу, сестра должна была «вставить нос в сжатый правый кулак и потереть его», чтобы попросить соль, надо было «щелкнуть большим и указательным пальцами правой руки над большим пальцем левой», та, которой хотелось вина, должна была «провести указательным пальцем вверх и вниз по кончику большого пальца, поднятого на уровень глаз», а монахиня, которая вспомнила, что не припасла ладана для мессы, и раскаявшаяся в этом грехе, должна была «засунуть себе пальцы в ноздри». В одной из таких таблиц, составленных для монахинь, было не меньше 160 знаков, и в целом совсем неудивительно, что правило, разработанное для тех же монахинь, гласило, что «никогда не следует употреблять их без особой нужды и без уважительной причины, потому что чрезмерное применение их бывает хуже грубого слова и тем сильнее оскорбляет Господа Бога».

Монахини, конечно, были людьми, и уставали порой от служб и постоянного молчания, ибо служение Богу не было легким занятием, да и не предполагалось, что оно будет таким. Не надо думать, что это был способ избежать тяжелой работы или ответственности. В эпоху раннего Средневековья, в золотой век монашества, в монастыри шли только по призванию, и только те мужчины и женщины, которые не представляли себе иной жизни. Кроме

того, напряженно потрудившись руками и мозгами, а также душой, они имели возможность отдохнуть. Устав ордена Святого Бенедикта основан на мудром сочетании разнообразия с однообразием, ибо этот святой хорошо знал человеческую натуру. Поэтому монахи и монахини не считали службы монотонными, полагая, что это лучшая часть дня. Но в эпоху позднего Средневековья, в которую жил Чосер, молодые люди начали поступать в монастыри не по призванию, а избрав служение Богу своей профессией. Да, постриг по-прежнему принимали многие истинно верующие люди, не желавшие иной жизни, кроме духовной, но с ними постригались и другие, которые не были созданы для монашеской жизни и из-за которых она теряла свой престиж, поскольку эта жизнь была для них слишком тяжела и не соответствовала их характеру и склонностям. Эглантина стала монахиней потому, что ее отец не хотел тратить силы и деньги на поиски для нее мужа, а для женщины благородного происхождения, не вышедшей замуж, единственным выходом было уйти в монастырь. Более того, к тому времени монахи и монахини уже обленились и почти ничего не делали своими руками, а еще меньше напрягали свой ум, особенно в женских обителях, где прежний обычай познания угас, и многие монахини с трудом понимали латынь, на которой были написаны службы. В результате монастырская жизнь стала терять тот необходимый элемент разнообразия, который внес в нее святой Бенедикт, и монотонность этой жизни становилась порой невыносимой, а строго продуманная последовательность церковных служб деградировала и превратилась в рутину, которую монахи уже не могли оживить своим вдохновением. Поэтому иногда (однако не следует думать, что так было во всех или даже в большинстве монастырей) службы превращались в тягостную обязанность и служились торопливо, без требуемого сосредоточения, и порой даже со скандальным пренебрежением. Но это было почти неизбежной реакцией на чрезмерное однообразие монастырской жизни.

В эпоху позднего Средневековья пренебрежительное отношение к исполнению часов стало встречаться в монастырской жизни слишком часто, хотя монахи грешили этим гораздо чаще, чем монахини. Иногда службы сокращались. Иногда монахи вели себя чересчур развязно, как в Экзетере в 1330 году, где каноники хихикали во время службы, обмениваясь шутками, ругались между собой и даже капали горячим воском с верхних рядов на бритые головы певчих, стоявших в нижнем ряду! Иногда они опаздывали к заутрене, являясь в храм далеко за полночь. Этот грех был особенно распространен в женских обителях, поскольку монахини любили после вечерни посидеть в кельях, вышивая и сплетничая, вместо того чтобы идти спать, как требовал устав. Из-за этого они с трудом просыпались в час ночи и во время службы клевали носом, а потом испытывали поистине танталовы муки, чтобы подняться к заутрене. Мудрый святой Бенедикт предвидел это и написал в уставе: «Когда они будут вставать к святой службе, пусть мягко подбадривают друг друга, чтобы те, кому хочется спать, не опоздали на нее». В аббатстве Стейнфилд в 1519 году епископ обнаружил, что между последним ударом колокола и началом службы проходило порой целых полчаса и что некоторые монахини не пели, а дремали, частично потому, что им не хватило свечей, но главным образом из-за того, что они поздно легли спать; и кто из нас без греха, пусть первый бросит в нас камень!

Монахи и монахини норовили улизнуть со службы задолго до ее конца под каким-нибудь благовидным или неблагоприятным предлогом: им нужно накрывать обед или прибраться в домике для гостей, им нужно прополоть грядки или они плохо себя чувствуют. Но самой главной бедой было то, что они делали все, чтобы побыстрее отслужить часы и идти по своим делам. Для этого они опускали слоги в начале или конце слов, пропускали дипсалмы или паузы между строфами, при этом получалось, что к тому времени, когда одна сторона хора пела еще только

середину псалма, другая сторона уже заканчивала его; они пропускали предложения, комкали и глотали слова, которые нужно было «напевать в нос», — иными словами, превращали стройное пение в настоящую какофонию.

Проговаривание служб в быстром темпе было столь распространенным явлением, что дьявол вынужден был назначить специального дьяволенка по имени Титтивилл, чтобы тот собирал в большой мешок все выпущенные слоги и приносил их своему господину. Так или иначе, мы знаем о нем немало, поскольку его видели многие святые, у которых обычно взгляд на чертей наметанный. В одном латинском стихотворении рассказывается о содержании его мешка: «Это те, кто гнусно искажал святые псалмы: бездельники, любители поглазеть по сторонам и глотать слова, любители тараторить, тащиться позади, бормотать себе под нос, торопиться и перепрыгивать через фразы, и Титтивилл собирает обрывки слов всех этих людей». Святой цистерцианский аббат однажды сам лично побеседовал с бедным чертенком, и тот рассказал ему о своей тяжелой работе. Аббат поведал эту историю в книге «Зеркало Богородицы», написанной в XV веке для вразумления монахинь Сиона: «Мы читаем о святом аббате ордена Сито, что когда он стоял в хоре во время заутрени, то увидел какое-то страшное существо с большим длинным мешком, который висел у него на шее. Это существо ходило между певчими и ждало, когда упадут все буквы, слоги и слова и пропуски, которые они делали, после чего старательно собирал их и складывал в мешок. Потом он подошел к аббату и стал ждать, что упадет из его рта, чтобы положить это в свой мешок, но аббат, удивленный и напуганный уродливым видом существа, спросил: «Кто ты?» На что тот ответил: «Я — бедный дьяволенок, и зовут меня Титтивилл, и я выполняю порученное мне задание». — «И какое же это задание?» — спросил его аббат. Дьяволенок ответил: «Каждый день я должен приносить своему господину тысячу мешков, полных пропущенных или забытых во время чтения или пе-

ния в вашем ордене стихов, слов или слогов, иначе он меня выпорет». Однако у нас нет никаких причин считать, что он подвергался порке очень часто, хотя мы можем быть уверены, что от мадам Эглантины, старательно напевавшей службу через нос, ему никогда ничего не перепадало. В свободные минуты, когда Титтивилл не собирал те «пустячки», которые монахи выбрасывали из псалмов, он заполнял свой мешок болтовней прихожан, которые вместо того, чтобы слушать службу, сплетничали; он также сидел наверху и ловил высокие ноты тщеславных теноров, которые пели не для того, чтобы восславить Бога, а чтобы покрасоваться своим голосом, и пели псалмы на три ноты выше, чем певчие постарше с их надтреснутыми голосами.

Но однообразие монастырской жизни заставляло монахинь не только неосознанно пополнять мешок Титтивилла. Оно сильно портило характер. Девушек отдавали в монахини не потому, что они были святыми. Порой им, так же как и Батской Ткачихе, которая выходила из себя, когда женщины из другой деревни входили в церковь раньше ее, было трудно сдерживать свой гнев, и порой они доводили друг друга до бешенства. Читатели «Петрапахаря» помнят историю, когда внутрь вошли Семь смертных грехов, и Гнев рассказал, как он служил поваром у игуменьи женского монастыря.

Наслушался я, Гнев, здесь мерзких слов,
Которыми они друг друга поливали,
Лупя одна другую по щекам.
Клянусь Христом, что будь у них ножи,
Они б себя насмерть поубивали.

И все-таки нам не часто приходится читать о случаях, подобных тому, что вытворяла одна аббатиса XV века, которая во время службы таскала своих монахинь за покрывала, крича при этом «Лгунья!» и «Шлюха!», или другая игуменья в XVI веке, которая била монахинь кулаком по голове и сажала их в хлев. Не все аббатисы были «так

вежливы и так опрятны» и обладали благородными манерами. Записи о посещениях аббатств епископами показывают, что из-за раздражительного характера игуменьи и ее мелких придирок мирное течение монастырской жизни часто нарушалось.

Но вернемся к нашей Эглантине. Десять—двенадцать лет она жила простой монахиней, как полагается, пела во время службы, имела спокойный нрав и хорошие манеры, и все ее очень любили. Более того, она была благородного происхождения; Чосер подробно рассказывает нам, как прекрасно она вела себя за столом и какой была учтивой, а это говорит о том, что она была леди по рождению и воспитанию; по его описанию, она словно сошла со страниц одной из феодальных книг, посвященных воспитанию хороших манер у девочек. Даже ее красота — прямой нос, серые глаза и маленький алый рот — соответствовали стандарту придворной дамы. Женские монастыри страдали некоторым снобизмом; в них поступали дочери дворян и богатых горожан и никогда — бедные девочки или девочки из семей простолюдинов. Поэтому, когда старая игуменья умерла, сестры, вероятно, сказали себе: «Она благовоспитанна, имеет спокойный нрав и связи в кругах аристократии, так почему нам не выбрать ее в аббатисы?» Так они и сделали; она была игуменьей уже несколько лет, когда Чосер встретил ее.

Поначалу Эглантина была очень довольна — ей нравилось, когда более старшие по возрасту монахини называли ее «матушкой», кроме того, у нее появилась своя келья, где она принимала всех гостей монастыря. Но вскоре она поняла, что управление монастырем — это не кровать, усыпанная розами, что оно требует больших затрат труда и сил. Ей надо было не только поддерживать в монастыре дисциплину, но и решать денежные вопросы, давать указания управляющим поместьями, следить, чтобы крестьяне вовремя платили оброк и десятину тем церквям, которые подчинялись монастырю, и чтобы итальянские купцы, приезжавшие покупать шерсть, на-

стриженную с ее овец, давали за нее хорошие деньги. Во всех этих делах она, по традиции, должна была советоваться с монахинями, встречаясь с ними в здании капитула, где велись все деловые разговоры. Боюсь, что Эглантина порой думала, что было бы гораздо лучше, если бы она решала все сама и ставила на документах печать монастыря, ничего не говоря об этом сестрам. Никогда не надо верить руководителю какого-нибудь общества или директору школы, которые утверждают с самодовольным видом, что гораздо удобнее делать все дела самим, чем доверять их соответствующим подчиненным; это означает, что этот человек обладает диктаторскими замашками либо не умеет организовать работу. Мадам Эглантина была, скорее всего, человеком деспотичного характера, который, правда, умерялся ее доброжелательным нравом, и, кроме того, не любила лишние хлопоты. Поэтому она не всегда советовалась с монахинями, и я боюсь (изучив многие случаи из ее прошлого, о котором Чосер забыл упомянуть), что она часто «забывала» дать отчет сестрам о доходах и расходах аббатства, что должна была делать по уставу.

Монахиням, конечно, это не понравилось, и, как только епископ явился к ним после ее избрания, они не преминули пожаловаться ему. Они также заявили, что дела она вести не умела и наделала долгов, а когда у нее не хватало денег, то она продавала лес, принадлежавший монастырю, и обещала выплачивать ежегодную пенсию людям, выдававшим ей единовременно определенные суммы, и сдавала в аренду фермы на длительное время за низкую плату, и делала другие вещи, которые в будущем могли привести к разорению обители. Кроме того, крышу храма заделали так плохо, что в прорехи попадает дождевая вода и капает-де им на головы во время службы, и они просят господина епископа взглянуть на дырки в их рясах, и пусть он велит мадам аббатисе выдать им новые. Рассказывают, что одна нечестная игуменья додумалась до того, чтобы закладывать драгоценности и столовое се-

ребро монастыря, когда ей нужны были деньги для личных нужд. Но Эглантина не была ни подлой, ни нечестной, просто она оказалась никудышной хозяйкой, ибо была не в ладах с математикой. Я уверена, что с математикой у нее и впрямь были проблемы — стоит только прочесть описание этой аббатисы у Чосера, чтобы убедиться в этом. Кроме того, сестры слишком преувеличили свои беды — их рясы были не дырявыми, а только слегка потертыми. Мадам Эглантина была слишком требовательной и не потерпела бы вокруг себя лохмотьев, а что касается крыши храма, то она хотела сэкономить деньги, чтобы перекрыть ее черепицей, но средневековые монастыри действительно едва сводили концы с концами, особенно если (повторяю) вы были не в ладах с математикой. Возможно, епископ, узнав обо всем этом, запретил ей принимать решения, не посоветовавшись с сестрами, а печать аббатства запер в шкатулке с тремя различными замками, ключи от которых были у самой мадам Эглантины и еще двух старших монахинь, по одному у каждой. Так что теперь она не могла одна открыть эту шкатулку и поставить печать на каком-нибудь деловом договоре, не посоветовавшись с сестрами. И он велел ей вести книгу расходов и доходов и ежегодно показывать ее ему (в хранилище документов до сих пор лежат ее расходно-приходные книги). И наконец, он назначил священника соседнего прихода ее помощником в деловых делах, так что она всегда могла обратиться к нему. После этого дела пошли на лад.

Эглантину, скорее всего, никогда не интересовали хозяйственные вопросы, она предпочитала заниматься внутренними делами монастыря и развлекать посетителей и лишь изредка объезжала поместья, чтобы проверить, как обстоят дела. Когда она стала игуменьей, то поняла, что может вести теперь более свободный и веселый образ жизни, поскольку у аббатисы были свои собственные комнаты и ей не надо было спать вместе со всеми в общей спальне и принимать пищу в трапезной; некоторые

игуменьи заводили себе даже небольшие отдельные домики с собственной кухней.

Аббатиса одного из крупных монастырей в Винчестере в XVI веке имела свою собственную прислугу, кухарку и помощницу кухарки, а также горничную и даму-камеристку, которые ей прислуживали, как какой-нибудь светской леди. Эта аббатиса никогда не обедала вместе с монахинями, за исключением праздничных дней. Однако все игуменьи обычно держали при себе одну сестру, которая служила компаньонкой и помогала в хоре, а также свидетельствовала о добропорядочном поведении аббатисы; эту сестру называли капелланшей, которую, по уставу, ежегодно меняли, чтобы матушка не заводила себе фавориток. Мы помним, что, когда мадам Эглантина отправилась в паломническую поездку, она взяла с собой свою капелланшу, а также трех священников, ибо монахиням не полагалось путешествовать в одиночестве. Одной из обязанностей мадам Эглантины было развлекать посетителей, и она делала это со своей неизменной учтивостью, а уж в посетителях у нее, в этом можно не сомневаться, недостатка не было. Ее сестры, которые удачно вышли замуж, имели свои собственные поместья и стали важными дамами, ее престарелый отец и вся аристократия графства приезжали по праздникам поздравить ее; да и после этого они частенько заглядывали к ней на обед с цыпленком, вином и хлебом из пшеничной муки тонкого помола, проезжая мимо монастыря, а то и проводили здесь ночь. Одна-две дамы, чьи мужья уходили на войну или отправлялись в паломничество в Рим, поселялись в монастыре в качестве квартиранток, платили за свое проживание и жили здесь по целому году, ибо ничто так не радовало душу сельских помещиков или богатых горожан, как использование монастырей в качестве пансионата для своих родственниц.

Однако это нарушало мир и покой сестер, особенно когда в монастыре поселялись дамы, носившие яркие платья, имевшие собачек и принимавшие гостей, по-

скольку они подавали дурной пример монахиням. Сохранился документ, в котором епископ, посетивший один из монастырей, приказывает: «Пусть жена Фелмершэма, со всеми своими слугами и приживалками, в течение года покинет монастырь, поскольку они доставляют сестрам много беспокойства и являют собой дурной пример, причиной тому служат их одежды и люди, приезжающие к ним в гости». Легко представить себе, почему епископ возражал против того, чтобы суетные замужние дамы селились в аббатствах. Стоит только заменить «жену Фелмершэма» на «Батскую Ткачиху», как все станет ясно. Впрочем, эта женщина была не из тех, кому игуменья могла отказать в гостеприимстве, один список мест, которые она посетила как паломница, открывал ей доступ в любой монастырь. Улыбаясь во весь свой щербатый рот, «на иноходце лихо восседая», она въезжала в ворота, и, пока она не покидала стен аббатства, в нем целый месяц все было перевернуто вверх дном. Я уверена, что именно она научила мадам Эглантину плоить покрывало по последней моде, и, несомненно, именно она ввела в обиход большие шляпы, «формой что корзинка», и алые чулки, столь популярные в некоторых монастырях. Епископам, конечно, все это очень не нравилось, но, несмотря на все усилия, они не могли изгнать «квартиранток» из монастырей, поскольку монахиням нужны были деньги, которые те платили им за проживание и питание.

Легко понять, что эти постоянные вторжения гостей из внешнего мира помогали распространению мирских обычаев в обители мадам Эглантины. Ведь сестры, в конце концов, тоже были женщинами и имели безобидные пристрастия, присущие женщинам. Но Власти (с большой буквы) не считали эти пристрастия безобидными. По мнению Властей, дьявол искушает монахинь тремя напастями: плясками, нарядами и собачками. Средневековая Англия славилась своими танцами, пантомимами и песнями менестрелей; ее называли Веселой Англией, по-

скольку, несмотря на то что эпидемии чумы, голод и жестокое отношение людей друг к другу делали жизнь тяжелой и суровой, англичане любили веселье. Но у церкви не могло быть двух мнений по поводу плясок; один моралист выразил ее отношение к ним очень точным афоризмом: «Изобретателем, покровителем и распорядителем плясок является сам дьявол». Но, если мы посмотрим на отчеты, которые мадам Эглантина в конце года представляла на суд своих сестер (или не представляла), мы найдем сведения об оплате пирушек в новогоднюю и двенадцатую ночи, майских игр, хлеба и эля в праздничные ночи с кострами, менестрелей и актеров на Рождество, подарков старине епископу во время его посещений, и, возможно, скудного вспомоществования для самой маленькой школьницы, которой разрешалось надеть костюм аббатисы и вести себя как она в течение всего Дня избияния младенцев. А когда мы заглядываем в журналы епископа, то видим, что мадам Эглантине запрещалось «слушать менестрелей, разыгрывать интерлюдии, плясать или пировать в вашем святом месте», и ей еще везло, если епископ делал исключение для Рождества и «другого честного времени для отдыха в своей среде при отсутствии мирских персон». Мне почему-то кажется, что она развлекала своих гостей танцами.

Помимо этого, посетители демонстрировали монахиням модные платья. Я не сомневаюсь, что они не оставляли мадам Эглантину равнодушной; грустно, что она стала считать монашеское одеяние очень темным и уродливым, а монастырскую жизнь — слишком строгой и решила, что если она внесет в нее небольшие изменения, то это никому не повредит, а епископ, глядишь, и вовсе не заметит. Поэтому, когда Чосер увидел ее:

Был ладно скроен плащ ее короткий,
А на руке коралловые четки
Расцветивал зеленый малахит.
На фермуаре золотой был щит
С короной над большою буквой «А».

Но, к сожалению, епископ все это заметил, и журналы полны описаний одежды мадам Эглантины и весьма легкомысленных нарядов, которые она носила у себя дома. Более шести веков епископы вели священную войну против модных одежд в монастырях и ничего не добились, ибо, пока сестры свободно общались с мирянками, ничто не могло помешать им перенимать светские моды. Иногда несчастным епископам, полным мужского изумления, приходилось, путаясь в названиях, составлять целые списки модных штучек, которые монахиням носить *запрещалось*. Синоды запрещали, а епископы и архиепископы недовольно качали своими седыми головами, увидев золотые закладки и серебряные пояса, кольца с драгоценными камнями, туфли со шнурками, туники с кушаками, большие вырезы и длинные шлейфы, яркие расцветки, дорогие ткани и роскошные меха. Монахини должны были носить покрывала, надвинув их на лоб до самых бровей, чтобы его совсем не было видно, но, как на грех, высокий лоб был в большой моде, и многие дамы даже подбрасывали волосы, чтобы он казался еще выше. И монахини не смогли устоять перед искушением открывать свой лоб, иначе как бы Чосер узнал, что у мадам Эглантины такой «высокий чистый лоб»? Если бы она носила покрывало, как полагается, то ее лоб никому не был бы виден, и отец английской поэзии, наверное, лукаво подмигнул, запоминая эту деталь, а современники, читая его книгу, быстро обо всем догадались. А тут еще и фермуар да ладно скроенный плащ... Вот что те же самые болтливые сестры сообщили епископу Линкольнскому о своей игуменье через пятьдесят лет после того, как Чосер написал свои «Кентерберийские рассказы». «Матушка, — говорили они, напустив на себя выражение святости, — носит дорожные золотые кольца с различными драгоценными камнями, посеребренные и позолоченные пояса и шелковые покрывала, которые накидывает так, чтобы лоб оставался открытым, и этот лоб, совершенно ничем не закрытый, виден всем, и еще она носит горностаевый мех. Она шьет себе рясы из реннского сукна,

которое стоит шестнадцать пенсов за локоть, еще она носит верхние юбки, расшитые шелком, а булавки у нее из серебра и золоченого серебра, и она всех монахинь заставляет носить подобные вещи. Поверх своего покрывала она любит надевать шапку, отороченную овчиной. На шее у нее длинная шелковая лента, по-английски шнурок, который свешивается у нее почти до пояса, а на этом шнурке висит золотое кольцо с алмазом». Не правда ли, вылитая мадам Эглантина Чосера? Ничто не ускользнуло от глаз нашего доброго господина Чосера, несмотря на то что он всегда ездил глядя в землю.

Более того, аббатиса и монахини перенимали не только наряды, но и модные обычаи своего времени. Светские женщины любили забавляться с домашними животными, и монахини быстро позаимствовали у них эту привычку. Поэтому мадам Эглантина

Кормила мясом, молоком и хлебом
Своих любимых маленьких собачек.
И все нет-нет — игуменья заплачет:
Тот песик окошел, того прибили —
Не все собак игуменьи любили.

Отчеты о посещениях епископа полны рассказов об этих собачках и других животных, а многие ли знают, что эти собачки, подобно открытому лбу и золотому щиту фермуара, были строжайше запрещены монастырским уставом? Епископы считали, что домашние животные нарушают дисциплину, и век за веком пытались изгнать их из монастырей, но не преуспели в этом. Сестры дожидались отъезда епископа и тут же свистели своим собачкам. Собачки были самыми любимыми животными в обителях, но в иных держали обезьянок, белок, кроликов, птиц и (очень редко) кошек. Один архиепископ запретил аббатисе монастыря, который он посетил, держать *обезьянку и нескольких собак* в ее собственной комнате, обвинив ее одновременно в том, что сестры ее обители плохо питаются — можно легко догадаться, куда уходило жареное

мясо, молоко и хлеб! В Средние века в порядке вещей было являться в церковь с животными: дамы слушали службу, держа на руках собачку, а мужчины — посадив на запястье сокола, точно так же, как шотландский горец в наши дни приводит с собой в церковь колли. Так было и в обителях. Иногда животных водили с собой в храм дамы, гостившие в монастыре; сохранилась жалоба сестер одной из обителей о том, «что леди Одли, живущая здесь, имеет множество собак, поэтому, когда она приходит в храм, за ней являются все ее двенадцать псов, которые устраивают в нем страшный шум, мешая монахиням петь псалмы и приводя их этим в неопишуемый ужас!». Но часто этим грешили и сами сестры. В нескольких отчетах о посещении епископа мы находим распоряжения о запрещении приносить собачек в церковь. Самое смешное распоряжение было послано в аббатство в Ромси Вильямом Уайкхемом в 1387 году, примерно в тот же год, когда Чосер писал свои «Кентерберийские рассказы». «Мы убедились на собственном опыте, — указывается в нем, — что некоторые сестры вашей обители приносят с собой в храм птиц, кроликов, собак и тому подобные легкомысленные вещицы, которым они уделяют больше внимания, чем службе, сами отвлекаются во время пения псалмов и отвлекают других, нанося ущерб своим душам, — поэтому мы отныне строго запрещаем всем вам, и вы обязаны оказывать нам повиновение, приносить в церковь птиц, гончих, кроликов и другие легкомысленные вещицы, которые нарушают дисциплину... поскольку на охотничьих собак и гончих, живущих в стенах вашего монастыря, тратятся все деньги, которые вы должны раздавать нищим, а храм и весь монастырь... совершенно загажены... и поскольку собачий лай часто нарушает течение божественной службы, мы строго приказываем и требуем от вас, леди аббатиса, чтобы вы убрали всех гончих и никогда впредь не допускали, чтобы они или какие другие собаки жили в пределах вашей обители». Но ни один епископ не мог заставить мадам Эглантину расстаться со своими со-

бачками, которых она брала с собой даже в паломничество, хотя они, должно быть, доставляли много хлопот слугам в гостиницах, особенно потому, что она уделяла так много внимания их кормежке.

В характере и привычках игуменьи, описанной Чосером, было много светского, хотя на современный взгляд ее нарядные одежды и собачки были довольно безобидными, поэтому наши симпатии на ее стороне, а не на стороне епископов. Со временем она, возможно, стала еще более светской, поскольку у нее было столько возможностей общаться с мирянами. Ей не только приходилось развлекать посетителей монастыря, но и часто объезжать его владения, что предоставляло много возможностей пировать с соседями. Иногда ей приходилось ездить в Лондон, чтобы уладить какие-то юридические вопросы, и она отправлялась туда с одной-двумя сестрами, священником и людьми, которые прислуживали им в пути. Порой мадам Эглантина посещала епископа, чтобы испросить у него разрешения взять на обучение нескольких девочек. Бывали случаи, когда она ездила на похороны какого-нибудь знатного вельможи, с которым был знаком ее отец и который оставлял ей по завещанию двадцать шиллингов и серебряную чашу. Она присутствовала на свадьбах своих сестер или крестила их детей, хотя епископы не одобряли этого, как не одобряли они танцы и развлечения, сопровождавшие свадебные торжества и крестины. Монахини время от времени жаловались епископу на ее многочисленные поездки, утверждая, что они сомневаются, чтобы она всегда ездила по делам монастыря, в чем хотела их убедить, и они просят епископа разобраться с этим. В записях одной обители мы находим жалобу сестер на то, что у их монастыря 20 фунтов долга, который возник «в основном из-за больших расходов игуменьи на ее частые заграничные вояжи, якобы по делам обители, хотя это и не соответствует истине. Она ездит с огромной свитой помощников и пропадает за границей слишком долго, устраивая там

и дома роскошные празднества, и очень придирчиво выбирает наряды — одна только меховая опушка ее мантии стоит 100 шиллингов!»!

В самом деле, церковь сильнее всего осуждала именно эту привычку, которой были привержены не только монахини, но и монахи, покидать свою обитель и разъезжать по стране; моралисты утверждали, что все зло, которое разъедало монастырскую жизнь, происходит от общения иноков с внешним миром. Существовала даже поговорка — монах вне своего монастыря все равно что рыба, вытщенная из воды. Вспомним, что Чосеров монах считал, что Священное Писание не стоит устрицы. Однако многие монахи прекрасно чувствовали себя «без воды», да и монахини тоже использовали любой предлог, чтобы вырваться в мирскую жизнь. В течение всего Средневековья собор за собором, епископ за епископом, реформатор за реформатором тшетно пытались запереть их в монастырских стенах. Эта борьба началась в 1300 году, когда папа издал буллу, согласно которой монахиням запрещалось покидать стены своей обители, за исключением только самых чрезвычайных ситуаций, и ни один мирянин не должен был допускаться туда и посещать их без особого разрешения и уважительной причины.

Может быть, современному читателю станет жалко бедных монахинь, но жалеть их нечего, поскольку никому никогда не удавалось заставить их подчиниться этому указу, хотя епископы пытались сделать это в течение двух столетий, до тех пор пока король Генрих VIII не распустил женские обители и не обрек всех монахинь на мирскую жизнь, хотели они этого или нет. В одном монастыре в Линкольнской епархии епископ выставил на всеобщее обозрение папскую буллу и приказал всем сестрам подчиниться запрету папы, но, когда он уезжал, они догнали его у ворот и швырнули этот указ ему прямо в лицо, крича, что никогда не будут выполнять его. Наиболее практичные епископы вскоре прекратили попытки добиться выполнения этого запрета и издали указы о

том, что монахини не должны уезжать из обители слишком часто, без сопровождения, без разрешения или без уважительной причины. Но и тут они не слишком преуспели, ибо сестры были неистощимы в выдумках причин, по которым им надо во что бы то ни стало отлучиться. Одни заявляли, что их родители больны и они должны навестить их, чтобы взбить им подушки. Другие говорили, что им надо съездить на рынок за селедкой. Третьи утверждали, что едут на исповедь в мужской монастырь. Иногда даже трудно представить себе, какие причины они изобретали. Что мы должны подумать о той ветреной монахине, «которая провела ночь с воскресенья на понедельник с остинскими братьями в Портхэмптоне, и танцевала с ними, и играла на лютне до самой полуночи, а следующую ночь она провела с проповедниками братьев в Портхэмптоне, играя на лютне и танцуя, как и в предыдущую»? Чосер рассказывает нам о монахе, который любил играть на арфе, а когда он пел, то его глаза сверкали, словно звезды, но забывает сообщить, что он, вероятно, заставил мадам Эглантину пуститься в пляс.

Действительно, очень трудно представить себе, какие «законные» причины могли придумать монахини для своих странствий по улицам городов и по полям, для посещения домов мирян, и с грустью приходится признать, что мадам Эглантина либо помогала им в этом, либо закрывала на их отлучки глаза. Ибо она, скорее всего, была не слишком высокого мнения о епископах. Ведь если бы она не обвела вокруг пальца своего епископа, Чосер никогда бы не встретился с нею, поскольку больше всего на свете епископы не одобряли паломнических поездок. Мадам Эглантина вовсе не была такой наивной простушкой, какой хотела казаться. Сколько литературных критиков, потешавшихся над ней, знали, что она вообще не должна была попасть в Пролог? Церковь высказывалась по поводу паломничества монахинь весьма определенно — этого нельзя было допускать. Еще в 791 году запретили паломнические поездки сестер, а в 1195 году был издан такой

указ: «Чтобы лишить монахинь возможности странствовать, мы запрещаем им отправляться в паломничества». В 1318 году архиепископ Йоркский строжайше запретил сестрам одного монастыря покидать свою обитель «по причине данного им обета совершить паломничество. Если же кто-нибудь из них даст такой обет, пусть она пропоет столько псалмов, сколько дней ей потребовалось на это паломничество, о котором она дала столь поспешный обет». Могу себе представить, как бедная мадам Эглантина поет бесконечные псалмы, вместо того чтобы весело трястись по дороге в разношерстной компании попугачиков и рассказывать им историю о детстве святого Гуго. Подобных запрещений много можно встретить на страницах средневековых документов, и нет необходимости заходить дальше, чем это сделал Чосер, чтобы понять, почему епископы были такими яростными противниками паломнических поездок для монахинь, — стоит только вспомнить, с какими людьми пришлось путешествовать нашей игуменье и какие истории выслушивать. Если бы только она ехала все время в окружении своих священников и монахини-помощницы или, по крайней мере, в компании с Рыцарем и бедным городским священником! Но ведь там были еще и Мельник, и Судейский Чиновник, и, что хуже всего, жизнерадостная и обаятельная грешница — Батская Ткачиха. Страшно подумать, какие подробности она могла рассказать игуменье о своих пяти мужьях!

Таким образом, Чосер описал настоящую, а не выдуманную игуменью, ибо это был один из самых наблюдательных поэтов во всей английской литературе. Мы прочитали сотни отчетов о приездах епископов в обители и об их предписаниях, и со всех страниц нам сияли серые глаза этой аббатисы, а в конце мы всегда обращались к Чосеру за ее описанием, чтобы дополнить то, что сообщили нам исторические источники. Епископ видел ее именно такой — аристократической женщиной с добрым сердцем, суетной, старающейся продемонстрировать свои

придворные манеры, любящей красивую одежду и маленьких собачек; важной дамой, едущей в сопровождении монахини и трех священников, к которой сладкоречивый Трактирщик обращается с глубоким уважением, не употребляя таких выражений, как «клянусь пречистым телом», «монашья козни», «злоехидный язык», а говоря «подойдите поближе, миледи приоресса» и добавляя:

Хоть просьбы наши не имеют веса,
Быть может, вы, миледи приоресса,
Мою мольбу изволите принять
И что-нибудь возьметесь рассказать?

Ни с кем больше, за исключением, пожалуй, Рыцаря, он так не разговаривает. Была ли она по-настоящему религиозной? Наверное, была, но, кроме того что она напеваает службу в нос и изящно адресует свой рассказ Богородице, начиная его, Чосер ничего больше не может нам сказать по этому поводу, — добавляя лишь:

И возбуждать стремилась уваженье
Оказывая грешным снисхожденье,

а затем, когда мы ждем рассказа о том, как она раздает милостыню беднякам, Чосер заявляет, что она «боялась даже мышке сделать больно» и плакала над побитой собачкой. Хорошая правительница своей обители? И снова — вряд ли. Впрочем, когда Чосер встретился с ней, ее монастырь управлялся без нее где-то «в другом конце графства». Мир в XIV веке был полон рыбы, вытасненной из воды, и, клянусь святым Элуа (если использовать самую страшную клятву игуменьи), мадам Эглантина, как и Чосеров монах, не сомневалась, что этот знаменитый текст не стоит и устрицы. Здесь мы ее и покинем — на дороге в Кентербери.

Глава 5

ЖЕНА ДОМОВЛАДЕЛЬЦА

Парижская домашняя хозяйка в XIV веке

Сфера интересов женщины — ее дом.

Хомо Сапиенс

Мужчины в Средние века, да и во все эпохи, включая нашу собственную, очень любили писать книги по домоводству, поучающие женщин, как они должны вести себя во всех случаях жизни и в особенности по отношению к своему мужу. Многие из таких книг дошли до наших дней, и среди них есть одна, вызывающая особый интерес, поскольку ее автор демонстрирует завидный здравый смысл и создает живую картину идеального буржуазного дома. Большинство книг по домоводству написано, так сказать, для женщины вообще, но эту создал конкретный муж для конкретной жены, и она основана на жизненном опыте и полна деталей, демонстрирующих индивидуальность автора, которой другие произведения обычно лишены. Если поискать в истории другую подобную книгу, то мы найдем ее не среди средневековых трактатов, но в тех абзацах Ксенофонта «Экономиста», в которых Исомах описывает Сократу, как надо воспитывать идеальную греческую жену.

Домовладелец из Парижа (а возможно, управляющий или просто глава семейства) написал интересующую нас книгу для своей жены между 1392 и 1394 годами. Это был богатый человек, не без образования и с большим опытом

ведения дел, очевидно представитель высшего слоя — солидной и просвещенной *буржуазии*, на которую все больше и больше начинали опираться французские короли. Он создал свой труд, очевидно, уже будучи в преклонных годах — ему наверняка перевалило за шестьдесят, но он недавно взял в жены молодую девушку, более высокого происхождения, чем он сам, сироту из другой провинции. Он несколько раз упомянул про ее «слишком юный возраст» и приставил к ней нечто вроде дуэньи-домоправительницы, которая должна была помогать ей и обучать умению вести дом, и вправду, как и жене Исомаха, ей было всего лишь пятнадцать, когда она вышла замуж за нашего домовладельца. Современного человека шокирует такая разница в возрасте супругов, но в Средние века, когда браки совершались по расчету, она встречалась довольно часто. «Редко, — пишет домовладелец — вы встретите старого человека, который не взял бы себе в супруги молодой женщины». Однако его отношение к молодой жене говорит нам, что в браке января с маем могут быть и свои прелести. Время от времени в его книге проскальзывают нотки нежности, более похожие на отцовские, чем на супружеские, и понимание чувств ребенка, которого рано выдали замуж; такого понимания молодой муж часто не выказывает. Сквозь все разумные советы проглядывает мягкая грусть осеннего вечера, когда красота и увядание идут рука об руку. В задачу жены входило скрасить последние годы его жизни, а в его задачу — облегчить ей этот труд. Он постоянно повторяет, что не просит от нее преклонения или беззаветного служения, ибо он этого не заслужил; он просит только, чтобы она заботилась о нем не хуже, чем жены его соседей и родственников заботятся о своих мужьях, «ибо я могу надеяться только на самые простые услуги, если не на меньшее».

В прологе, адресованном жене, он приводит чарующее описание сцены, которая заставила его написать эту книгу: «Ты, будучи девочкой пятнадцати лет, в первую неделю нашего супружества просила меня, чтобы я был

снисходителен к твоей юности и твоим робким и неумелым услугам, пока ты не увидишь и не узнаешь побольше, после чего ты обещала заботиться обо мне со всем усердием и старанием... как я помню, ты робко просила меня во имя Божьей любви не делать тебе грубых замечаний при незнакомцах и слугах, а говорить тебе о твоих ошибках каждую ночь и каждый день в нашей спальне и указывать тебе на неподобающие и глупые вещи, которые ты совершала в течение прошедшего или прошедших дней, и подвергать тебя наказанию, если на то будет моя воля, и благодаря моим наставлениям и поучениям ты сможешь исправиться и делать все, что в твоей власти, согласно моей воле. И я хорошо обдумал твои слова, и благодарю тебя за них, и с тех пор часто их вспоминал. Знай же, дорогая сестра*, что все, что ты делала с тех пор, как мы поженились, и до сегодняшнего дня, и все, что ты будешь делать потом, было сделано хорошо и с добрыми намерениями и всегда радовало, радует и будет радовать меня. Ибо твоя юность извиняет отсутствие у тебя мудрости и будет извинять все, что ты будешь делать с добрыми намерениями порадовать меня. И знай, что меня не сердит, а скорее радует то, что ты выращиваешь розы и фиалки и что ты плетешь венки, танцуешь и поешь, и я хотел бы, чтобы ты продолжала делать это в обществе наших друзей и арендаторов земель нашего поместья, ведь в твои годы совершенно естественно и пристойно проводить так время, если, конечно, ты не пожелаешь и не предложишь мне участвовать в пирах и танцах слишком знатных господ, ибо это совсем не подобает тебе и не по силам ни твоему, ни моему поместью!»

Он не забыл ее просьбу поучать и исправлять ее ошибки наедине и решил поэтому написать небольшую книгу (правда, когда он закончил ее писать, это была уже совсем большая книга), чтобы показать ей, как надо себя вести;

* Он обращается к жене как к «сестре», демонстрируя свою любовь и уважение.

ибо он жалеет это дитя, оставшееся в раннем детстве без отца и без матери и живущее теперь далеко от своих родственников, которые могли бы помочь советом, имея «только меня, — пишет он, — ради которого тебя забрали у твоих родственников и увезли оттуда, где ты родилась». Он много думал над этим вопросом и теперь пишет «простое общее вступление к настоящему искусству быть хорошей женой, хозяйкой и совершенной госпожой». Он приводит еще одну удивительную причину написания этой книги. Помимо желая помочь юной супруге и самому наслаждаться уютом, он сообщает о своих опасениях и время от времени приводит самую необычную причину, по которой муж когда-либо наставлял свою жену. Он стар, пишет он, и умрет раньше ее, поэтому совершенно необходимо, чтобы она не уронила его доброе имя в глазах своего второго мужа. Какой это будет для нее позор, если она отправится к мессе в сопровождении его преемника с измятым воротником на платье или не будет знать, как избавиться от блох в одеялах или как заказать ужин на двенадцать персон во время Великого поста! Домовладелец говорит о втором замужестве своей молодой жены совершенно хладнокровно, и это свидетельствует о его рассудительности и здравом смысле. Один из разделов его книги озаглавлен: «Что надо делать, чтобы быть любимой своим мужем (мною или другим) на примерах Сары, Ребекки и Рахили». Как он отличается от тех мужей (которые являются собаками на сене по натуре или тревожатся о будущем своих детей, если им попадетсся суровый отчим), в чьих завещаниях видны попытки обречь своих жен на безбрачие после их смерти. Таким мужем был граф Пемброк, умерший в 1469 году, который предупреждает свою жену: «А ты, жена, помни, что ты обещала мне прожить остаток жизни вдовой, поскольку никто лучше тебя не выполнит моей воли».

Книга домовладельца состоит из «Трех разделов, включающих в себя девятнадцать основных глав». В первом разделе речь идет о религиозных и моральных обязанностях жены. По словам домовладельца, «первый раздел поможет

тебе добиться любви Бога и спасения своей души, а также завоевать любовь своего мужа и дать тебе в этой жизни мир, который так необходим в браке. А поскольку две эти вещи, спасение души и обеспечение спокойной жизни для мужа, являются самыми необходимыми, то они и поставлены здесь первыми». Затем следуют главы, сообщающие госпоже, как надо молиться по утрам, сразу же после того, как встанешь с постели, как вести себя во время мессы и в какой форме исповедоваться у духовника. Здесь же помещена длинная и слегка пугающая глава о семи смертных грехах, которые, несомненно, ей и в голову не придет совершить, и еще одна, посвященная соответствующим добродетелям¹. Но основная часть раздела посвящена самой важной теме — обязанностям жены перед мужем. Она должна быть любящей, скромной, послушной, заботливой и всегда думающей о благе своего мужа, хранящей его секреты и терпеливой, если он, по глупости своей, позволит сердцу увлечься другими женщинами. В качестве примеров приводятся рассказы (называемые в Средние века *образцами для подражания*), взятые из Библии, — это был источник историй, из которого в равной мере черпали жонглер и проповедник, — и из собственного опыта домовладельца (эти — самые интересные). Среди длинных примеров он приводит любимую в Средние века, но невыразимо скучную морализаторскую историю о Мелибо и Пруденс, написанную Альбертано из Брешии, переведенную на французский Рено де Луэнсом (именно его версию и излагает домовладелец), которая в переработанном виде была включена Жаном де Менгом в его «Роман о Розе». Из этого романа Чосер, в свою очередь, взял ее для того, чтобы рассказать пилигримам, отправляющимся в Кентербери. Здесь мы найдем также знаменитую историю Петрарки о терпеливой Гризельде, которую Чосер тоже использовал, даровав ей славу, и длинную поэму, написанную в 1342 году Жаном Бруйаном, нотариусом из Парижского замка, которая озаглавлена «Путь нищеты и богатства» и восхваляет трудолюбие и благоразумие.

Второй раздел книги посвящен ведению домашнего хозяйства и гораздо интереснее, чем первый. Обширные знания домовладельца просто поражают. Раздел включает в себя подробный трактат о садоводстве и другие, в которых рассказывается о том, как нужно нанимать слуг и как руководить ими. Современной проблемы слуг, покидающих своих хозяев, для него, по-видимому, не существовало. В этом разделе приводятся советы о том, как чинить, проветривать и чистить одежду и меха, выводить пятна, ловить блох и избавляться от мух в спальне, хранить вино и следить за управлением фермой.

В одном месте он прерывается, обращаясь к жене: «Здесь я оставляю тебя, чтобы ты отдохнула или поиграла и не буду больше тебе ничего говорить, а пока ты будешь развлекаться, я поговорю с мастером Джоном, управляющим, который смотрит за нашими владениями. Ведь, если что-нибудь случилось с нашими лошадьми, теми, на которых пашут землю, и теми, на которых ездят верхом, и если надо купить нового коня или обменять старого, он может не знать, что нужно делать в таких случаях». Далее следует несколько страниц, описывающих достоинства разных пород лошадей и содержащих мудрые советы о том, как выбрать коня и определить его возраст и его дефекты под пристальным взглядом торговца лошадьми. Видно, что это руководство написано человеком, который хорошо знает и любит лошадей и обладает познаниями о том, как надо лечить различные конские заболевания. Среди рецептов, которые приводит в этой связи домовладелец, есть и два заговора. Например, «если лошадь болеет сапом, то надо сказать три слова и три раза прочитать «Отче наш»: абгла, абгли, альфард, ази, отче наш и так далее».

Кроме того, в этом разделе приведена огромная коллекция рецептов, изложенная в обычной форме всех кулинарных книг, начиная с тех дней и кончая нашими. Открывает ее меню обедов и ужинов, горячих и холодных, на случай поста и праздника, летних и зимних, с советами о том, как

надо выбирать мясо, птицу и пряности, а заканчивают ее длинные списки рецептов самых различных супов, рагу, соусов и других блюд, причем приводятся даже рецепты блюд, которыми надо кормить инвалидов!

В третий раздел своей книги домовладелец намеревался включить три части: в первую очередь описание различных настольных игр для развлечения внутри дома; во вторую — трактат о соколиной охоте, любимом развлечении дам; и в третью — список веселых загадок и арифметических игр («касающихся подсчетов и нумерации, в которых надо либо вычислять, либо догадываться»), предположительно того же рода, что и наша старая добрая загадка: «Если полторы селедки стоят три полпенни...». К сожалению, домовладельцу, по-видимому, не удалось завершить свою книгу, и из этого раздела до нас дошел только трактат о соколиной охоте. И это весьма печально, так как об этой охоте мы знаем довольно хорошо, поскольку до нас дошло несколько таких трактатов, а о том, каким интересным было бы описание настольных игр и загадок, мы можем догадаться из отрывка истории о Лукреции, приведенной в изложении домовладельца там, где он описывает римских дам. «Некоторые из них сплетничали, другие играли в *брик*, третьи в *ки фери*, четвертые в *пенс мерит*, а остальные в карты или веселые игры со своими соседями; иные, отужинав, вместе пели песни и рассказывали сказки, различные истории или держали пари; иные со своими соседями играли на улице в жмурки, в брик или в другие похожие на них игры». В те дни, когда печатный станок еще не сделал книги доступными для всех, средневековые дамы любили рассказывать и слушать всякие истории, загадывать загадки и играть в игры, которые мы давно уже сплывили в детскую. Хорошая хозяйка должна была обладать большим репертуаром подобных развлечений. Нет сомнения, что домовладелец хотел, чтобы его жена с блеском выполняла не только обязанности, налагавшиеся на нее социальной жизнью, но и умела хорошо развлекать гостей.

Таков был монументальный труд, преподнесенный парижским домовладельцем своей трепетавшей перед ним жене, которая тем не менее восхищалась им. Жаль, что историки обошли его своим вниманием — он заслуживает того, чтобы о нем знали, ибо домовладелец дает нам непревзойденное описание идеальной средневековой жены. Нет ни одного аспекта ее повседневной жизни, который бы этот труд не затрагивал, и мы можем теперь получше присмотреться к ней и увидеть идеальную даму, чье поведение и манеры делают честь ее роду; идеальную жену, чья покорность мужу равна ее умению управлять домом и создавать необходимый ему уют; идеальную хозяйку, которую любят слуги и домашнее хозяйство которой функционирует как часы.

Свои взгляды на умение женщины держать себя домовладелец высказывает в том разделе, где он говорит о духовных обязанностях жены, под заголовком о том, как вставать с постели утром и идти в церковь. Он очень четко высказывает свои идеи о том, как надлежит одеваться порядочной женщине — милый беспорядок в одежде ни в коей мере не отвечает его вкусам: «Знай, дорогая сестра, что, если ты хочешь последовать моему совету, ты должна очень тщательно следить за тем, что ты и я можем позволить себе, принимая во внимание наши средства. Следи за тем, чтобы твоя одежда всегда была аккуратной, безо всяких новомодных штучек, причем складок не должно быть ни слишком много, ни слишком мало. А перед тем, как выйти из своей комнаты или дома, убедись сперва, что воротники твоей сорочки, а также твоего платья, *кота* или *сюркота* не висят друг поверх друга, как иногда случается у некоторых пьяных, глупых или безмозглых женщин, которые не заботятся ни о своей чести, ни о чести своего дома или своего мужа и которые ходят с блуждающим взглядом и нахально вздернутыми, как у львов, головами. Волосы у них выбиваются из-под покрывала, а воротники сорочек и *котов* измяты и торчат один из-под другого. Они ходят мужской походкой и ве-

дуют себя с людьми беспардонно, не испытывая при этом никакого стыда. А если кто-нибудь делает им замечание, то они оправдывают это своей любовью к труду и скромностью, заявляя, что они такие старательные, работающие и смиренные, что не обращают внимания на себя. Но они лгут; они так сильно любят себя, что, попадая в благородное общество, желают, чтобы мужчины ухаживали за ними не меньше, чем за более мудрыми дамами, равными им по происхождению; они настаивают, чтобы их приветствовали, им кланялись, оказывали почтение, развлекали беседой так же, как и других, а может быть, даже больше. Но они не достойны этого, поскольку не знают, как беречь свое имя, доброе имя своего мужа и его семьи, которую они позорят. Поэтому, милая сестра, следи за тем, чтобы твои волосы, покрывало, платок и капюшон и все остальные детали одежды были опрятны и всегда находились в порядке, чтобы никто, увидевший тебя, не стал смеяться или дразнить тебя и чтобы все другие нашли в твоём наряде пример аккуратности, простоты и добропорядочности... (когда ты пойдешь в город или в церковь), иди в сопровождении благородных женщин одного с тобой положения, и избегай подозрительных компаний, и никогда не позволяй, чтобы тебя видели с женщиной, пользующейся дурной славой. Иди подняв голову и опустив веки, но так, чтобы они не дрожали, и смотри прямо перед собой метров на сорок вперед, не глядя по сторонам ни на мужчин, ни на женщин слева или справа от тебя, не глядя вверх, не перебегая взглядом с одного предмета на другой и не останавливайся на дороге, чтобы поболтать с кем-нибудь».

Так должны были вести себя женщины в Средние века.

Давайте теперь перейдем от дамы к жене. Представления домовладельца о том, как жена должна относиться к мужу, не сильно отличаются от принятых в его время. Жена должна быть покорной и послушной мужу и по-

стоянно заботиться о нем. Она должна быть податливой в постели и за столом, даже в тех случаях, когда у нее тяжело на сердце. Здравый смысл автора не помешал ему сравнить любовь жены к мужу с преданностью своему хозяину домашнего животного. «Если говорить о домашних животных, то ты видишь, как гончая, или мастиф, или маленькая собачка, находясь на дороге, за столом или в постели, всегда льнет к тому человеку, который ее кормит, и уходит ото всех других или проявляет в их присутствии робость или гнев; и, если собака находится далеко, она всегда сердцем со своим хозяином и не сводит с него глаз; даже если хозяин бьет ее или бросает в нее камни, собака всегда идет за ним, виляя хвостом и ложась у ног хозяина, стараясь успокоить его, и по рекам, по лесам, в сражении и во время нападения разбойников она следует за ним... Поэтому женщины, которым Бог дал природное чувство и разум, должны испытывать совершенную и искреннюю любовь к своему мужу; и поэтому я молю тебя быть любящей и нежной со своим мужем». Главным достоинством женщины является терпение, и, как бы сильно она ни устала, она не должна ни на что жаловаться. Домовладелец приводит три истории, чтобы показать, как должна вести себя жена, чтобы вернуть любовь неверного мужа. Одной из них является знаменитая повесть о Гризельде, но две другие (как он утверждает) взяты из его собственного опыта. В первой он рассказывает о жене знаменитого адвоката парижского парламента, которая занималась воспитанием побочной дочери своего мужа, а потом поисками для нее жениха; и при этом ни разу он не услышал от нее ни одного упрека, ни одного злого или грубого слова. Вторая — очаровательная история о том, как жена Джона Квентина вернула себе любовь мужа, который увлекся бедной прядильщицей шерсти. Все говорит о том, что сравнение жены с собакой было приведено в книге не случайно, ибо средневековая жена, подобно собаке, должна была лизать бьющую ее руку. Однако, разделяя взгляды своей эпохи, домовладе-

ЖЕНА ДОМОВЛАДЕЛЬЦА

лец не заходит слишком далеко — ему не позволяет сделать это его грубый здравый смысл и знание реальной жизни. Здесь стоит вспомнить комментарии к рассказу о Терпеливой Гризельде другого реалиста, Чосера:

Гризельда умерла, и вместе с ней
В могильный мрак сошло ее смирение.
Предупреждаю громко всех мужей:
Не испытайте ваших жен терпенье.
Никто Гризельды не найдет второй
В своей супруге — в этом нет сомненья.

О жены благородные, смелей
Свое отстаивайте положенье,
Чтоб ни один ученый грамотей
Не наболтал о вашем поведенье,
Вас уравнив с Гризельдой, и чтоб злой
Чичваче* не попасть вам на съеденье**.

Но гораздо более резким комментарием стал созданный Чосером образ Батской Ткачихи. Вот что говорит домовладелец своей молодой жене по этому же самому поводу: «Я привел здесь [рассказ о Гризельде] только потому, что он очень поучителен, а вовсе не потому, что все это относится к тебе, поскольку я не достоин этого, и я не маркиз, а ты — не нищенка; кроме того, я не глуп и не заносчив и обладаю здравым смыслом, который говорит мне, что я не должен так грубо обращаться с тобой и испытывать тебя подобным образом. Бог не позволит мне так измываться над тобой под каким-нибудь фальшивым предлогом... И прости меня за то, что в этой истории (по моему мнению) слишком много жестокости и мало разума. Я знаю, что в действительности этого не было, но таков рассказ, и я не могу исправить его или изменить в лучшую сторону. И мое желание заключается

* Ч и ч в а ч а — тощая корова, которая питалась терпеливыми женами, в то время как другая корова, по имени Бикорн, питалась терпеливыми мужьями и была всегда упитанной, если верить старофранцузской басне.

** Перевод О. Румера.

в том, что, раз уж другие читали эту историю, ты тоже должна знать ее, иметь возможность обсуждать ее, как и все другие люди».

Более того, несмотря на все свои идеи о покорности жены, домовладелец приводит прекрасные слова о любви — быть может, со вздохом, вспомнив о своем пожилом, хотя и не совсем дряхлом возрасте, и подумав о молодом муже, который в будущем будет наслаждаться его маленькой женошкой.

«Во имя Господа (пишет он. — *Авт.*) я думаю, что, когда два хороших, достойных человека сочетаются браком, все другие любви должны быть оставлены, уничтожены и забыты, кроме любви друг к другу».

Однако основная часть книги посвящена не теоретическим рассуждениям о преимуществах женой покорности, а тому, как она должна создавать уют своему мужу. Инструкции домовладельца по этому поводу так и пульсируют жизнью, но в то же время в них есть что-то невыразимо домашнее и трогательное, и они сообщают нам о реальной жизни жены бургера гораздо больше, чем сотни сказок о Терпеливых Гризельдах или Жане ла Квентине. Представьте себе тучного кормильца (типичный продукт мужского воображения!), работающего в любую погоду и терпящего всяческие неудобства для того, чтобы выполнить благороднейшую задачу — обеспечить своей семье пропитание. И конечно же мысль о домовитой маленькой женошке, греющей к его возвращению носки и готовой вечером окружить своего усталого героя лаской и вниманием, помогает ему вынести все трудности и опасности. Этот абзац является прекрасным примером живого и простого стиля домовладельца. В нем он использует примеры из своей собственной жизни, чтобы проиллюстрировать свою мысль, — и это одно из главных достоинств его книги.

«Дорогая сестра, если у тебя после моей смерти будет новый муж, знай, что ты должна всячески заботиться о его уюте, ибо после того, как женщина теряет своего пер-

вого мужа, ей обычно бывает трудно найти другого, который бы соответствовал ее состоянию, и она долгое время живет одинокой и безутешной; а все это еще больше усугубляется, если она теряет второго. Поэтому дорожи своим мужем и, молю тебя, следи, чтобы он всегда имел чистое белье, ибо это твоя обязанность. А поскольку мужчина должен заниматься делом, поэтому муж обязан работать, уходить и приходить и ездить туда и сюда, в дождь и ветер, в снег и град, сегодня промокший до нитки, завтра сухой, сегодня вспотевший от жары, завтра — дрожащий от холода, голодный, ночующий в плохих домах, продрогший и невыспавшийся на неудобной постели, но ничто это не принесет ему вреда, если его будет поддерживать надежда на то, что, вернувшись, он будет окружен заботой жены, и вера в то, что она успокоит его, развеселит и развлечет его или прикажет другим сделать это в ее присутствии. Она снимет у огня его сапоги, вымоет ему ноги и даст чистые носки, накормит и напоит его, уложит его спать на белые простыни и наденет на голову ночной колпак, укроет теплым одеялом и окружит весельем, нежностью, лаской и любовью и о чем-то важном поворкует с ним, о чем я умолчу, а на следующий день даст ему свежую рубашку и чистые одежды. Поистине, дорогая сестра, окруженный подобной заботой мужчина будет любить свой дом и желать поскорее туда вернуться, будет стремиться увидеть свою добрую женушку и держаться подалеке от других женщин.

Поэтому я советую тебе всегда встречать своего мужа после всех его отлучек с подобной заботой и никак иначе и также никогда не ругать его и помнить старую пословицу, которая гласит, что мужчину заставляют покинуть свой дом три вещи — протекающая крыша, дымящий камин и сварливая жена. Поэтому, дорогая сестра, молю тебя, если ты хочешь, чтобы муж всегда любил тебя и благоволил к тебе, будь с ним мягкой, дружелюбной и приятной в обхождении. Обращайся с ним так, как простые добрые женщины нашей страны, по словам людей, по-

ступали со своими сыновьями, когда они начинали искать любовь на стороне и их матери не могли ничего с этим поделать.

Другое дело, когда у кого-нибудь умирают родители, а отчимы и мачехи ссорятся со своими пасынками, ругают и упрекают их и не дают им спать, плохо кормят и поят, не заботятся об их носках, рубашках и всех их других вещах и делах, тогда сыновья находят хороший дом и добрый совет у какой-нибудь другой женщины, которая принимает их и согревает их, разделив с ними свою скудную еду, уложив их в постель. Она следит за тем, чтобы они были опрятно одеты, стирает их белье и одежду, и эти парни привязываются к ней и хотят остаться с ней и спать между ее грудей и совсем забывают о своих родителях, которые сначала не уделяли им никакого внимания, а теперь хотят вернуть их и жить с ними вместе. Но этого не происходит, поскольку дети больше дорожат обществом чужих людей, которые думают и заботятся о них. И тут родители начинают плакать и говорить, что эти женщины околдовали их детей и поэтому дети не могут от них уйти, поскольку им хорошо только тогда, когда они находятся рядом с женщиной, очаровавшей их. Но, что бы там ни говорили, колдовством тут и не пахнет, а причина кроется в любви, заботе, интимности, радости и удовольствиях, которыми эти женщины окружают парней, и, с моей точки зрения, других чар они не используют... поэтому, дорогая сестра, молю тебя снова и снова очаровать и околдовать своего мужа подобным же образом и помнить о протекающей крыше и дымящем камине и не ругаться с ним, а быть мягкой, нежной и спокойной. Следи, чтобы зимой в доме всегда был огонь, но не было дыма, и пусть он имеет возможность хорошо отдохнуть и укрыться между твоих грудей, и этим-то ты и околдуешь его... И ты должна охранять и беречь его от неудобств и всячески облегчать ему жизнь и служить ему и следить, чтобы в твоём доме его хорошо обслуживали, и ты должна заботиться, чтобы и за пределами дома все

у него шло хорошо, ибо если он добрый человек, то будет работать больше, чем ты того хочешь, и вкладывать в свои дела всю душу, а поступая так, как я тебе советую, ты заставишь его всегда скучать по тебе и держать тебя в своем сердце и вспоминать о твоей любящей заботе, и он забудет обо всех других домах, обо всех других женщинах, обо всех других слугах и хозяйствах; ничего ему не будет нужно, кроме одной тебя, если ты будешь думать о нем так, как я сказал выше... И тогда в пути мужья будут думать о своих женах, и никакая работа не будет им в тягость, если они будут вспоминать о любви своих жен, о встрече с которыми они будут страстно мечтать, совсем как бедные отшельники, кающиеся грешники и постыющиеся монахи страстно желают увидеть лик Христа; и окруженные подобной заботой мужья никогда не захотят поселиться где-нибудь в другом месте и проводить время в обществе других людей — они удержатся от этого и покинут эти места; по сравнению со своим домом все остальное будет казаться им лишь каменным ложем».

Но достаточно об идеях домовладельца о том, какой должна быть идеальная жена. Его идеи о том, какой должна быть идеальная хозяйка, содержатся во многочисленных инструкциях, которые представляют собой необыкновенно увлекательное чтение. Раздел, посвященный обращению со слугами, где он говорит о поведении слуг и о том, как надо ими руководить, кажется таким современным потому, что трудно поверить, что читаешь книгу, написанную более пяти столетий назад старым парижским бюргером. У домовладельца, вероятно, было довольно большое хозяйство, и он, скорее всего, имел дом не только в городе, но и в деревне, ибо несколько раз пишет о том, что, «приехав в деревню», надо проверить, как работают крестьяне. Чтобы помочь жене управляться с большим числом слуг, он держал метрдотеля, которого называли мастер Джон-управляющий, и дуэнью, наполовину домоправительницу, наполовину компаньонку для

своей молодой госпожи, которую звали дамой Агнесс, бегуинкой*. Помимо этого был еще *бейлиф*, или десятник, управлявший фермой. Домовладелец делит своих слуг и рабочих на три класса — к первому относились поденщики или сезонные рабочие, нанимаемые для выполнения каких-то особых работ. Это были носильщики и посыльные, бондари, жнецы, веяльщики зерна и другие; ко второму — сдельщики, портные, пекари, скорняки и башмачники, нанимаемые средневековыми господами определенного достатка для изготовления необходимых вещей из сырья, покупаемого на ярмарке или в городских лавках; и к третьему — обычные домашние слуги, которых брали на год и которые жили в доме господина; и из «всех этих людей, — пишет он, — нет ни одного, кто с радостью искал бы себе работу и хозяина».

Он приводит характерное описание, очевидно основанное на личном опыте, недостатков наемных рабочих. Он пишет, что обычно это ленивые и грубые люди, которые «любят огрызаться», ведут себя нагло (кроме тех дней, когда получают плату) и всегда готовы осыпать хозяина оскорблениями, если размер оплаты их не устраивает. Он предупреждает жену о том, чтобы она требовала от мастера Джона брать на работу только миролюбивых людей и всегда заранее заключать с ними договор о том, какую плату они будут получать за свою работу.

«Ибо знай, что чаще всего они не хотят заключать договор, а хотят приступить к работе безо всякого договора, говоря при этом мягким тоном: «Милорд, это все пустяки, в этом нет никакой необходимости, вы будете хорошо платить мне, и я буду доволен вашей оплатой». И если мастер Джон берет их на этих условиях, то когда они закончат свою работу, то скажут: «Сэр, мне приходилось делать больше того, что я думал, надо было сделать то и это, здесь и там...» — и они не возьмут то, что им дают, а

* Бегуинки были чем-то вроде религиозного ордена или, если быть более точным, сестринской общины, средним между мирским обществом и монастырем.

начнут кричать и сыпать злыми словами... а потом всем наговорят о вас всяких гадостей, что хуже всего»².

Из различных указов, в которых устанавливался размер оплаты труда наемных работников со времен Черной смерти, мы узнаем, что в конце XIV века во Франции и Англии очень остро стояла проблема со слугами, и совет домовладельца освещает эту ситуацию с необычной стороны.

Впрочем, по его мнению, хозяйка должна была быть мудрой, как змея, в отношении найма и управления женской прислужкой, а не мужской. По ходу дела он рассказывает нам, как нанимали слуг в Париже в XIV веке, и мы видим, что агентства по найму и характеристики появились отнюдь не в наше время. В то время в Париже существовали *рекомендательницы* — женщины, содержавшие то, что мы называем сейчас агентством по найму, и в указе 1351 года (в котором фиксировалась оплата труда после Черной смерти) им разрешалось брать 1 шиллинг 6 пенни за трудоустройство горничной и 2 шиллинга — за устройство сиделки. Женщины, служившие в доме, получали в ту пору 30 шиллингов в год и обувь. Домовладелец поэтому дает жене советы по такому деликатному вопросу, как собеседование и прием на работу женской и мужской прислужки.

«Знай, дорогая сестра, — говорит он, — что для того, чтобы они лучше тебя слушались и боялись вызвать твой гнев, я советую тебе поручить выбирать их и управлять ими даме Агнес, бегуинке, или любой другой женщине, которая тебе понравится. Она должна будет принимать их к тебе на службу, управлять ими к твоему удовольствию, платить им и держать их на службе, если тебе этого захочется, и увольнять, когда ты того пожелаешь. Тем не менее ты должна сначала поговорить об этом со мной наедине и действовать по моему совету, поскольку ты слишком молода, и твои собственные люди могут легко тебя обмануть. И знай, что те горничные, у которых нет места, могут прийти к тебе и предложить свои услуги и

заявить, что срочно ищут себе господина и госпожу; и никого из них не принимай к себе в дом, не узнав сначала, где они работали до этого, и пошли туда своих людей, чтобы они расспросили поподробнее об этих людях и узнали, много ли они говорят и пьют, сколько времени они работали на этом месте, какую работу должны были выполнять и как ее выполняли, есть ли у них свой дом или друзья в нашем городе, из какого сословия они и в какой части страны родились, давно ли они уехали оттуда и по какой причине — ведь по их прошлой работе ты сможешь судить, чего от них можно ожидать в будущем. И знай, что часто женщины, приехавшие из отдаленных районов страны, совершили там какой-то проступок и потому вынуждены были уехать оттуда подальше...

И когда ты выяснишь у ее бывшего хозяина и хозяйки, соседей и других людей, что девушка тебе подходит, узнай от нее и заставь мастера Джона записать в его журнале день, в который она приступит к работе, ее имя и имя ее отца, матери и кого-нибудь из родственников, место, где они живут, и где она родилась, и кто дал ей рекомендации. Ибо слуги будут бояться навредить тебе, если будут знать, что все это было записано и, если они уйдут от тебя без твоего разрешения или совершат какой-нибудь проступок, ты напишешь судье на их родине или их друзьям и пожалуешься на них. И никогда не забывай высказывание философа по имени Бертран Старый о том, что если ты нанимаешь женщину или мужчину, которые всячески расхваливают себя и горды собой, то должна знать, что если ты их уволишь, то они будут всячески поносить тебя, если смогут, а если, наоборот, девушка будет льстить тебе и всячески уговаривать взять ее к себе, не доверяй ей, ибо она состоит вговоре с тем, кто хочет тебе навредить; но, если она краснеет, молчит и ей становится стыдно, когда ты указываешь ей на ошибки, люби ее, словно свою родную дочь».

Советы домовладельца о том, как руководить нанятыми слугами, не менее практичны. Следует поддерживать

строгий порядок, не допускать ссор и употребления грубых выражений³ и следить за нравственностью слуг. Каждый должен знать свои обязанности и хорошо выполнять их. «Если ты прикажешь им сделать что-то сейчас, а слуги ответят: «У меня впереди много времени, еще успею», — или: «Сделаю это завтра», — а ты не выступишь на своем, то они все время будут откладывать работу на потом. И также если ты будешь давать общее задание всем, то они будут ждать, что его выполнит кто-нибудь другой, и это то же самое. «Дама Агнес, которая с тобой и которой я непосредственно поручаю делать это, чтобы научить тебя мудрому и зрелому поведению, и служить, и помогать тебе советом, должна следить не только за тем, как работают слуги, но и за тем, чтобы они были здоровы и счастливы, проявляя при этом великодушие. В назначенный час она должна усаживать их за стол, чтобы накормить обедом из одного вида мяса, избегая жирных сортов, и одного вида напитков, который должен быть питательным, но не опьяняющим» — то есть давать им «чашу, которая взбадривает, но не пьянит», вероятно, имелся в виду легкий эль — повседневный напиток в Средние века. Она должна следить, чтобы они ели и пили досыта, но «как только они начнут рассказывать истории, или спорить, или опираться на локти, приказывай бегуинке, чтобы она велела им встать из-за стола и разойтись, ибо у простых людей есть такая поговорка: «Если слуга засиживается за столом, а лошадь начинает щипать траву в канаве, прогоняй их оттуда, ибо они уже наелись».

Вечером, после дневной работы, надо снова хорошо накормить слуг, после чего зимой они могут погреться у камина и немного отдохнуть. Затем дама Агнес должна запереть дом и отправить их всех спать.

«И сделай так, чтобы у каждой кровати стоял подсвечник, куда можно было бы вставить свечу, и пусть их научат, прежде чем уснуть, гасить ее ртом или рукой и ни в коем случае не рубашкой. И перед сном объясни всем и каждому, что им надо сделать завтра, и предупреди, что,

поднявшись утром с постели, они должны сразу же приступить к работе».

Домовладелец пишет дальше, что горничные от пятнадцати до двадцати лет еще глупы и совсем не знают жизни, и хозяйка должна всегда укладывать их спать рядом с собой, в соседней комнате или в комнате без верхнего окна или с низким окошком, выходящим на улицу, и должна следить, чтобы они ложились и вставали в одно время с ней. «А ты сама, — добавляет он, — если будет угодно Богу, к тому времени станешь уже мудрой и будешь держать их при себе». Более того, если кто-нибудь из слуг заболит, сама лично, отложив в сторону все остальные дела, с заботой и любовью ухаживай за ним или за ней, постоянно навещай их и старательно изучай, как их вылечить».

Бесконечное разнообразие познаний домовладельца по домашнему хозяйству проявляется в советах, которые он дает, когда описывает способы, позволяющие жене обеспечить уют своему господину и наладить работу слуг. Он приводит сложные рецепты сохранения одежды, которая в Средние века стоила очень дорого и носилась год за годом, в течение всей жизни и часто передавалась по наследству. Он приводит также советы о том, как чистить платье и меха, как сохранить от моли и как удалять пятна грязи и жира. Домовладелец знает семь способов выведения пятен от жира, но к одному-двум из них он относится весьма скептически, поскольку он просто списал их с одной книги, но на собственном опыте не проверял. «Чтобы избавиться от пятен на платье из шелка, атласа, камлота, камки или какой другой ткани, — гласит один из рецептов, — замочите и выстирайте пятно в кислом соке незрелого плода, и оно исчезнет, а если ткань поблекнет, то скоро возвратит свой первоначальный цвет». Рядом мы видим приписку: «*В это я не верю*». Однако у нас создается впечатление, что средневековая домохозяйка только тем и занималась, что боролась с блохами. Главное средство, по мнению домовладельца, обеспечить

мужу счастливую жизнь дома — это разжигать для него огонь зимой, а летом не допускать, чтобы в его постели завелись блохи. Он приводит шесть способов избавления от этих насекомых, которые, несомненно, сильно испортили жизнь нашим предкам: «Летом следи, чтобы в твоей комнате и в постели не заводились блохи, чего можно добиться шестью способами, как мне говорили. Я слышал от нескольких человек, что, если разбросать по комнате листья черной ольхи, блохи запутаются в них. Далее, я слышал, что если ночью поставить в комнате одну или две доски, на которых режут хлеб, смазанные птичьим клеем или скипидаром, и в центре каждой из них установить зажженную свечу, то блохи поспешат на свет и приклеются к доскам. Другой способ, который я сам изобрел и который помогает, — возьми грубую ткань и разложи ее по комнате, накрыв постель, и все блохи, запрыгнувшие на нее, будут пойманы, и ты сможешь вынести их вместе с тканью куда захочешь. Далее, овечьи шкуры. Я видел, как на кровать клали солому, а затем стелили простыни, и когда черные блохи прыгали на них, то на белом они были хорошо видны, и их легче было убить. Но самый лучший способ — это бороться с блохами, прячущимися в покрывалах, мехах и чехлах, которыми покрывают одежду. Ибо знай, что я пробовал этот способ, и когда покрывала, меха или одежды, в которых завелись блохи, складывают и плотно упаковывают в сундук, туго стянутый ремнями, или в мешок, хорошо завязанный и накрытый чем-нибудь тяжелым, то вышеназванные блохи оказываются без света и воздуха, и не могут вылезти наружу, и сразу же погибают».

Такая же война велась с мухами и комарами, которые превращали лето в кошмар. «Мне несколько раз приходилось, — пишет домовладелец, — видеть в комнатах, где спали люди, целые тучи комаров, которые садились на лица спящих и кусали их до тех пор, пока они не поднимались и не поджигали в камине сено, чтобы выкурить этих комаров вон». Против мух и комаров у него тоже было

шесть верных рецептов — москитная сетка над кроватью, ветки папоротника, развешанные по комнате, чтобы на них садились мухи; миска, наполненная смесью молока и заячьей желчи или соком сырого лука, который убивает мух; бутылка с тряпкой, пропитанной медом, или свешивающаяся с потолка полоска, пропитанная медом. Можно также махать метелкой, чтобы выгнать их из комнаты, и затягивать окна промасленной тканью или пергаментом.

Раздел, посвященный кулинарии и содержащий наставления домовладельца о том, как «накормить скотину», является самым обширным в книге и дает необычайно интересную картину домашней экономики наших предков. Домовладелец, должно быть, был братом чосеровского Франклина, о котором он пишет, что он: «был в том достойным сыном Эпикура».

Франклин хозяином был хлебосольным:
Святым Юльяном слыл он сердобольным.
Всегда его столы для всех накрыты,
А повара и вина знамениты.
Жара ль стоит, иль намело сугробы,
Он стол держал для всех погод особый.
Был у него в пруду садок отличный,
И много каплунов и кур на птичне.
И горе повару, коль соус пресен,
И мажордому, если стол чуть тесен.

В этой, как и других средневековых поваренных книгах, современного читателя больше всего поражает продолжительность пиров и обилие блюд на них, а также разнообразие сильно сдобренных пряностями кушаний. Здесь были черные пудинги и колбасы, телятина и говядина, угри и селедка, пресноводная рыба и рыба, которую ловили в открытом море и на отмелях, обычные похлебки без пряностей и пряные похлебки, мясные супы и супы постные, мясо, жаренное на вертеле, кондитерские изделия и салаты, различные соусы, вареные и невареные, похлебки и жидкие каши для инвалидов. Некоторые блюда были изысканными, другие расстроили бы наше пищеварение. В

острые соусы с добавлением уксуса, кислого сока незрелых плодов и вина клали много муки, гвоздики, корицы, сыти, перца и имбиря и подавали (кто бы мог подумать!) к мясным блюдам. В самые разнообразные блюда добавляли много миндаля, как это до сих пор делается в Китае и других странах Востока, его использовали гораздо щедрее, чем в современной европейской кухне. Верный вкусам своего народа, домовладелец включил в книгу рецепты приготовления улиток и лягушек.

Для современного повара некоторые инструкции кажутся весьма неопределенными, например, совет дать какому-то блюду кипеть столько времени, которое требуется, чтобы прочитать молитвы «Отче наш» и «Мизерере», однако на кухне, где не было часов, какой еще совет можно было дать? В конце концов, это звучит не хуже, чем указание «готовить в горячей духовке», которое можно найти во многих современных поваренных книгах, а ведь в них можно было бы указать, при какой температуре и сколько времени надо готовить. Другие инструкции домовладельца достаточно подробны. В одном абзаце он приводит список всех мясных рынков Парижа, вместе с указанием количества мясников, работавших на каждом из них, и число овец, быков, свиней и телят, продававшихся здесь каждую неделю. Ради интереса он добавляет, сколько мяса и птицы потребляют еженедельно король, королева и их дети, а также герцоги Орлеанские, Беррийские, Бургундские и Бурбонские. В других местах он рассказывает об иных рынках — Пьер-о-Лэ или молочном рынке, Пляс-де-Грев, где продают уголь и дрова, и о Порт-де-Париж, где не только торгуют мясом, но и продают самую лучшую рыбу, соль, зеленые травы и ветки для украшения комнат.

Далее домовладелец подробно расписывает, сколько провизии надо запасти для организации крупных пиров — например, для обеда, даваемого аббатом Ланьи епископу Парижскому и членам Королевского совета, для пира, включавшего в себя обед и ужин, который некий мастер

Элиас (очевидно, серьезный и почитаемый метрдотель, подобно самому мастеру Джону) устроил по случаю свадьбы Жана дю Шезна, во вторник в мае, и для свадьбы двух придворных, в сентябре месяце, по поводу которой домовладелец замечает, «поскольку они были вдовцами, то обвенчались очень рано в черном платье, а затем надели другое»; он написал это специально для того, чтобы его будущая вдова знала, как нужно вести себя на своей второй свадьбе.

Особенно подробно и интересно описан свадебный пир, заданный мастером Элиасом. Домовладелец, вероятно предвидя, что ему предстоит устроить бюргерам и благородным господам Парижа несколько больших обедов, а может быть, из-за того, что он всегда проявлял живой интерес ко всем подробностям материальной жизни, описывает не только меню свадебного обеда и ужина, но и приводит длинный список использованных продуктов, указывает их качества и цены, а также лавки или рынки, где их можно купить. Читатель ясно представляет себе, как метрдотель и повара ходят от прилавка к прилавку, посещают мясника и пекаря, продавца птицы, изготовителя соусов, виноторговца, изготовителя вафель, который продает вафли и кондитерские изделия, столь любимые средневековыми дамами, и продавца пряностей, чье заведение было полно запахов Востока.

Домовладелец указывает также, сколько эсквайров, слуг и официантов нужно нанять для обслуживания подобного пира. Конечно, в первую очередь нужен главный повар, тучный человек, который ходит «высоко подняв голову и располагая к себе», как выглядела во время танца королева Елизавета. Голова его должна быть набита прекрасными рецептами, а руки должны уметь взбивать пышный крем для тортов. Он должен иметь наметанный глаз и чуткий нос, подсказывающие, когда надо повернуть каплуна на вертеле. Такой повар должен превосходить всех в своем доме. Об одном из таких поваров рассказал нам тот же Чосер, о том, как он варил цыплят:

И запекал их в соусе румяном.
С корицей пудинги иль с майораном
Умел варить, тушить он, жарить, печь;
Умел огонь как следует разжечь;
Похлебку он на славу заправлял;
Эль лондонский тотчас же узнавал.

Повар, нанятый мастером Элиасом, привез с собой своих слуг, а в Париже взял два франка для оплаты их работы и чаевые. Затем были еще швейцары, «грузные и сильные», которые стояли у дверей, и чиновник, чтобы подсчитать расходы, хлеборезы и водоносы, два сквайра, которые прислуживали у кухонного шкафа, выдавая тарелки и блюда, еще два — у другого шкафа, выдавая ложки и чашки и наливая вино для гостей, и еще двое — в буфетной, выдавая вино, которое подносили им их слуги. Пир обслуживали два метрдотеля, которые расставили серебряные солонки на столе для почетных гостей, а также четыре больших позолоченных кубка, четыре дюжины простых кубков, четыре дюжины серебряных ложек, кувшины и кружки для подачи и блюда для засахаренных фруктов, а потом проводжали гостей на отведенные для них места. У каждого стола был главный официант и двое подавальщиков, девушка, которая изготавливала для гостей венки из цветов, женщина, следившая за бельем и застилавшая супружескую постель⁴, и прачка. Полы были усыпаны фиалками и зеленой травой, а комнаты украшены майскими ветками (все это было куплено рано утром на рынке); имелся большой запас факелов и свечей. Небольшие свечи ставили на столы, накрытые для ужина, а большие факелы воткнули в держатели на стенах или раздали гостям, чтобы они несли их во время торжественной процессии, ибо ужин закончился «танцами, пением, вином с пряностями и процессией с зажженными факелами». По этому случаю менестрелям заплатили восемь франков, помимо ложек и других подарков, полученных ими во время пира; были приглашены также акробаты и мимы для развлечения гостей. Если бы мастеру Джону и его маленькой хозяйке при-

шлось готовить большой пир, после такого описания они не наделали бы ошибок и смогли бы порадовать истинного эпикурейца, который устроил его ради них. Домовладелец выписал многие рецепты из других кулинарных книг, но подробности вышеописанного пира он, скорее всего, узнал от самого мастера Элиаса, и мы легко можем себе представить, как они качали от удовольствия своими седыми головами, пока один рассказывал, а другой записывал.

Кулинарная книга заканчивается разделом, содержащим рецепты того, что домовладелец назвал «вещичками, которые не являются необходимостью». Это рецепты различных джемов, большей частью сделанных из меда; в Средние века джемы делали и из овощей, ибо домовладелец пишет о джеме из репы, моркови и тыквы. Есть рецепт изысканных сиропов из различных пряностей (поверим автору на слово, что они имели изысканный вкус) и пудры из имбиря, корицы, кардамона, гвоздики и сахара, которой посыпали еду, как мы сейчас посыпаем сахаром; рецепт гиппокраса (вина с пряностями), вафель и засахаренных апельсинов. Домовладелец приводит очень мудрые советы о том, какие блюда подходят для разных сезонов и как лучше готовить и подавать их. Но самыми интересными являются не кулинарные рецепты, а рецепты совсем другого характера — как изготавливать клей и чернила, как выращивать маленьких птичек в клетках и вольерах, как готовить песок для песочных часов, делать розовую воду, сушить розы для перекладывания ими одежды (как мы сегодня перекладываем ее лавандой), как вылечить больные зубы и излечиться от укуса бешеной собаки. Для этого нужно было использовать заговор того же типа, который применялся для лечения лошадей: «*Bestera bestie nay brigonay dictera sagragan es domina siat siaf*». Вспомним, что нация, придумавшая подобный заговор, четыре века спустя дала миру Пастера.

Я думаю, что из столь захватывающей книги встают яркие образы домовладельца и его молодой жены. Присмо-

тримся к ней. Утром она вставала гораздо раньше, чем современные дамы, хотя и не так рано, как монахини, которым нужно было спешить к заутрене, ибо в этот час, как говорил ей ее муж, замужним дамам вставать не приличествует. Затем она умывалась, гораздо меньше, чем современные дамы, возможно, ополаскивала только лицо и руки, и читала утреннюю молитву, а потом очень тщательно одевалась, ибо знала, кто за ней следит, и шла с дамой Агнесс, бегуинкой, к мессе, опустив долу глаза и сложив руки поверх своего красочного передника. После мессы, а быть может, и исповеди она возвращалась и проверяла работу слуг, которые должны были подмести зал и комнаты, вытереть пыль, выбить подушки и покрывала и прибрать везде, после чего она давала мастеру Джону-управляющему указания по поводу обеда и ужина. После этого она посылала даму Агнес проверить, накормлены ли ее собачки и птички, «ибо они не умеют говорить, поэтому говорить и думать за них должна ты, если у тебя они есть». Если она жила в доме своего поместья, то должна была подумать и о скотине на ферме, и дама Агнес должна была проверить, как ухаживают за ней пастух овец Робин, пастух быков Джоссон, пастух коров Арнул, доярка Жаннетон и жена фермера Оделина, которая работала на птичьем дворе. Если же она была в своем парижском доме, то вместе с горничными вытаскивала из больших сундуков платье и меха и расстилала их в саду или во дворе на солнышке, выбивала пыль небольшой палкой, встряхивала на ветру, выводила пятна с помощью того или иного рецепта, проверенного на практике ее мужем, выискивала своим острым взглядом моль или блоху.

Но вот наступало время обеда, самого главного приема пищи в течение дня. Наши предки обедали в 10 часов утра. Что жена домовладельца подавала своему господину и хозяину, зависело от времени года и от того, постный или скоромный был день, но мы знаем, что недостатка разнообразия меню у нее не было. После обеда она следила, чтобы слуги тоже поели, а затем из занятой домо-

хозяйки превращалась в отдыхающую даму и могла немного развлечься. В деревне она могла отправиться на соколиную охоту вместе с соседями; в городе, зимой, могла поболтать и поиграть с другими замужними дамами своего возраста, загадывая загадки или рассказывая истории по кругу, сидя у огня. Но больше всего она любила гулять по своему саду, сплетая венки и гирлянды из цветов, фиалок, левкоев, роз, тимьяна или розмарина, собирая созревшие ягоды или плоды (она любила малину и вишню) и давая советы садовникам, как выращивать тыквы («в апреле обильно поливайте их и пересадите на новое место»), которым садовники уделяли, уделяют и будут уделять очень много внимания, на радость своим хозяевам. Устав от этого, она собирала вокруг себя даму Агнес и своих служанок, усаживалась под украшенными резьбой балками потолка в зале и принималась чинить дублет своего мужа, вышивать облачения для священника, служившего в его фамильной часовне, или ткань, которой она намеревалась обить стены в своей спальне. А быть может, они просто ткали (поскольку, по словам ткачихи из Бата, Бог наградил женщину тремя талантами — обманывать, плакать и ткать), и она рассказывала служанкам историю Гризельды, и ее голос поднимался и падал под стук ткацкого станка.

Наконец, наступал вечер, и ее хозяин и господин возвращался домой. Какой переполох в доме вызывал его приход, мы знаем очень хорошо, поскольку нам известно, чего он ждал от своей жены. Начиналась беготня — слуги несли бутылки с горячей водой, чтобы согреть ему ноги, и удобные комнатные туфли; его жена внимательно выслушивала его рассказы и восхищалась всем, что он сделал. Потом все шли ужинать, в обществе гостей или вдвоем при свете заходящего солнца. Муж смаковал жареного журавля и бланманже, а она хрустела своими любимыми вафлями. После ужина, в сумерках, она рассказывала ему, как прошел день, и спрашивала совета, что делать с глупой молодой горничной, которую она застала за беседой

с подмастерьем портного; беседа велась через низкое окошечко, которое выходит на дорогу. Когда она поворачивается к нему, в ее глазах супруг читает нежную привязанность, а на ее круглом личике — беспокойство по поводу горничной. Когда же он хвалит жену, то ее лицо расплывается в улыбке, и во взгляде старого мужа, когда он смотрит на нее, тоже появляются нежная привязанность и гордость. Наступает ночь, и они вдвоем обходят дом, запирая все двери и проверяя, все ли слуги уже улеглись, ибо наши предки, в отличие от нас, сэкономили свечи. И они ложатся спать.

Здесь мы покинем нашу семейную чету.

У жены домовладельца жизнь была, несомненно, очень насыщенной. «Мужьям дает отдых плохая погода, а работа домашней хозяйки не заканчивается никогда». В ней не было времени для безделья, как в жизни тех прекрасных дам с длинными пальцами, которым Ленгленд советовал шить одежду для бедняков. Более того, несмотря на то что некоторые идеи домовладельца о полном подчинении жены мужу кажутся нам несколько преувеличенными, прочитав его книгу, мы понимаем, что он обладал здравым смыслом и любил и уважал ее. Домовладелец не хотел возводить свою жену на пьедестал, как это делали трубадуры, воспевая своих прекрасных дам, но и не желал, чтобы она пресмыкалась перед ним, подобно Гризельде. Ему нужна была помощница в жизни, ибо, как писал Чосер: «Если бы эти женщины не были добрыми, а их советы хорошими и полезными, наш небесный Повелитель Господь никогда бы не сотворил их и назвал бы их не «помощницами» мужчин, а, скорее, помехой для них». Иеремии Екклесиаста часто использовали характерный для Средневековья аргумент, что если бы Бог намеревался дать женщине превосходство над мужчиной, то он сотворил бы ее из головы Адама, а не из его ребра. Но домовладельцу, скорее всего, было по душе более логичное объяснение Петра Ломбардского, который утверждал, что женщина была сотворена не из головы Адама, поскольку у Бога не было намерения

сделать ее начальницей мужчины, и не из его ноги, поскольку у него не было намерения сделать ее его рабой, но из его ребра, поскольку она должна была стать его спутницей и помощницей. Именно на этом строится отношение домовладельца к его маленькой жене, и именно это придает его книге такое очарование и делает на голову выше других средневековых книг, посвященных поведению женщин. Но, что важнее всего, социальное и историческое значение книги заключается в том, что она дает нам во всех оттенках, не потускневших от времени, портрет средневековой домашней хозяйки в полный ее рост. Она занимает свое место в истории (причем не последнее), несмотря на то что почти все без исключения историки обходили ее роль молчанием.

Глава 6

ТОМАС БЕТСОН

Торговец шерстью в XV веке

Одни считают, что лишь меч приносит людям славу,
Другие чтут искусство, ученые труды,
А я хочу воспеть торговлю, и по праву.

Джеймс Элрой Флекер
«Золотое путешествие в Самарканд»

Посетителя палаты лордов, глядящего с почтением на августейшее собрание, не может не поразить округлый нескладный предмет, стоящий перед тронем, — на этом нескладном предмете в течение всей сессии парламента сидит лорд-канцлер Англии. Этот предмет — мешок с шерстью, и он набит до краев чистойшей историей, как и весь зал, где правит лорд-канцлер. Этот мешок напоминает нам о ткачах, работавших на механических ткацких станках, которые сделали Англию великой, — не о тонком вкусе пряностей, которые привозили сюда для переработки с разных концов света, не о прочном металле, извлеченном из ее недр, но о шерсти, которая из года в год покрывала ее черномордых овец. Сначала в форме необработанного сырья, которое охотно покупали все производители одежды в Европе, потом — в виде тканей, сотканных в ее собственных городах и селах и развозимых на кораблях по всему миру, шерсть заложила основу экономической мощи Англии до самой Промышленной революции, когда ее место заняли хлопок и сталь. Поэтому,

если вы посмотрите на старые картины, изображающие палату лордов во времена правления Генриха VIII и Елизаветы I, вы увидите, что перед тронем стоит мешок с шерстью, который находится там и по сей день. И лорд-канцлер сидит на нем потому, что именно благодаря этому мешку Англия стала процветающей державой.

Самой выдающейся купеческой гильдией в Англии в течение Средних веков была гильдия торговцев сырой шерстью. Торговля шерстью была здесь самой крупной и самой доходной отраслью торговли, и именно к ней английские короли проявляли наибольший интерес, ибо торговля сырой шерстью и овечьими шкурами давала самые крупные таможенные сборы. Более того, когда они хотели взять заем в ожидании крупных сборов, они обращались именно к торговцам шерстью, как к самым богатым купцам в стране. По этой и другим причинам правительство установило обычай назначать «шерстяные города», то есть центры, через которые должен был идти весь экспорт английской шерсти. Города время от времени менялись — то это был Брюгге, то Антверпен, то какой-нибудь город в Англии, но чаще всего это был Кале. Впервые он был назван «шерстяным городом» в 1363 году, а окончательно функция закрепилась за ним в 1423 году. Через этот город должна была проходить вся шерсть, все шкуры, вся кожа и все олово, идущие на экспорт, и организация системы была завершена, когда в 1354 году была создана гильдия торговцев шерстью, которые держали в своих руках основную часть торговли. Управлял работой гильдии мэр. Система отвечала интересам и короны, и купцов. Корона могла сосредоточить всех таможенников в одном месте и без проблем собирать свою пошлину, особенно после того, как постепенно сложилась такая практика, когда Компания торговцев шерстью стала выплачивать королевским чиновникам целиком всю пошлину и налоги, а потом собирала деньги с отдельных своих членов. Купцы же получали выгоду от концентрации торговли — они могли ездить не в оди-

ночку, а группами и нанимать конвои, которые защищали их суда с шерстью от пиратов, наводнявших пролив между Англией и Францией. Кроме того, будучи членами мощной корпорации, они могли защищать свои привилегии и права во Фландрии. Покупатели шерсти тоже выиграли от этого, ибо корона и Компания торговцев шерстью получили возможность тщательно контролировать качество выставленной на продажу шерсти и принимать законы против мошенничества. Следует напомнить, что в те дни, когда торговля шерстью нуждалась в защите, правительство еще не могло ее обеспечить, и идея передать монополию на торговлю шерстью в руки членов одной компании никому не казалась вредной. «Торговля в составе компаний естественна для англичан», — писал Бэкон, и в течение четырех веков именно крупные торговые компании осуществляли английскую торговлю и сделали эту страну коммерческим лидером мира.

Торговля шерстью процветала в Англии до конца Средних веков, но в XV веке торговцы сырой шерстью начали ощущать конкуренцию со стороны другой гильдии — знаменитой Компании суконщиков. Соперники, воспользовавшись ростом производства шерстяных тканей у себя в стране, начавшимся в предыдущем веке, принялись вывозить на экспорт готовые ткани и наживать на этом большие деньги, это возмущало торговцев сырой шерстью — они хотели, чтобы все шло по-старому, чтобы они по-прежнему снабжали континент шерстью, из которой в Ипре, Генте, Брюгге и Мехлине и других знаменитых ткацких городах Нидерландов выделывали прекрасные ткани. Их производство позволило Нидерландам в течение всех Средних веков занимать в Европе первое место по развитию промышленности, которая целиком зависела от снабжения отличной английской шерстью, ибо из другой хорошей шерсти в Европе, производившейся в Испании, можно было получить ткань хорошего качества только в том случае, если ее смешивали с ан-

глийской. Отсюда и тесные политические связи между Англией и Фландрией, ибо одной нужен был покупатель, а другой — поставщик сырья. Один поэт XV века сказал об этом так:

Чем Фландрия богата?
Да ничем, и все, что в ней растет,
Фламандцев не прокормит и не даст
Им денег на роскошное житье.
И что ж имеют храбрые фламандцы?
Мадеру да фламандское сукно —
Из нашей шерсти делают его.
Тем бедняки живут, и правят богачи,
Без нашей шерсти с голоду б они
Поумирали, ну а с ней цветут
И дружбой с нами очень дорожат¹.

В те дни одежду, которую носили англичане, изготовляли из английской шерсти, но во Фландрии, и торговцы сырой шерстью не понимали, зачем менять сложившийся порядок. Что касается фламандцев, которых экономическая необходимость заставляла всегда находиться в политическом союзе с Англией, то они даже придумали поговорку, которая гласит, что они купили у англичан лисью шкуру за ломаный грош и продали им хвост этой шкуры за гульден. На самом деле они покупали овечью шерсть, но им не суждено было приобрести ее вечно. После того как в Англии появилось множество ткацких мануфактур, которые работали на местной шерсти, великие ткацкие города Нидерландов пришли в упадок. Тем не менее, несмотря на то что торговля английскими тканями расширялась и к началу XVI века ее объемы превышали объемы торговли шерстью, которая была главной статьей английского экспорта, Компания торговцев сырой шерстью в течение всего XV века процветала и славилась на весь мир.

Много было богатых и уважаемых торговцев шерстью, которые в те дни управляли английскими городами, избирались мэрами Лондона и важных портов, становились подрядчиками и ссужали деньги для нуждавшегося в средствах короля. Они были так богаты и влиятельны, что

создали даже угрозу власти парламента, превратились, так сказать, в четвертую власть, к которой король, минуя парламент, обращался за финансовой помощью. До сих пор в архивах многих городов Англии хранятся завещания торговцев шерстью, свидетельствуя о процветании этих городов и их общественном духе. В приходских церквях Котсволда и других районах, где производили шерсть, встречается множество надгробий, которые хранят память об этих купцах. В церкви Чиппинг-Кемпдена лежит Вильям Гревел со своей женой, «бывший житель Лондона и цветок среди торговцев шерстью всей Англии». Он умер в 1401 году, его красивый дом до сих пор стоит на деревенской улице. В Нортличе покоится Джон Форти, который перед своей смертью, наступившей в 1458 году, перестроил неф церкви. На надгробной доске мы видим Джона Форти, стоящего одной ногой на овце, а другой — на мешке с шерстью, а рядом лежат надгробные доски Томаса Форти, «торговца шерстью», и еще одного, неизвестного нам купца, вместе с мешком шерсти. Могилы других великих представителей этого братства можно найти в Линвуде, Сиренстере, в Чиппинг-Нортоне, Лехлейде, в Ол-Хэллоуз в Баркинге. Сейчас они покоятся с миром, но когда были живы, то относились к числу самых удачливых торговцев своего времени. Поэт Говер, вспоминая об источнике их богатств, восклицает:

О шерсть, благородная дама,
 Богиней купцов названа ты,
 Служить тебе всякий готов.

«О шерсть, благородная дама, ты богиня купцов, все они готовы служить тебе; одним ты даруешь удачу и богатство и поднимаешь очень высоко, других — уничтожаешь. Шерсть, с которой ты имеешь дело, всегда связана с мошенничеством и обманом, глубоко ранящими совесть. О шерсть, христиане, так же как и язычники, и сарацины, хотят владеть тобой и доверять тебе. О шерсть, мы промолчим о том, что ты творишь в нечистых руках;

ибо купцы всех стран во время мира и войны приходят за тобой по причине их великой любви, ибо всякий имеет врагов, а ты всегда имеешь верных друзей, которые поступают к тебе на службу, приносящую огромные доходы. Тебя ценят во всем мире, и страна, где ты родишься, может совершать великие дела благодаря тебе. Тебя развозят по всему миру по воде и по суше, но ты попадаешь только к самым богатым людям; в Англии ты рождаешься, но говорят, что тобой плохо управляют, ибо Обман, имеющий много денег, был сделан регентом сырой шерсти; по своей воле он отвезет тебя за границу, где продаст себе во благо, а нам — в ущерб. О светлая, о белая, о прекрасная шерсть, твои изгибы и уколы так хороши, что сердца тех, кто продает тебя, не могут устоять. И они изобретают разные уловки и трюки, чтобы завладеть тобой, а затем заставляют тебя пересекать пролив, королеву и даму своего флота, и, чтобы вызвать у других зависть и алчность, торопятся поскорее продать тебя» (из поэмы Говера «Зеркало человека»).

Повседневную жизнь торговцев шерстью воссоздать не так уж и трудно, частично потому, что золотое руно оставило в жизни англичан очень много следов, и частично потому, что книга государственных указов заполнена постановлениями, касающимися торговли шерстью, но главным образом потому, что до нас дошло много личных писем, посланных людьми, которые занимались перевозкой шерсти из Англии в Кале. Из всех видов источников, по которым можно проследить жизнь простых людей Средневековья, письма этих людей самые содержательные и увлекательные, поскольку в них живые люди предстают во всей своей индивидуальности. В XV веке большинство мужчин и женщин уже умели писать и читать, хотя правописание у них хромало на обе ноги и слова «церковь Святого Олава», с трудом выведенные гусиным пером, могли превратиться в «цирькоф Святого Головиса», да и знаки препинания они ставили где ни попадя. Но в чем тут проблема? Ведь все равно понятно, о чем

идет речь. К счастью, во многих английских архивах сохранилось несколько больших коллекций семейной переписки XV века. Самой лучшей является знаменитая Пастоновская коллекция, состоящая из писем, которые писали друг другу члены дворянской семьи из Норфолка и которые насыщены сведениями о политической жизни страны и повседневной жизни этой семьи. Менее интересным, но от этого не менее ценным является собрание писем Пламптонов, лордов из Йоркшира. Но для наших целей наибольший интерес представляют две другие коллекции, а именно письма семьи Стонор, чьи поместья находились в Оксфордшире и соседних графствах, и бумаги семьи Сели, хранившиеся в семье, принадлежавшей к Компании торговцев сырой шерстью.

Эти два собрания дают нам живую картину общественной и личной жизни купцов, торговавших шерстью. Письма Сели охватывают период с 1475 по 1488 год, и так получилось, что именно в этот период Вильям Стонор (в 1478 году он стал сэром Вильямом) тоже заинтересовался этой торговлей, ибо в 1475 году он женился на Элизабет Рич, дочери и вдове богатых торговцев шерстью. У Стоноров в их поместьях Чилтернс и Котсволд имелись большие отары овец, и Вильям быстро понял, какие возможности открывает для него союз с семьей Элизабет. Поэтому он стал партнером друга своей жены, торговца шерстью из Кале по имени Томас Бетсон, о котором и пойдет наш рассказ, и до самой смерти Элизабет в 1479 году поставлял на экспорт этот продукт. Томас Бетсон умер в 1486 году; он был современником других торговцев шерстью, Джорджа и Ричарда Сели, которых, вероятно, хорошо знал. И вправду, Вильям Сели, их кузен и агент, в 1481 году пишет из Лондона в Кале Джорджу, сообщая, что он отправил ему 464 овечьи шкуры на корабле «Томас» из Ньюхита, и «вышеназванные шкуры лежат на корме позади мачты под шкурами Томаса Бетсона». С помощью собрания «Письма и документы Стоноров», в котором содержатся многие письма, написанные Томасом Бетсоном, а также писем, в

которых речь идет о нем самом в годы его партнерства с сэром Вильямом, и «Документов Сели», полных сведений о жизни торговцев шерстью в Кале, Томас Бетсон предстает перед нами как живой. И он вполне заслуживает, чтобы о нем вспомнили, ибо он один из самых приятных людей XV века, о которых мы узнали из личной переписки. По своему обаянию он не имеет равных, за исключением красавицы Марджери Брюс, вышедшей замуж за Джона Пастона-младшего и производящей такое приятное впечатление на фоне тучных женщин семьи Пастон.

Быть может, Томас Бетсон сразу же располагает нас к себе, поскольку в первом же своем письме он говорит о своей любви. В этом письме, посланном Вильяму Стонору 12 апреля 1476 года, он сообщает, что их шерсть прибыла в Кале. «Милостивый государь, — начинает он свое послание, — кланяюсь вашей милости и достопочтенной госпоже вашей жене и если вы позволите, то и моей любимой Катерине». Через десять дней он снова пишет Стонору, на этот раз из Лондона, накануне отплытия в Кале. Он благодарит Стонора за его «поддержку и верную любовь, которую вы проявляете ко мне и которую я ничем не заслужил», и оповещает его о том, что послал ему подарок — соленых миног от себя и бочонок красного вина от своего брата, и заканчивает письмо такими словами: «Сэр, прошу вашу милость передать мой нижайший поклон досточтимой госпоже, вашей жене, и моей доброй кухне и нежно любимой Катерине Рич и умоляю вашу милость всегда любить ее и относиться к ней благосклонно». Кто же такая эта Катерина Рич, которой он передает поклоны в своих письмах? Катерина Рич была падчерицей Вильяма Стонора, одной из дочерей его жены от первого мужа. Они с Томасом Бетсоном были помолвлены, хотя в то время ей не было еще и тринадцати лет.

Современное общество, полагающее, что семья должна создаваться по любви, которую испытывают друг к другу взрослые люди, часто бывает шокировано, узнав о том, что в рыцарскую эпоху брачные союзы строились в основном

на расчете и во многих случаях взрослые мужчины женились на маленьких девочках, которые не вышли еще из подросткового возраста. В те дни считалось, что юноша вступает в брачный возраст, когда ему исполняется четырнадцать лет, а девушка — в двенадцать (эту разницу великий законник Линдвуд², сын торговца шерстью, объясняет тем, что сорняки растут гораздо быстрее!). Ради приобретения имущества, для прекращения семейной вражды или просто для обеспечения их будущего в Средние века часто обручали или даже женили детей, которые еще не вышли из колыбели. Церковь требовала только одного — чтобы дети, войдя в возраст (в четырнадцать и двенадцать лет), были свободными и могли расторгнуть помолвку, если она их не устраивала. Ничто так сильно не отделяет современную Англию от старых добрых времен, как дело малютки Грейс де Сейлби, которую в четырехлетнем возрасте выдали замуж за аристократа, который позарился на ее обширные земли. Через два года он умер, и ее выдали замуж за другого, а когда ей было одиннадцать, за третьего, который заплатил за нее триста марок. Узнав о подобных браках, не знаешь, плакать тут или смеяться. Джона Ригмардена, ставшего женихом в трехлетнем возрасте, священник отнес в церковь на руках и заставил повторять слова супружеской клятвы, но в середине службы малыш заявил, что не будет сегодня больше ничего заучивать, на что священник ответил ему: «Скажи еще несколько слов, а потом пойдешь играть». Джеймс Баллар, десяти лет, был обвенчан с Джейн, своей женой, «в десять часов вечера без согласия его друзей, среди которых находился сэр Роджер Блейки, в ту пору викарий Колна, и на следующее утро этот самый Джеймс заявил своему дяде, что вышеназванная Джейн (знатная дама, достигшая брачного возраста. — *Авт.*) дала ему два яблока, чтобы он пошел с ней в Колн и женился на ней». Элизабет Бридж, урожденная Рэмсботэм, говорит, что после ее венчания с Джоном Бриджем, которое произошло, когда ему было одиннадцать, а ей тринадцать лет, он не использовал ее «любовно, поскольку в первую брач-

ную ночь вышеназванный Джон не ел за ужином мяса, и, когда наступило время идти спать, вышеназванный Джон разрыдался и сказал, что хочет уйти со своим отцом домой, а остановились они тогда в доме ее брата».

Впрочем, иногда в средневековых документах находишь более приятные случаи женитьбы детей. Таков брак парижского домовладельца, описанный в его книге. Мы видим, как он любит свою жену, с какой добротой относится к ней и как сочувствует ее неопытности. Таковую же заботу и любовь мы находим в очаровательном письме Томаса Бетсона, которое он написал маленькой Катерине Рич в первый день июня 1476 года. Это письмо — настоящая жемчужина эпистолярного жанра, и странно, что никто из исследователей не обратил на него внимания, ибо, по нашему мнению, ни одна антология английских писем не может обойтись без этого послания. Я привожу его здесь полностью, ибо оно наполняет жизнью образы Томаса Бетсона и Катерины Рич:

«Моя дорогая, горячо любимая кузина Катерина, кланяюсь тебе со всем жаром своего сердца. Теперь ты поняла, что я получил посланный тобой подарок, и я испытывал и испытываю истинное удовольствие от него и принял его с радостью; и еще я получил письмо от Холейна, твоего доброго слуги, из которого я понял, что ты находишься в добром здравии и сердце у тебя исполнено счастья. И я горячо молю Бога, чтобы все продолжалось так и дальше, ибо для меня было большим утешением узнать, что он будет беречь тебя, так что помоги мне Иисус. И если ты всегда будешь есть мясо, ты начнешь поправляться и будешь быстро расти и превратишься во взрослую женщину, что сделает меня счастливейшим человеком в мире, даю тебе честное слово; ибо, когда я вспоминаю твое доброе отношение и грустную любовь ко мне, мне хочется утешить тебя, что я сделал бы с радостным сердцем, но с другой стороны, когда я вспоминаю, как ты еще мала, и хорошо знаю, что ты не хочешь есть мясо, которое сильно помогло бы тебе пополнеть, мысль

о том, что я не могу утешить тебя, снова сильно огорчает меня. И поэтому я молю тебя, моя милая кузина, если ты любишь меня, будь веселой и ешь мясо, как едят все женщины. И если ты будешь делать это ради моей любви, подумай, что бы ты хотела получить от меня, и что бы это ни было, даю тебе честное слово, что с помощью Господа нашего сделаю это, если это в моей власти.

Я не буду ничего тебе больше обещать, поскольку по возвращении домой я расскажу тебе гораздо больше о том, что между тобой, мной и Господом. И если ты, как настоящая женщина, любящая меня, будешь вспоминать обо мне и хвалить меня всякими разными способами, позволяя мне со всем благоразумием в то же самое время отклонять от себя эти похвалы, как мне больше всего нравится, ради твоего утешения, моя милая кузина, ты поймешь, что с добрым сердцем и доброй волей я приму только половину этих похвал и сохраню их в своей душе; а другую половину с нежной любовью и радостью отошлю тебе, моя милая кузина, чтобы опять же поддержать тебя; и вдобавок я пошлю тебе благословение, которое Богородица дала своему дорогому Сыну. Молю тебя, чтобы ты радостно приветствовала моего коня и попросила его отдать тебе четыре своих года, чтобы ты поскорее выросла; а я, вернувшись домой, отдам ему четыре своих года и четыре лошадиные буханки хлеба в благодарность. Скажи ему, что я молю его об этом. И, кузина Катерина, я благодарю тебя за него, ибо ты очень заботишься о нем, как мне сказали. Моя милая кузина, недавно мне сообщили, что, будучи в Кале, ты искала меня, но не смогла ни найти, ни увидеть меня, но если бы ты подошла к моему прилавку, то тут бы ты нашла и увидела меня и не пропустила бы меня; но ты искала меня не в том Кале, и ты должна была бы узнать получше, где находится нужное тебе Кале, а с тобой и те, кто был с тобой в твоём Кале*. Молю тебя, нежная кузина, замолви обо мне словечко перед часами, и попроси их изменить свое

* Может быть, это была гостиница с таким названием?

поведение, ибо они всегда бьют в совсем неподходящее время, и всегда будут бить так, а это меня не устраивает. Скажи им, что если они не изменят свою привычку, то покупатели начнут избегать и не будут больше приходить сюда. Сделай так, чтобы они изменились к моему приезду, а приеду я, с Божьей помощью, очень скоро, взяв ноги в руки. Моя верная кузина, я верю, что, хотя я и не передал поклоны моей высокочтимой госпоже, твоей матери, в начале моего письма, ты в своей доброте замолвишь обо мне словечко перед ее милостью столько раз, сколько тебе захочется, и ты можешь сказать, если это будет тебе приятно, что на следующую неделю после Троицы я собираюсь поехать на рынок. И я надеюсь, что ты будешь молиться обо мне; а я буду молиться о тебе и, быть может, не так хорошо, как ты. И Всемогущий Иисус сделает тебя доброй женщиной и дарует многие лета и долгую здоровую, добродетельную жизнь, себе на радость. В большом Кале, с этой стороны пролива, в первый день июня, когда все ушли обедать, а часы пробили девять, и все кричат и зовут меня: «Спускайся, спускайся сейчас же обедать!» — и какой ответ я им дам, ты давно уже знаешь.

Написанное твоим преданным кузеном, любящим тебя Томасом Бетсоном. Шлю тебе в подарок кольцо».

Закончив письмо, Томас Бетсон улыбнулся, поцеловал печать и написал адрес: «Моей верной и горячо любимой кузине Катерине Рич в Стоноре, прошу доставить это письмо как можно скорее».

С этого началась очаровательная переписка, в которой принимали участие три человека — Бетсон, Стонор и дама Элизабет Стонор. В их посланиях мило перемешаны семейные новости и деловые вопросы. Дама Элизабет и Бетсон были в прекрасных отношениях, поскольку они подружились задолго до ее второго брака. В Стоноре ему была отведена комната, и леди была так привязана к Томасу, что часто называла его «мой сын Стонор». Почти в каждом ее письме мужу содержатся сведения о нем — в одном она сообщает, что он уехал утром, на восьмичасовой лодке, и

Господь помогал ему, в другом — что от него вот уже восемь дней нет ни единой весточки, в третьем — что теперь он сообщил о том, какую цену нужно заплатить за сорок мешков котсволдской шерсти, что он хвалит товар сэру Вильяму, а в прошлый понедельник приехал домой. Иногда ему поручают деликатное дело поговорить с матерью дамы Элизабет, сложной по характеру старухой с ядовитым языком. «Награди ее, Господи, — писал Томас, хмурия брови, после одного из таких разговоров, — веселым выражением лица или отправь ее к миноритам!»*

После другого разговора он пишет даме Элизабет: «После того как я приехал в Лондон, я встретился с миледи вашей матерью, и, видит Бог, выражение ее лица обрадовало меня, и, пока я был у нее, мы довольно долго беседовали с ней. Она сообщила мне о своей старой «беде» и рассказала о размолвке с викарием, она сказала, что с тех пор он с ней не общается — так близко принял он к сердцу их ссору. Я снова отделался ничего не значащими фразами и ушел. Мне не доставляет радости общаться с ней. Она хорошая, веселая женщина, но вы об этом никогда не узнаете и не заметите этого, и в ней я не замечаю никаких ваших черт». Именно верному Бетсону поручили присматривать за маленькой сестрой Катерины Анной, когда она заболела в Лондоне, и он пишет домой, прося прислать ей одежду: «Бог знает, как она в ней нуждается», — и жалуется на поведение старой бабушки: «Когда миледи ваша мать встречается с моей кузиной Анной, она говорит только одно: «Благослови вас и меня Бог» — и уходит, словно она не рада ее видеть». Именно Бетсон сопровождал даму Элизабет, когда в этом возникла необходимость, из Виндзора в Лондон и писал ее мужу: «Кстати, нам очень весело, благодарение Богу, и, если будет на то его милость, мы собираемся веселиться весь сезон, который миледи проведет здесь, а когда вы, ваша

* Монастырь минориток, или францисканских монахинь, находившийся за воротами Олтгейт.

светлость, будете готовы присоединиться к нам, мы устроим вам такой прием, что вы, милостью Божьей, не будете жалеть о том, что вас не было в этот сезон с нами». Когда же сэр Вильям, чтобы им было еще веселее, послал им в подарок каплунов, Бетсон пишет: «Сэр, я взял двух каплунов, но они были не самыми лучшими, хотя вы советовали мне в своем письме взять самых лучших, и должен сказать, что я был не сильно огорчен. Миледи ваша жена довольно упитанна, благодаря Богу, и она поступила в этом случае так, как поступает всегда».

В письмах мы находим множество подтверждений тому, что Бетсон был сильно привязан к Стонорам и что он был очень набожен. Иногда он осмеливается даже давать им советы. Даме Элизабет превращение из жены буржуа в сельскую помещицу несколько вскружило голову, и она стала вести себя экстравагантно, а ее муж не всегда был честен в делах. Мы знаем, что пивовар и пекарь ежедневно заходили к его агенту, требуя выплаты положенных им денег, а однажды Стоноры задолжали более двенадцати фунтов родному брату Бетсона, виноторговцу, поставившему им несколько бочонков красного и белого вина и большую бочку ромейского (греческого) вина. Поэтому Томас, по дороге на рынок, пишет даме Элизабет: «Наш благословенный Господь Иисус Христос хранит вашу честь и добродетель, чтобы вы и дальше пребывали в милости у Бога и получали от него добрые и полезные советы и благословение во всех ваших делах. Я молюсь и буду молиться об этом каждый день; клянусь, что забота о вашей чести и преклонении перед вами всегда будут занимать главное место в моем сердце и в сердцах ваших друзей и других людей, окружающих вас, и надеюсь, что благословенный Господь поможет мне в этом. Я хочу посоветовать вам, мадам, и моему господину, вашему мужу, помнить о больших тратах и опасаться их; вы хорошо сделаете, если напомните ему о его тратах, совершенных по различным причинам, о которых вы оба хорошо знаете. Пусть же наш благословенный Господь успокоит вас и поможет вам во всех ваших добрых

начинаниях. Аминь». Месяц спустя он узнал, что Вильям Стонор заболел, и с сочувствием пишет даме Элизабет: «Если бы я мог сделать что-нибудь, чтобы порадовать его и вас тоже, я непременно сделал бы. Воистину вашей горе — мое горе, и Богу это хорошо известно. Тем не менее вашей милости следует развлекать его и поднимать ему настроение, заставить его отбросить все черные мысли и опасения, от которых ему станет не лучше, а только хуже. Человек может навредить себе, если будет гневаться, — об этом следует помнить».

А как же маленькая Катерина Рич? Ее имя часто встречается в письмах Томаса Бетсона. Один раз он даже рассердился на нее, поскольку она не любила писать. «Я сердит на Катерину, — пишет он ее матери, — поскольку она мне не пишет. Я писал ей несколько раз, но не получил ответа и очень рассержен этим; если ей трудно самой написать мне, пусть наймет себе секретаря, а если не сделает этого, то я тоже не буду отвечать на ее письма». Но дело было в другом — хотя она и росла, но недостаточно быстро, по мнению любящего ее Томаса. В воскресенье на Троицу 1478 года он пишет даме Элизабет: «Я часто вспоминаю о ней, Бог тому свидетель. Однажды мне приснилось, что ей миновало уже тридцать зим, и, когда я проснулся, мне захотелось, чтобы ей было уже двадцать, и мне больше понравилась моя мечта, чем мой сон, и я горячо молю Всемогущего Иисуса, чтобы она поскорее осуществилась, если будет на то его воля», а отчиму девочки он месяцем позже написал такие слова: «Прошу вас помнить о моей кузине Катерине. Я рад, что у нее все хорошо, и Бог знает об этом, и вы тоже; если бы я нашел ее дома, я был бы рад еще больше, но я благодарен Господу за все. Мне очень больно, я должен страдать, как порой страдал и раньше, и я буду страдать во имя Бога и во имя нее». Впрочем, теперь Катерине исполнилось уже пятнадцать лет, и она могла выйти за него замуж, и из следующего письма, написанного через неделю даме Элизабет, мы узнаем, что Томас Бетсон начал приводить в порядок свой дом и завел переговоры о

ее приданом, с помощью которого дама Элизабет, по видимому, надеялась обеспечить будущее своей дочери.

«Мадам, как я понял из вашего письма, это произойдет в самом конце августа, а ваша светлость собирается приехать сюда, в Лондон; и если это действительно так, то я буду очень огорчен, ибо мне нужно очень многое сделать, а я совсем не разбираюсь в этих делах (вероятно, в подготовке приданого. — *Авт.*)... Я должен просить вашу светлость дать мне [совет] о том, какие вещи должны принадлежать моей кухне Катерине и что я должен сделать для того, чтобы она их получила. У нее должны быть пояса, не менее трех, но я не знаю, кому заказать их, а также многие другие вещи, которые она должна иметь, вы хорошо знаете, что это за вещи, а я нет; но, клянусь богом, я хотел бы, чтобы они были изготовлены, сколько бы мне это ни стоило... Что же касается того, чтобы прислать сюда мою кухню Катерину, ваша светлость может поступать так, как ей заблагорассудится. Я надеюсь, она знает столько же, сколько и вы, и сможет сделать много хорошего, чтобы помочь мне во многих вещах, когда приедет... Вы также пишете мне, мадам, о том, как великодушно мой господин обращается с моей кухней Катериной и etc., поистине я очень рад этому и молю Бога сердечно отблагодарить его за это, ибо он всегда любил ее, и я прошу Бога, чтобы он продолжал ее любить, а Катерина всегда была достойна его любви, благодаря своему хорошему поведению и женскому расположению, ведь она всегда может поступать правильно, если захочет, и говорят, что все ее очень хвалят».

Нотка гордости в последних строках его письма столь же трогательна, как и нетерпение озабоченного мужчины, которому нужно выбрать пояса для невесты. Но еще более милое письмо он написал в тот же самый день сэру Вильяму Стонору. Он немного не в себе от радости и благодарности, огорчен, что дела не позволяют ему прибыть в Стонор, и передает всей семье пожелания здоровья. «Я живу, как загнанная лошадь, — пишет он. — Если я что-то начал, то не могу бросить, но снова наш благо-

словенный Господь поторопит вас и поможет вам». О Катерине он пишет вот что: «Я понял из письма вашей милости, как моя кузина Катерина относится к вам, к миледи вашей жене и всем другим etc.; и воистину мне радостно и приятно услышать это, и я молю нашего благословенного Господа, чтобы он сохранил ее добродетель и добрую жизнь к своей радости и отправил вашу светлость в рай после вашей кончины, ибо ваше доброе отношение к ней делает эту награду заслуженной. И если я увижу, что ее нрав не будет таким — добродетельным и добрым, то вспомню, что она еще так юна, и прошу ей... Сэр, ваша милость, запомните хорошо, что вы написали о моей кузине Катерине; когда я буду говорить с ней, то передам ей все слово в слово, если обнаружу, что она не соответствует вашему описанию. Наш викарий здесь, да поможет мне Бог, через десять недель или даже раньше объявит о нашем браке, и к тому времени я буду готов по всем пунктам, милостью Божьей, и надеюсь, что и она тоже, клянусь, что вы можете верить мне».

Это письмо было написано 28 июня 1478 года, а в августе или в сентябре Томас, вероятно, женился на своей маленькой Катерине, ибо дама Элизабет в письме своему мужу от 5 октября замечает: «Мой сын Бетсон и его жена кланяются вам». Бедное дитя вскоре узнало тяготы семейной жизни, ибо через год Томас Бетсон заболел опасной болезнью, и она ухаживала за ним и занималась всеми его делами, словно была не девушкой шестнадцати лет, а опытной матроной. Более того, в ту пору она уже, должно быть, ждала своего первого сына. Вильям Стонор относился к болезни своего партнера с некоторой иронией. Он разрывался между беспокойством за жизнь друга и еще большей тревогой, что Бетсон умрет, не уладив дела между ними. Мы узнали о болезни Бетсона и заботах Катерины из письма одного из агентов Стонора, посланного господину: «Сэр, согласно распоряжению вашей светлости, мы были в Степни к девяти часам; в это время, приехав туда, мы увидели нужного нам джентльмена, который приветство-

вал нас с радостью, непривычной для больного человека, ибо его поведение говорило о том, что он не жилец на этом свете, и мистрис Бевис и другие дамы и его дядя придерживаются того же мнения. И мы пожелали ему доброго здоровья и постарались успокоить его, как только могли, от вашего имени и от имени миледи, а потом вышли из его комнаты в холл, а он впал в беспамятство и стал сильно метаться. И в одиннадцать часов я вызвал его дядю, сидевшего у его постели, в общую комнату и спросил у него и у госпожи его жены отчета о том, сколько денег у него в наличии и что они делали в прошлом году и половину нынешнего. Что касается денег, он признал, что их было 1160 фунтов, а узнав, что вы обвинили его в том, что он задолжал вам и всем своим поставщикам, он сказал, что деньги будут выплачены. Что же касается затрат, то он ответит за них перед Богом или дьяволом, а книгу, в которой записано, что он приобрел у вас, никому не покажет, как не покажет и книгу, где он записывал то, что продавал вам, и обе эти книги будут его судьями. Они хранятся у госпожи его жены под замком, вместе с другими счетами и соответствующими документами, касающимися различных выплат, сделанных различными купцами, как заявил выше-названный лорд... Что касается столового серебра, то моя госпожа Джейн (вероятно, Джейн Рич, младшая сестра Катерины. — *Авт.*) и я потребовали отнести его наверх и установить в безопасном месте, на случай, если оно потребуется».

Он посылает сэру Вильяму гонца за сведениями о двух суммах, 80 фунтов каждая, которые Бетсон задолжал его господину и госпоже, и добавляет: «Надеюсь, что с помощью Иисуса он доживет до возвращения посланца, но сколько ему осталось жить, врач не знает. Душеприказчиками были назначены три человека: моя госпожа его жена, Хэмпфри Старки, лондонский регистратор, и Роберт Тейт, купец из Кале; тем не менее я посоветовал ему, когда мы были втроем — он, я и госпожа Джейн, — переписать завещание и сделать свою жену единственной душеприказ-

чицей. Послушает ли он моего совета, я сказать не могу, но я буду делать все, что в моих силах, милостью Божьей».

Человек еще жив, а кредиторы уже слетелись, словно коршуны, к его смертному ложу. Весьма неожиданный поворот событий, ибо Бетсон всегда был очень привязан к Стонорам и предан их интересам, а кроме того, был теперь зятем миледи. Попытка сделать молодую жену, девушку шестнадцати лет, единственной исполнительницей его воли, привела бы к тому, что она оказалась бы полностью в руках своей семьи без совета двух опытных купцов, не имевших в этом деле никаких личных интересов. Все это весьма дурно пахнет. Но интрига продолжается, и три дня спустя агент снова пишет Стонору. Приятно отметить, что старая сварливая мистрис Кроук, мать дамы Элизабет, не забыла о добром отношении к ней Бетсона во время его визитов, когда ему приходилось терпеть уколы ее острого языка.

«Что касается здешних событий, то, слава Богу, все, кажется, будет хорошо. В четверг в Степни приехала миледи Кроук и привезла с собой мастера Бринкли, чтобы тот осмотрел Бетсона, который очень сильно болен; уезжая, он дал ему пластыри для прикладывания к голове, к животу и желудку, чтобы ночью он мог спокойно спать. И он снова приезжал в пятницу... и увидел, что ему стало лучше, о чем говорили все люди, окружавшие его. Тем не менее врач еще не может сказать, выживет ли он или умрет, но он сделает все, чтобы он прожил до полудня во вторник, после чего уже точно будет знать, чем кончится дело. Я пишу вам по причине того, что я еще ни в чем не уверен. Сэр, с тех пор как я и мистрис Джейн приехали сюда, здесь плелись тайные интриги в противовес тому, ради чего мы сюда явились. Я пока еще не могу написать об этом открыто, ибо моя госпожа Бетсон ухаживает за мужем, оставив все дела и не слушая ничьих советов, уверяет свою судьбу вам, остается верной вам и миледи, более того, если он расстанется с жизнью, она сообщит нам об этом как можно скорее. И умрет ли он или выживет,

необходимо и желательно, чтобы мистрис Джейн не расставалась с ней [до того времени], когда станет окончательно ясно, ибо, по правде говоря, разные люди, с которыми вы и миледи встретитесь после смерти Бетсона, пытались и будут пытаться склонить ее на свою сторону, если мы не приедем сюда вовремя. А мистрис Джейн заслуживает всяческих похвал».

Однако все эти происки оказались напрасными, ибо Бетсон выжил. 10 октября «подмастерье» Хенэм пишет: «Моему хозяину Бетсону, благодарение Иисусу, стало гораздо лучше, и теперь, вне всякого сомнения, его болезнь позади и он идет на поправку, и врачи уже больше не приходят, ибо он в них не нуждается». Но вскоре смерть другого человека разрушила тесные отношения между Томасом Бетсоном и Стонорами — в конце года умерла добрая, экстравагантная, любящая дама Элизабет. Удивительно, но ее смерть положила конец деловому партнерству ее мужа и зятя. Теперь в документах Стоноров лишь изредка упоминаются долги Томаса Стонору: вне всякого сомнения, он купил долю сэра Вильяма в их совместном предприятии. 10 марта 1480 года он признает, что должен Стонору 2835 фунтов и 9 шиллингов, а в 1482 году его долг все еще составлял 1200 фунтов. Трудно понять, почему тесная личная дружба и деловое партнерство так неожиданно закончились. Но, как отмечает редактор «Писем Стонора»: «Искренность и честность бетсоновского характера, о которых свидетельствуют его письма, не позволяет нам предположить, что во всем виноват он один».

Такова история личной жизни Томаса Бетсона, но она почти ничего не говорит нам о той большой компании, к которой он принадлежал (за исключением отдельных упоминаний о Компании торговцев шерстью или о ценах на котсволдскую шерсть), а поскольку Томас представляет собой типичного торговца шерстью, мы должны теперь рассказать о его общественной и деловой жизни и попытаться найти непосредственные свидетельства того, как купцы этой компании осуществляли свою торговлю. Торговец шерстью,

чтобы иметь прибыль, должен был заниматься двумя вещами и уделять им одинаковое внимание: во-первых, скупать шерсть у английских производителей, а во-вторых — продавать ее иностранным купцам. В Котсволде производили один из самых качественных видов шерсти в Англии, и члены компании стремились закупать в первую очередь ее — либо после большой летней стрижки, либо в виде овечьих шкур после осеннего забоя овец. Поэтому прекрасным майским днем Томас Бетсон ехал в Глостершир, усевшись на своего доброго коня, вдыхая запах цветущего боярышника. Другие скупщики забирались еще дальше — в долины Йоркшира, где торговались с цистерцианскими аббатами за шерсть, настриженную с их огромных овечьих отар, но он и Сели были верны котсволдской шерсти и овечьим шкурам. (В июле одного года он отправил в Лондон 2348 таких шкур «от имени рыцаря сэра Вильяма Стонора и Томаса Бетсона на судне «Иисус» из Лондона, капитаном которого, по воле Бога, был Джон Лолингтон».)

Самые крупные закупки производились в мае, и все торговцы и скупщики шерсти собирались на ярмарке в Нортличе. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в Нортлической церкви сохранилось много купеческих надгробий, ибо они часто приходили сюда помолиться, а вся деревня гудела от голосов покупателей и продавцов, обменивающихся заказами и проверяющими качество шерсти. Сели покупали шерсть в основном у двух нортлических производителей — у Вильяма Мидвинтера и Джона Буше. Отношения между производителями и скупщиками часто были очень тесными и приятельскими: Мидвинтер порой даже пытался сосватать своему покупателю невесту в дополнение к шерсти, а девушки, желавшие выйти замуж, не прочь были покрасоваться перед купцами, когда те собирались в гостинице, чтобы распить галлон вина и повеселиться. Мидвинтер очень сердился, если его счета долгое время оставались неоплаченными, но его можно понять. Томас Бетсон предпочитал покупать шкуры у Роберта Тербота из Ламбертона и Джона Тейта из Уайта (еще одной

знаменитой деревни, где производили шерсть), и у Джона Элмеса, купца из Хенли, хорошо известного Стонорам. Мидвинтер, Буше и Элмес были хорошими дельцами, или «бrogгерами» — то есть перекупщиками, которые скупали шерсть у крестьян, выращивавших овец, и продавали ее купцам, но купцы часто имели дело и непосредственно с самими крестьянами, покупая шерсть у бедняков и у богатых фермеров.

Из этих ежегодных визитов вырастала тесная дружба, и крестьяне Йоркшира и Котсволдской долины с нетерпением ждали, когда же приедут их друзья и купят у них шерсть. Приятно читать в завещании Ричарда Рассела, купца из Йорка, распоряжение «распределить среди фермеров Йоркской округи, у которых я покупал шерсть, 20 фунтов, и 10 фунтов таким же самым образом между фермерами Линдшея» (1435 год)³.

В «Собрании документов Сели» можно найти массу сведений о закупке шерсти в Нортличе. В мае того года, когда закончилось деловое партнерство Бетсона и Стонора, старший Ричард Сели приехал в Нортлич покупать товар и писал об этом своему сыну, «Джорджу Сели в Кале»: «Сердечно приветствую тебя, я получил твое письмо, написанное в Кале в 13-й день мая (1480 года. — *Авт.*), из коего письма я понял, что ты находишься на рынке и что Джон Дестермер и Джон Андербей решили приобрести нашу шерсть. Поэтому, с Божьей помощью, я погрузил на корабль вышеупомянутые 29 мешков, купленных мною у Вильяма Мидвинтера в Нортличе, 26 мешков прекрасной шерсти, как уверил меня упаковщик Уил Бретен, и 3 мешка прекрасной шерсти, проданной мне ректором. Эта шерсть гораздо лучше, чем та, которую я отправил в прошлом году перед Пасхой. В Лондоне уже вывозят шерсть за границу, но я еще не отправил ни одного мешка, а отправлю после святых дней. Для перевозки этой шерсти я оплачу наем судна и другие расходы. В этот самый день твой брат Ричард Сели приехал сюда, в Нортлич, чтобы увидеть меня и передать привет мне и забрать другой привет — тебе».

В другой раз он пишет: «В своем письме ты пишешь, чтобы я покупал шерсть в Котсволде и что я получу от Джона Сели весь его сбор в 30 мешков, а от Уилла Мидвинтера из Нортлича — 40 мешков. И мне советуют больше не покупать; шерсть в Котсволде стоит очень дорого, 13 шиллингов 40 пенсов за *тод* (12,7 кг. — *Авт.*), и за семь лет в Котсволд не съезжалось столько скупщиков, сколько в этом году». Можно представить себе всех этих купцов, трусящих по дороге на своих конях и одетых так, как писал Чосер:

Купец с ним ехал, подбоченясь фертом,
Напялив много пестрого добра.
Носил он шапку фландрского бобра
И сапоги с наборным ремешком
Да бороду. Он толковал о том,
Как получать, как сберегать доходы.

В Нортличе Бетсон часто встречался со своими братьями по гильдии: с упомянутым уже старым купцом Ричардом Сели и его сыном Джорджем, который ездил, посадив себе на руку своего сокола по имени Мег. У него был конь по кличке Байярд и другой — Пай. Быть может, встречал Бетсон и Джона Бартона, гордого торговца, который на витраже своего дома нацарапал такие слова:

Благодарю я Бога, вечно буду благодарен,
За то, что все оплатит мне овца... —

хотя навряд ли он забирался так далеко, чтобы купить шерсть. Иногда на дороге Бетсону попадались его соперники — грузные самоуверенные фламандцы и худые юркие ломбардцы с черными глазами, очень любившие жестикулировать, которым путь в Котсволд был заказан — они имели право закупать шерсть только на рынке в Кале. Но они нарушали это правило, являясь в Англию, и все англичане были злы на них за это, а еще сильнее их сердило то, что ломбардцы были очень удачливы в торговле. «Я еще не упаковал свою шерсть в Лондоне, — пишет старый Ричард Сели 29 октября 1480 года, — не купил я в этом году ни кусочка шерсти, ибо вся шерсть

Котсволда была скуплена ломбардцами, поэтому мне не надо торопиться с упаковкой шерсти в Лондоне». 16 ноября его сын пишет ему из Кале: «В Кале почти нет котсволдской шерсти — очевидно, ломбардцы скупили ее всю в Англии». Это верно, что Сели, как и другие английские купцы, не прочь были время от времени заключать частные сделки с иностранными скупщиками шерсти в Англии. Спустя два года их агент, Вильям Сели, писал им, что два фламандских купца пытаются закупить шерсть в Англии, нарушая указ, обманув власти в Кале, поэтому его хозяева «должны держать ухо востро и заставить Вилликина и Петера Бале заплатить в Кале, сделав при этом вид, что ничего об этом не знают, и не допустить, чтобы книги Петера Бале подверглись досмотру». Прямодушный Бетсон конечно же до таких трюков не опускался, и в особенности не любил умных, но наглых ломбардцев, знавших все уловки и обводивших английских купцов вокруг пальца — разве они не покупали в Англии шерсть в долг, разъезжая по всей стране, а не только в окрестностях Котсволда?

В Котсволд они приезжают,
Повсюду шерсть покупают,
Нахальства и денег у них очень много,
И ловко купца обставляют любого.

После этого они привозили эту шерсть во Фландрию и продавали за наличные с потерей пяти процентов, а потом ссужали эти деньги под большие проценты, в основном английским же купцам, поэтому, когда в Англии наступал день расплаты, они получали огромную прибыль.

И они — хоть и верится в это с трудом,
Утирают нам нос нашим же рукавом.
Поговорка у них родилась, и обидно,
Что мы все соответствуем ей, очевидно.

Другим очень важным делом Томаса Бетсона была упаковка и отправка шерсти в Кале. В этом деле он был опутан многочисленными ограничениями компании и короны, которые были направлены на борьбу с мошенничеством во

время упаковки и описания шерсти. Шерсть должна была быть упакована в том графстве, где она была произведена, причем существовали строгие правила, предписывавшие удалять из нее волосы, мусор и землю. Чиновники, работавшие по заданию компании в разных районах страны и приносившие присягу перед ее казначеем, разъезжали по деревням и ставили печать на каждый мешок, чтобы его нельзя было вскрыть, не повредив этой печати. Затем огромные тюки на вьючных лошадях везли «по древним дорогам через Уилтширскую и Хэмпширскую низины, которыми пользовались еще до римского завоевания, а отсюда — через Сарри и Кент в медвейские порты по Дороге пилигримов». В разных портах сборщики пошлины вписывали в свои свитки имена купцов, грузивших шерсть на корабли, а также указывали, какое количество и какого качества шерсть посылает в Кале каждый купец. Часть шерсти отвозилась в Лондон, где многие торговцы имели конторы на Марк-Лейн (искаженное Март-Лейн — Рыночный проезд). В Лиденхолле ее взвешивали и определяли, какого размера пошлину и налог должен заплатить владелец этой шерсти. Здесь Томасу Бетсону помогали три «подмастерья» Стонора, как они себя называли: Томас Хенэм, Годдард Оксбридж и Томас Хаулейк. Последнего Бетсон очень любил, ибо молодой человек всегда был добр к маленькой Катерине Рич. Эти люди иногда работали в лондонском складе Стоноров, а иногда — в их доме в Кале, избавляя Бетсона от многих проблем, ибо обладали большим опытом и могли проследить за упаковкой шерсти в Лондоне и продажей ее в Кале.

Упакованная, взвешенная, маркированная и оцененная офицером таможни шерсть отвозилась на кораблях либо непосредственно в Кале, либо в небольшие портовые города на восточном и юго-восточном побережье Англии, многие из которых сейчас превратились в небольшие деревушки. Корабли уходили не только из Гулля и Колчестера, но и из Брайтлингси, Ротерхита, Волберсвика в Саффолке, Рейнэма в Эссексе, Брэдвелла, Мейдстоуна,

Милтона, Ньюхита и Милхола. В августе 1478 года Сели платили капитанам двадцати одного судна за перевозку шерсти летней стрижки. Суда возили шерсть через пролив все лето и осень, до самого Рождества, в зимние же месяцы торговцы в основном отправляли на континент шкуры овец и крупного рогатого скота, после большого забоя, происходившего в Мартынов день (11 ноября), когда домашние хозяйки солили на зиму мясо, а фермеры поставляли купцам шкуры, которые были заказаны загодя. Во многих письмах торговцев и таможенных отчетах мы находим названия этих бесстрашных суденышек и описание их грузов. В октябре 1481 года, например, Сели перевозили на них партию шкур: «Милостивый государь, низко кланяюсь вам и спешу сообщить, что мои капитаны отвезли в октябре шкуры в Лондонский порт... вы должны получить эти шкуры и заплатить за их доставку сначала, с Божьей помощью, капитану корабля «Мери» из Лондона, Вильяму Сордивейлу, за семь связок, в целом 2800 шкур, лежащих позади мачты на корме, одна связка лежит поверх остальных и некоторые шкуры из этой связки относятся к летним шкурам и помечены буквой «О». Затем лежат три связки Вильяма Дэлтона, а под ними лежат шесть связок моих хозяев. Далее — капитану «Кристофера» из Рейнэма, Генри Уилкинсу, за семь с половиной связок котсволдских шкур, всего три тысячи шкур, лежащих на корме за мачтой, а под ними лежат двести шкур Вильяма Линдиса из Норт-Гемптона, и разделяются они тонкими шнурками. Далее, капитану «Томаса» из Мейдстоуна, Гарри Лоусону, за шесть связок, всего две тысячи четыреста шкур, из которых пять связок лежат перед мачтой в трюме, и поверх них — ничего, а одна связка лежит на корме под чехлом, из шести связок некоторые содержат летние шкуры, они помечены буквой «О», как и на предыдущем корабле. Далее, капитану «Мери Грейс» из Лондона, Джону Локингтону, за шесть связок, всего две тысячи четыреста шкур, которые лежат на корме под связками Томаса Гронждера и разделены красным. Всего мой хозяин перевез в этот раз двадцать

шесть с половиной связок, из которых пятьсот шестьдесят одна шкура — зимняя, и они помечены буквой «С», а летних шкур должно быть шестьсот и более, но часть из них осталась, поскольку у нас уже есть два тюка, на которые не поступили заказы, и все летние шкуры помечены буквой «О». И еще, сэр, «Мери» из Рейнэма, где капитаном Джон Дениэл, привезет вам чемодан с вашим платьем и эссекский сыр, помеченный знаком моего хозяина».

И так далее, с подробным перечислением шкур, привезенных на кораблях «Майкл» из Гулля и «Томас» из Ньюхита, где они «лежат рядом с мачтой на корме под шкурами Томаса Бетсона», — всего одиннадцать тысяч шкур.

Надо сказать, что список судов впечатляет. Грузы — одна из самых интересных тем для рассказа, будь то обезьянки, слоновая кость, павлины или «дешевые оловянные подносы», а с тех пор, как Ясон отправился в Колхиду, самым романтическим грузом стало руно. А как колоритны эти просоленные насквозь шкиперы: Генри Уилкинс, капитан «Кристофера» из Рейнэма, Джон Лолингтон, капитан «Иисуса» из Лондона, Роберт Ивен, капитан «Томаса» из Ньюхита и все остальные! Легко себе представить, как они машут рукой своим женам и возлюбленным, выходя под парусами из маленьких бухточек, вода которых сверкает на солнце, уложив мешки с шерстью на корме или в трюм, и каждый вполне мог быть уверен, что Чосер посвятил эти строчки именно ему:

И, в ремесле своем большой мастак,
Знал все течения, любой маяк
Мог различить, и отмель, и утес.
Еще ни разу с курса не отнес
Отлив его; он твердо в гавань правил
И лоцию сам для себя составил.
Корабль он вел без карт и без промера
От Готланда до мыса Финистера,
Все камни знал бретонских берегов,
Все входы бухт испанских и портов.
Немало бурь в пути его встречало
И выцветшую бороду трепало;
От Гулля и до самой Картахены
Все знали капитана «Маделены».

Эти суденышки, без сомнения, были такими же, как «Маргарет Сели», которую приобрели братья Сели и назвали в честь своей матери. Она досталась им по дешевке — всего за двадцать восемь фунтов, не считая установки такелажа. В состав команды входили капитан, боцман, кок и шестнадцать веселых матросов, которые внимательно следили, не покажутся ли пираты, для отпора которым у них была припасена пушка, несколько луков и алебард, пять дюжин дротиков и двенадцать фунтов пороху! Она перевозила соленую рыбу, хлеб, пшеницу и пиво, и с ее помощью братья Сели осуществляли свою торговлю с Зеландией, Фландрией и Бордо. Ее водоизмещение было, вероятно, около двухсот тонн, а некоторые другие суда были еще меньше, ибо, как сообщает нам всезнающий редактор «Документов Сели», «водоизмещение судов небольших медвейских портов вряд ли превышало тридцать тонн, что позволяло им подниматься вверх по рекам, а «Томас» из Мейдстоуна, скорее всего, был просто большой лодкой, поскольку мог проходить под Эйлесфордским мостом». Но эти суда переплывали Ла-Манш и успешно отбивались от пиратов, хотя Томас Бетсон в Кале часто нервничал — прибудет ли благополучно флотилия с шерстью. Подобно купцу Чосера,

Он требовал, чтоб охраняли воды
В пути из Миддлбурга в Оруэлл.

Стоя рядом с Джорждем или Ричардом Сели, он напряженно вглядывался в море, а соленый ветер развевал перо на его шляпе; он вздыхал с облегчением и возносил хвалу Господу, завидев вдали корабли. «Сэр, — писал он однажды из Лондона Стонору, — слава Богу, я узнал, что наша шерсть прибыла... в Кале. Я не хотел писать вам, надеясь приехать сам, но, поскольку это хорошая новость, я не решился скрыть ее от вас, ибо ваша милость будет рада получить это известие, ведь, по правде говоря, я и сам рад и сердечно благодарю Бога за это». «Подмастерье» Томас Хенэм три недели спустя пишет похожее письмо: «Я выехал

из Сэндвича в 11-й день апреля и прибыл в Кале в четверг на Масленной неделе с кораблями, перевозившими шерсть, слава Иисусу, доставил вашу шерсть благополучно. Более того, сэр, спешу обрадовать вашу милость, что я доставил шерсть целиком и в хорошем состоянии, как и все остальные капитаны судов. Более того, спешу обрадовать вашу милость, что к Пасхе вся шерсть была свезена на склад. Далее, сэр, спешу обрадовать вашу милость, что шкипер остался доволен платой за свою работу». Сели пишут в таком же духе: «Сегодня, в 16-й день апреля, суда с шерстью, вышедшие из Лондона и Ипсвича, благодарение Богу, благополучно прибыли в Кале и в этот же день были частично разгружены, причем шерсть находится в приличном состоянии, слава Богу». Эти письма сообщают нам о тех опасностях, которым подвергался товар. «Молю Бога, чтобы ты благополучно и как можно быстрее добрался сюда, — пишет Ричард своему «любимому брату Джорджу» 6 июня 1482 года. — За Робертом Эриком между Кале и Дувром погнались шотландцы. Он еле сумел выскользнуть из их рук». В документах отмечается много таких погонь. Мы узнаем также о сгоревшей в трюмах или смытой во время шторма за борт шерсти⁴.

Томас Бетсон и Сели очень часто пересекали Ла-Манш на судах, которые перевозили пассажиров и почту, и в Кале они чувствовали себя так же уверенно, как и дома, в Лондоне. В Кале английским купцам не разрешалось жить, где им захочется, в любом районе города. У компании имелся список хозяев, в домах которых они должны были останавливаться. Обычно у одного хозяина проживало несколько человек, и самые богатые, удачливые и почитаемые купцы обедали за главным столом, а всякая мелкая сошка — за боковыми. Иногда купцы и хозяева не сходились в условиях оплаты, и Вильям Сели однажды отправил Ричарду и Джорджу Сели домой, в Лондон, такое письмо: «Далее, сэр, спешу сообщить вам, что купцы не смогли договориться с нашим хозяином, Томасом Гронджером, о цене за проживание и стол, ибо Томас

Гронджер сразу же по нашем прибытии к нему в дом обещал брать с нас не более 3 шиллингов 4 пенсов в неделю за главный стол и 2 шиллинга 6 пенсов — за боковой, а теперь он говорит, что желает получать не меньше 4 шиллингов в неделю за главный стол и 40 пенсов — за боковой, поэтому члены гильдии решили переехать в другие дома — одни в одно место, другие — в другое. Вильям Дэлтон будет жить у Роберта Торни, а Ральф Темингтон и человек господина Брауна из Стэмфорда — у Томаса Кларка, и все братья уже съехали, кроме меня, а я решил сообщить об этом вашей светлости, чтобы вы указали, как мне лучше поступить».

Но Томас Бетсон никогда не уходил от своих хозяев, которые могли пожаловаться только на то, что он слишком долго сидит за своими любовными письмами и опаздывает к обеду.

В Кале у него было много дел. Во-первых, после того, как шерсть сгружали, ее осматривали королевские таможенники, проверяя, правильно ли она отмаркирована, затем умелые упаковщики таможи распаковывали мешки, проверяли качество шерсти и снова запаковывали ее. Это был очень тревожный момент для тех торговцев, которые подкладывали в некоторые мешки шерсть низкого качества. Честный Бетсон, и мы в этом не сомневаемся, никогда не опускался до такого мошенничества, а вот братьям Сели были хорошо знакомы все уловки, помогавшие обмануть таможенников. Однажды, когда лейтенант в Кале отложил для проверки мешок № 24, в котором, как было известно их агенту, Вильяму Сели, лежала низкосортная шерсть, он тайно подменил этот мешок другим, содержащим хорошую шерсть, поменяв этикетки с номерами. И вскоре он мог написать домой: «Ваша шерсть была оценена по мешку, который я положил последним». Неудивительно, что Говер писал, что торговлей шерстью правит Обман.

После этого надо было уплатить мэру и компании пошлину и налог, которые они собирали в пользу короля.

А потом купцы принимались за свое основное дело — продажу шерсти. Томас Бетсон конечно же старался сбыть ее как можно скорее, сразу же после прибытия судов, но иногда торговля шла вяло, и товар не удавалось продать в течение нескольких месяцев. Шерсть летней стрижки, привезенную в Кале до февраля следующего года или в самом феврале и оставшуюся непроданной до 6 апреля, считали уже старой, и Компания торговцев шерстью заставляла иностранных купцов приобретать на три мешка новой шерсти один мешок старой, и, хотя фламандцы ворчали и требовали, чтобы им продавали один мешок старой на пять мешков новой, им все-таки приходилось подчиняться требованию компании. Много шерсти Бетсон продавал на рынке в самом Кале, где встречался с уважаемыми купцами из Фландрии, которые являлись наследниками старых фамилий и владели своими собственными поместьями, и купцами из простого народа, приезжавшими из Дельфта и Лейдена, а также со скупщиками из солнечной Флоренции, Генуи и Венеции. Среди наиболее уважаемых покупателей Стоноров и Сели (ибо они упоминаются в письмах обоих этих семейств) были Петер и Даниэль ван де Раде из Брюгге. Однажды Томас Хаулейк сообщает о том, что продал им более пятидесяти тюков прекрасной котсволдской шерсти по 19 марок за тюк, сбавив цену за четыре с половиной *клова* (клов равен 3 кг 175 г) в тюке № 52, и добавляет: «Сэр, спешу сообщить вам, что означенные купцы приобрели вашу шерсть; они лучше всех, кто приезжает из Фландрии, поэтому я отдал им предпочтение и предоставил более длительную отсрочку».

Английские купцы, однако, продавали шерсть не только в Кале, но ездили и на крупные ярмарки, проводившиеся в Антверпене, Брюгге и других городах Фландрии. «Томас Бетсон, — пишет Хенэм своему хозяину, — приехал в Кале в последний день апреля и в первый день мая в добром здравии отправился на ярмарку в Брюгге».

Как-то раз собрался
Купец тот в Брюгге, где намеревался
Товаров закупить.

Только, в отличие от чосеровского купца, Бетсон намеревался не купить, а продать товар. Он пишет сэру Вильяму: «Хочу сообщить вам, что на Троицу я, благодарение Богу, прибыл в Кале, благополучно переплыв пролив и, сэр, с Божьей помощью, собираюсь в следующую пятницу отправиться на ярмарку. Молю Бога, чтобы он хранил меня в дороге и помог мне во всех моих делах. И, сэр, надеясь на милость Божию, если дела пойдут хорошо, я сделаю все, чтобы принести прибыль и вам, и себе. Пока сюда приехало совсем немного купцов, позже, с Божьей помощью, придут и другие. Когда начнется сезон, я не буду терять времени, обещаю вам... И, сэр, вернувшись с ярмарки, я пришлю вам письмо о том, как, милостью Божьей, обстоят дела». На ярмарках Томас Бетсон встречал купцов со всей Европы, хотя очень часто политические неурядицы делали дороги опасными, а торговцы подвергались риску быть ограбленными. Английских купцов обычно считали самыми лучшими продавцами и покупателями на ярмарках Брабанта и Фландрии, хотя фламандцы иногда жаловались, что Компания торговцев шерстью издавала указы, разрешавшие своим членам делать закупки только в самый последний день, из-за чего фламандцы, хотевшие поскорее собраться и уехать, вынуждены были спускать свой товар по дешевке. Автор «Пасквиля на английскую политику» с гордостью пишет об отношении к англичанам на фламандских ярмарках:

Но голландцы в Кале наши шкуры скупают,
Да и шерсть поскорее купить норовят.
На брабантских торгах очень нас уважают,
Наши ткани прекрасны — так все говорят,
Славят наши шелка и товары для дам.
А на ярмарки (так называют торги) —
Тут уж в оба смотри, кошельки береги —
Приезжают купцы изо всех в мире стран:
Из Испании, Франции и Каталонии,

Из Шотландии, Генуи и из Гаскони,
Из Ирландии, Англии и из Ломбардии
Приезжает в Брабант вся торговая гвардия.
И в Зеландии, Фландрии видел я сам
Расторопных, умелых купцов-англичан.
Нужных в доме товаров нигде и никто
Больше них не закупит себе ни за что.
И слышал я такие слова, что не будь
Англичан на торгах, то никто бы не смог
Распродать свой товар, ибо только у них
Кошельки нараспашку, и только они
Покупают вещей больше всех остальных.

Ярмарки проводились в самое разное время и в разных местах, но в течение года было четыре крупные ярмарки, каждая — в свой сезон. Зимой устраивалась Холодная ярмарка, на которую Томас Бетсон ехал, укутавшись в меха, а копыта его коня звонко цокали по замерзшей дороге; весной устраивалась Пасхальная ярмарка, когда он весело навсвистывал и прикреплял к своей шляпе цветок фиалки; летом — Ивановская ярмарка, которую приурочивали к Иванову дню. Когда Томас ехал на нее, то страдал от жары и вытирал взмокший от пота лоб. Отсюда он привозил Катерине отрез темно-желтого атласа или шелка из Лукки, купленный в генуэзской лавке Антверпена. Была еще ярмарка Святого Бамиса (28 октября), приуроченная ко Дню святого Рени, которого фламандцы называли святым Бамисом. Здесь он покупал для жены шубу из норки или овчины или ганзейскую черную накидку из прекрасных кружев в лавке Ганзейского союза в Брюгге. На этих ярмарках английские купцы, переезжавшие с места на место в поисках покупателей для своей шерсти, оказывали сотни небольших услуг своим друзьям, ибо домашние думали, что купцы существуют только для того, чтобы выполнять их поручения и привозить им подарки. Один заказывал лувенские перчатки, другой — сахарную голову, третий — бочонок гасконского вина («оно там обойдется тебе гораздо дешевле, мой дорогой»), четвертый — ярд или два голландского сукна. Все с радостью принимали в подарок шафран и имбирь, которые можно было купить у венеци-

анцев (Сели называли их «венисианами»). И конечно же нужно было сделать покупки и для своего бизнеса — веревки для обвязывания шкур, производимые в Кале, и холст из Арраса, Бретани или Нормандии, из которого шили мешки. Что касается Сели, то Томас Бетсон считал, что с ними не о чем поговорить — на уме у них был только спорт да соколиная охота. Однажды Джордж Сели проехал десять миль в полном молчании и лишь потом сообщил Бетсону, что в Англии у него ошенилась серая сука и принесла четырнадцать щенков, но затем умерла, и щенки вслед за ней⁵.

Томас Бетсон продавал шкуры и шерсть, курсируя между торговым домом в Кале и ярмарками и рынками. Но на этом его обязанности не заканчивались, ибо ему еще надо было получить деньги со своих покупателей, фламандских купцов, и расплатиться со своими кредиторами в Англии, скупщиками котсволдской шерсти. Обычно купцы выдавали этим скупщикам векселя, которые действовали, как правило, в течение полугода, и если иностранные покупатели задерживали деньги, то Томасу Бетсону нечем было оплачивать эти векселя. Более того, дело сильно осложнялось разной стоимостью денег, находившихся тогда в обращении. Мы полагаем, что знаем кое-что о колебаниях курса валют в наши дни, но даже представить себе не можем, какие сложные вычисления приходилось производить торговцу XV века и какие выдерживать споры. Менялся не только курс валют, ходивших в Англии и на континенте, но и, как пишет редактор «Документов Сели», «большое число правителей всякого рода чеканили свою собственную монету, содержания золота и серебра в которой никто точно не знал, что сильно усложняло для Сели оценку стоимости товара, и им, очевидно, приходилось брать столько, сколько им давали». Представьте себе, с какими трудностями сталкивался Томас Бетсон, когда в его торговый дом поступали гульдены Святого Андрея из Шотландии, арнольдские гульдены из Гелдреса (очень сильно

обесцененные), гроши (серебряные монеты достоинством в четыре пенса) Карла Бургундского, новые и старые кроны из Франции, давиды и фалевы из Утрехтского епископства, серебряные монеты графов Вестфальских, левы или французские луидоры, лимбургские гроши, миланские гроши, фелиппы или филидоры из Брабанта, плаги из Утрехта, постлаты различных епископов, английские риалы (стоимостью десять шиллингов), шотландские или бургундские всадники (они назывались так потому, что на них был изображен человек на коне), флорины рено епископа Кёльнского и сетиллеры. Он должен был знать курс всех этих валют по отношению к английским деньгам, установленный компанией на тот период, хотя большая часть этих валют была уже обесценена до предела. В этом отношении английские деньги пользовались доброй славой, которой все завидовали, пока Генрих VIII не начал обесценивать и их в своих гнусных целях. Письма Сели полны сетований на неразбериху с деньгами, да и Томасу Бетсону можно только посочувствовать. Но он, вне всякого сомнения, был похож на чосеровского бородатого купца: «Умел он обменять все шильды по очень выгодному курсу» (шильды — французские кроны).

Чтобы облегчить денежные расчеты между Англией и Нидерландами, купцы пользовались услугами банков и кредитом (векселями и другими ценными бумагами), которые предоставляли им итальянские и испанские купцы и английские торговцы мелким товаром — эти люди сочетали торговлю с финансовыми операциями. Так, Вильям Сели писал своим хозяевам: «Спешу сообщить вашей милости, что я принял Джона Делоуписа по вопросу об оплате счетов, по которым Одлингтон прислал мне всего 300 фламандских фунтов, поэтому я заплатил Гинотту Страбанту 84 фламандских фунта 6 шиллингов 6 пенсов. Далее, я получил от Бенинга Декасонна, ломбардца, 180 полновесных ноблей, которые были уплачены в установленный срок. Я уплатил по 11 фламандских шиллингов 2 с половиной пенса за нобль, что составило в сумме

100 фламандских фунтов 17 шиллингов 6 пенсов. Далее, я таким же образом получил от Якоба ван де Базе 89 ноблей и 6 шиллингов, которыми можно расплатиться в Лондоне в установленный срок, и заплатил по 11 фламандских шиллингов 2 пенса за каждый полновесный нобль. Это составило 50 фламандских фунтов, а остальные 300 фунтов остались у меня, ибо я не могу больше в этот сезон заработать для вас, поскольку здесь нет никого, кто взял бы какие-нибудь деньги. А деньги теперь идут по курсу 11 шиллингов 3 с половиной пенса за нобль, и нет никаких других монет, кроме нидерландских грошей, крон, андреевских и рейнских гульденов, и обмен идет чем дальше, тем хуже. Далее, сэр, я посылаю вместе с этим письмом два первых письма об означенных платежах — письмо Бенинга Декасонна адресовано Габриэлю Дефуе и Петеру Сэнли, гемуэзцу, а письмо Якоба ван де Базе — Энтони Карси и Марси Стросси, испанцам; кто они такие, вам расскажут на Ломбардской улице».

Через неделю он пишет: «Как я понял, ваша милость взяли у Джона Рейнольда, мелкого торговца, 60 фунтов стерлингов, которые надо вернуть на 25-й день месяца, и у Деаго Декастро (Диего де Кастро, испанца) еще 60 фунтов стерлингов, которые надо вернуть на 26-й день того же самого месяца, чтобы они оба были удовлетворены. Что касается господина Льюиса Мора, ломбардца, то ему заплатили, и я получил вексель. Его поверенный — странный человек, он не берет никаких других денег, кроме нидерландских грошей».

Много подобных писем написал и Томас Бетсон в доме своего хозяина в Кале, засиживаясь за работой допоздна. Писать друзьям ему приходилось, урывая время ото сна, и он подписывает свои письма так: «В Лондоне, в день Пресвятой Богородицы, написано ночью, когда вы уже спите, а в моих глазах появилась резь, так что мне помогал Бог». Но самое тяжелое время наступало тогда, когда нужно было писать годовой отчет. Чосер рассказывает нам о том, как купцы составляли этот отчет:

На третье утро, хмель стряхнувши свой,
Чуть свет, весь в предвкушении дороги,
Купец затеял подводить итоги,
Подсчитывать доходы, и расход,
И барыши за весь минувший год.
Вот разложил он на большой конторке
Счета, и книги, и мешочков горки
С дукатами, с разменным серебром —
И столько он скопил своим трудом,
Что, запершись, чтоб счету не мешали,
Он все считал, когда уже все встали,
А все была наличность не ясна.

Такова была жизнь торговца шерстью — она проходила в поездках на котсволдские фермы за шерстью, в работе в торговых домах на Марк-Лейн, в переездах из Лондона в Кале и из Кале — в Лондон, в общении с иностранными купцами на рынках Кале или в урочное время на фламандских ярмарках. Компания, к которой он принадлежал, защищала его, снимала ему жилье, пристально следила за качеством продаваемой им шерсти, издавала правила продажи и покупки шерсти и следила, чтобы в суде этой компании с ним поступали по справедливости. Именно на фоне этой тяжелой, но интересной работы любовный роман Томаса перерос в счастливую семейную жизнь. Ему не суждено было долго наслаждаться ею — вскоре после выздоровления от серьезной болезни, свалившей его в 1479 году, он умер. Видимо, эта болезнь подорвала его здоровье, и он скончался через семь лет после нее, в 1486 году. За семь лет их совместной жизни (которая, как мы помним, началась для Катерины в пятнадцать лет) она родила ему пятерых детей — двух сыновей, Томаса и Джона, и трех дочерей — Елизавету, Агнес и Алису. К счастью, Томас умер довольно богатым, о чем можно судить по его завещанию (которое хранится в Сомерсет-Хаус). Помимо Компании торговцев шерстью, он состоял еще и в Компании рыботорговцев, ибо к тому времени крупные городские компании принимали в свои ряды не только тех, кто занимался торговлей указанным в ее названии продуктом, но и всех желающих. Томас Бетсон завещал деньги на ре-

монта крыши своей приходской церкви Ол-Хэллоуз, что в Баркинге, где его и похоронили, и «тридцать фунтов на украшение часовни торговцев шерстью в церкви Богородицы в Кале, для покупки драгоценных камней» и двадцать фунтов Компании рыботорговцев для покупки столового серебра. Он назначил эту компанию опекуном своих детей, оставил дом жене, сумму в 40 шиллингов Томасу Хенэму, своему товарищу по службе у Стоноров. Очень характерны его указания по поводу своих похорон: «Не тратьте на мое погребение слишком много денег — пусть оно будет скромным, трезвым и достойным, во имя почитания и прославления Всемогущего Бога». Катерина, оставшаяся в двадцать два года вдовой с пятью детьми, вторым браком была замужем за Вильямом Велбечем, торговцем галантерейным товаром (Компания галантерейщиков была очень богатой), от которого имела сына. Но сердце ее принадлежало первому мужу, который написал ей первое любовное послание в ее жизни, когда она была еще совсем ребенком, и, умирая в 1510 году, она приказала похоронить себя рядом с Томасом Бетсоном в церкви Ол-Хэллоуз, в Баркинге. Здесь под своими надгробиями лежат три торговца шерстью, но надгробие самого Томаса Бетсона не сохранилось. Пусть же они покоятся в мире, давно забытые потомками, хотя людям следовало бы больше чтить их, чем одетых в броню рыцарей, спящих в своих резных саркофагах в наших прекрасных средневековых церквях.

Гирлянды вянут на щеке,
Где подвиги твои?
В объятьях смерти ты теперь —
Попробуй победи!
Склони главу,
Воздай хвалу
Всем тем, кто честно жил.
Благоуханнее всего
Лишь запах их могил.

Глава 7

ТОМАС ПЕЙКОК ИЗ КОГСХОЛЛА

Эссекский суконщик в эпоху Генриха VII

То добрый был суконщик, знай.
Попал он, без сомненья, в рай.

Томас Делони

Великое и благородное дело изготовления сукна оставило множество следов в жизни Англии, в ее архитектуре, литературе и общественном обустройстве. Оно украсило наши сельские пейзажи величественными, устремленным ввысь храмами и изящными домами, сложенными из дубовых брусьев. Оно наполнило нашу народную поэзию преданиями о героях Англии, в которых ткачи Томас из Ридинга и Джек из Ньюбери мирно уживаются с братом Беконом и Робин Гудом. Оно наполнило наши графства помещиками, ибо, как заметил Дефо в начале XVIII века, «предки многих крупных семей, которые теперь считаются в западных графствах дворянами, вышли из купцов и были вознесены наверх поистине благородным делом — производством мануфактуры». Оно подарило нам множество распространенных фамилий — Вивер, Веббер, Вебб, Шерман, Фуллер, Уолкер, Дайер, а всякую женщину, оставшуюся старой девой, наградило кличкой «спинстер» (пряха). И с тех пор, как торговля готовыми тканями потеснила торговлю сырой шерстью в качестве главной статьи английского экспорта, и до той поры, как шерстяные ткани, в свою очередь, были вытеснены железом и

хлопком, производство тканей из шерсти являлось основной английской коммерческой отраслью. «Среди всех других ремесел, — пишет старина Делони, — оно было самым главным, ибо это был товар, который прославил нашу страну во всем мире».

Уже к концу XIV века английские производители высококачественного сукна стали составлять конкуренцию Нидерландам, о чем свидетельствует Чосер в рассказе о Батской Ткачихе:

В тканье была большая мастерица,
Ткачихам гентским в пору подивиться.

А к концу XVI века английская мануфактура одержала окончательную победу над голландской. С развитием текстильной промышленности происходили изменения и в ее организации. Работников этой отрасли всегда было очень трудно объединить в гильдии, поскольку изготовление сукна состоит из целого ряда отдельных процессов. Подготовительный этап — чесание шерсти и ее прядение — всегда относился к домашнему промыслу. Эти операции выполнялись женщинами и детьми на дому, но ткачи, которые покупали у них пряжу, имели свою гильдию. В гильдию были объединены и сукновалы, которые валяли шерсть, и обрезальщики ворса, и красильщики, которые окрашивали ткань. Но никто из них не мог продавать готовое сукно. В группе взаимозависимых ремесел, каждое из которых имело свою гильдию, мы иногда встречаем ткачей, которые нанимали сукновалов, и сукновалов, нанимавших ткачей. Более того, поскольку ткачество — гораздо более быстрый процесс, чем прядение, ткач часто сидел без работы и с трудом мог набрать столько пряжи, чтобы его станок все время работал.

По мере того как текстильный рынок все более расширялся и не ограничивался теперь только тем городом, где проживал ткач, возникла потребность в посредниках, которые занимались бы продажей готового сукна. Так постепенно появился класс людей, которые закупали в

больших количествах шерсть и продавали ее ткачам. Позже, в ходе естественного развития процесса, они уже не просто продавали сырье, а поставляли его ткачам, сукновалам и обрезальщикам ворса, которые, после окончания работы, отдавали им готовое сукно для продажи. Эти люди быстро богатели, накапливая капитал, который позволял им нанимать большое число рабочих. Вскоре они начали организовывать работу всех тех, кто выполнял отдельные операции по производству сукна. Их слуги доставляли сырую шерсть в дома, где женщины чесали и пряли ее, затем относили пряжу красильщикам, ткачам, сукновалам и обрезальщикам ворса, а готовую ткань передавали хозяину, которого стали называть *суконщиком*. Тот, в свою очередь, передавал ее посреднику, которого называли торговцем мануфактурой.

Богатство и влияние суконщиков быстро росли, и в некоторых районах Англии они стали основой среднего класса. Они предпочитали организовывать мануфактуры в деревнях и селах, а не в старых корпоративных городах, что помогало им обойти ограничения, налагаемые гильдейскими уставами, и текстильное производство постепенно почти полностью переместилось из городов в сельскую местность. В западной части Англии (но не в Йоркшире) система раздачи работы суконщиками просуществовала до того самого момента, когда Промышленная революция перенесла производство из домов на фабрики, а из южных районов страны — в северные. И тогда многолюдные когда-то селения опустели, и теперь нам приходится по останкам построек, разбросанным свидетельствам и старым названиям восстанавливать когда-то знаменитые на всю округу имена суконщиков Восточной Англии, снабжавших сырьем целый рой рабочих, которые трудились от зари до зари.

Таким известнейшим человеком был когда-то Томас Пейкок, суконщик из Когсхолла в Эссексе, проживший долгую жизнь и умерший в почете в 1518 году. Его семья родом из Клера в Саффолке, но где-то в середине XV века

одна из ее ветвей переселилась в Когсхолл, расположенный неподалеку. Его дед и отец, по-видимому, были мясниками, которые выращивали свой собственный скот для забоя, но он, его брат и их потомки занялись «благородным делом» производства сукна, что наложило неизгладимый отпечаток на городок, где они жили. Когсхолл расположен в крупном текстильном районе, графстве Эссекс, о котором Фуллер писал: «Это графство можно охарактеризовать теми же словами, что и Бешебу: «Она протягивает свою руку к веретену и крепко держит прялку»... Здесь надо молиться, чтобы плуг врезался в землю, а колесо крутилось, поскольку одно кормит, а другое одевает, и тогда, с Божьей помощью, в нашей стране никогда не будет голода». По всему Эссексу разбросаны города и деревни, известные тем, что в них производят сукно, — Когсхолл и Брейнтри, Бокинг и Холстед, Шолфорд и Дедэм и конечно же Колчестер, крупный центр торговли тканями. В деревнях процветало текстильное производство, и не было, пожалуй, ни одного дома, где не крутилось бы колесо прялки, и ни одной улицы, где не было бы ткацких мастерских или кухонь, где не стояли бы вдоль стен грубо сколоченные ткацкие станки, на которых работали жители этих домов. Не проходило недели, чтобы на улице не раздавался цокот копыт вьючных лошадей, на которых привозили новые партии шерсти и увозили суконщикам Колчестера и окружающих его сел готовые изделия. В течение всего XV века Когсхолл был крупным текстильным центром, уступая первенство лишь Колчестеру и Садбери, и до сих пор обе гостиницы этого городка сохранили свои старинные названия «Мешок с шерстью» и «Руно».

Нам придется, как я уже говорила, воссоздавать портрет Томаса Пейкока и его коллег по разбросанным следам, но, к счастью, эти следы встречаются во многих английских селениях, а в Когсхолле они «лежат» прямо на виду. Образ суконщика можно воскресить по трем предметам: его дому, стоящему на городской улице, фамильному надгробию в

приделе местной церкви и его завещанию, которое хранится в Сомерсет-Хаус. Дом, надгробие и завещание — не слишком много, но тем не менее эти три предмета способны рассказать нам обо всей его жизни. Большая ошибка думать, что историю можно восстановить только по письменным источникам. Нет, ее следы оставлены повсюду — это различные сооружения и церкви, дома и мосты. Древние амфитеатры способны рассказать тем, кто умеет видеть, свою историю столь же подробно, как и печатные издания тем, кто умеет читать. Руины римской виллы, в течение нескольких столетий скрытые от нас слоями покрывавшей их земли, которую топтала нога ничего не подозревавшего пахаря, — эти руины с их обширными помещениями, с их полами, богато украшенными мозаикой, с их сложной системой отопления и разбитыми вазами лучше любого учебника помогут нам понять мощь Римской империи, граждане которой сумели создать для себя такие уютные жилища на туманном острове, волею судьбы заброшенном на самый край света. Норманнский замок с его рвами и подъемным мостом, воротами, внутренним двором и донжоном, со щелями для лучников вместо окон говорит нам о тяготах жизни в XII веке красноречивее всяких хроник. Богатые люди во времена римского владычества жили в гораздо лучших условиях. Дом помещика в усадьбе XIV века с его двором, часовней, большим залом и голубятней свидетельствует, что снова наступили мирные времена, когда жизнь тысяч мелких хозяев вращалась вокруг сеньора, а основная масса населения Англии совсем не была затронута Столетней войной, которая оставила такой глубокий шрам на лице прекрасной Франции. В XV веке состоятельные люди в городах и деревнях Англии начали сооружать высокие, богато украшенные дома. Фасады этих домов выходили на улицу, а сзади располагались сады. Эти здания, украшенные резными балками, большими каминами, которые создавали в доме уют, ознаменовали собой появление нового класса — среднего класса, располагавшегося между господами и крестьянами и жившего так, как ему

захочется. Время великой Елизаветы отражено в прекрасных домах этой эпохи с их широкими крыльями и большими комнатами, с их высокими трубами и стеклянными окнами, выходящими на обширные парки и леса, а не на замкнутые внутренние дворы.

Для сравнения войдите в дом, построенный или переоборудованный в XVIII веке, — увидев чипендейловские стулья и покрытые лаком столы, китайские обои с пагодами и мандаринами, вы сразу же вспомните, что это было время набобов, эпоха, во время которой Компания Джона (так иронично называли Ост-Индскую компанию) познакомила англичан с изделиями стран Дальнего Востока, эпоха, когда в моду вошел чай, вытеснивший из светских гостиных кофе, когда Горацио Уолпол коллекционировал фарфор, Оливер Голдсмит создал в своей книге «Гражданин мира» идеализированную картину Китая, а доктор Сэмюэль Джонсон получил прозвище «Великий хан английской литературы». А теперь сравните эту картину с другой — длинный ряд кирпичных домов, которых в этом ряду целая сотня, и каждый как две капли воды похож на предыдущий, вилла в новомодном вкусе — одна большая крыша, и почти никаких окон, фальшивое бутылочное стекло вместо оконного, и вы узнаете архитектуру начала XX века. И вправду, вся социальная и, в значительной степени, политическая история Англии может быть воссоздана по одной только архитектуре, поэтому я не прошу прощения за то, что называю дом Томаса Пейкока первоклассным историческим источником.

Почти таким же ценным, только менее интересным документом являются монументальные надгробия, которые сохранились на большей части страны и которых особенно много в Восточной Англии, в шести графствах, окружающих Лондон, и в долине Темзы. Их разнообразие впечатляет — здесь и надгробия священников в ризах, докторов права и богословия и магистров гуманитарных наук в академических одеяниях, а также нескольких аббатов и аббатис. Это и надгробия рыцарей в доспехах, дам

с маленькими собачками у их ног и в платьях, по которым можно проследить всю историю моды и представить себе, как выглядели верхние юбки, юбки с фижмами, воротники с рюшами, мантильи и головные уборы, соответствовавшие каждому ее периоду. Надгробия, как и дома, говорят нам о том, что средний класс в Англии процветал, ибо в XIV веке, когда купцы начали строить для себя роскошные дома, они также стали устанавливать на могилах представителей своего класса великолепные надгробия. Самыми лучшими, вероятно, являются могильные плиты торговцев шерстью, ноги которых упираются в мешки с шерстью или в овцу, но сохранились надгробия и купцов других гильдий. Мы встречаем изобилие мэров и заместников, которые приказывали изображать на могильных плитах свои торговые знаки, а этими знаками они гордились не меньше, чем дворяне родовыми гербами, впрочем, причины для гордости у них имелись. Самое выразительное надгробие можно увидеть над знаменитой могилой в городе Линн, где купец Роберт Бранч лежит между двумя своими женами, а в ногах у него изображена сцена пира, который он устроил для короля Эдуарда III, поразив его тем, что к столу были поданы павлины. В Нортличе есть надгробие портного с ножницами, не менее славными, чем меч крестоносца, а в Сиренчестере — надгробие виноторговца, ноги которого упираются в бочку с вином. Встречаются надгробные плиты и людей попроще, которые были не так богаты, но с гордостью демонстрируют орудия своего ремесла — два или три нотариуса с гусиным пером и чернильницей, охотник с рогом, а в Ньюлэндской церкви лежит один из трех шахтеров Динского леса, облаченный в шляпу и кожаные бриджи до колен и держащий на плече деревянное корыто, в правой руке — небольшую мотыгу, а в зубах — подставку для свечи. Этот тип исторических источников поможет нам восстановить и историю жизни Томаса Пейкока. Надгробия членов его семьи находятся в северном крыле приходской церкви Святого Петра ад Винкула. Не-

которые из них исчезли в течение прошедших полутора веков, и, к сожалению, не сохранилось надгробие самого Томаса, но все-таки в приделе остались две плиты — надгробие его брата Джона, умершего в 1533 году, и жены Джона, а также его племянника, тоже Томаса, который умер в 1580 году. На нем до сих пор виден товарный знак этой семьи.

И наконец, третьим источником являются завещания Пейкоков, трое из которых хранятся в Сомерсет-Хаус: завещание Джона Пейкока (умер в 1505 году), отца Томаса и строителя дома, завещание самого Томаса Пейкока (умер в 1518 году) и завещание его племянника Томаса, того самого, чье надгробие находится в приделе церкви. Он оставил длинное и полное подробностей завещание, содержащее сведения по истории своего города и организации текстильного производства. Социальные историки пока еще редко обращаются к изучению завещаний. Трудно поверить, какое огромное количество сведений о жизни наших предков можно узнать из скорбных документов. Это понимают только те ученые, которым довелось листать страницы «Йоркского собрания завещаний». Из завещаний можно узнать, скольким дочерям отец мог обеспечить приданое, и скольких он отправлял в монастырь, и какое образование давал своим сыновьям. Можно узнать, какие религиозные дома были самыми популярными, и какие люди имели в домах книги, и что это были за книги, сколько денег купцы считали нужным тратить на благотворительные дела и что они думали о деловых способностях своих жен. Вы прочтаете длинные, удивительные списки фамильного столового серебра, где любимые чашки и блюда имели ласкательные прозвища, а также списки колец, брошек и четок. Приводятся подробные описания платьев и мехов, иногда совсем простых, иногда просто великолепных, поскольку люди передавали своим детям богатые одежды точно так же, как и драгоценности. Вы встретите еще более удивительные описания кроватей со всем постельным бельем и полога-

ми, ибо кровать была очень дорогой мебелью и часто, судя по завещаниям, была действительно великолепна и красива. В адрес Шекспира было высказано много совершенно необоснованных упреков в том, что он оставил своей жене Энн Хетэвей кровать всего лишь второго сорта, хотя вполне мог бы оставить и первого. Но еще более красивыми, чем платья, кровати и пологи, были одеяния, сшитые из парчи или украшенные вышивкой, которые передавались по наследству. Огромный интерес вызывают тщательно расписанные погребальные церемонии.

До нас дошли завещания всех видов, даже завещания крестьян, хотя теоретически все имущество крестьянина принадлежало его господину. Но больше всего сохранилось завещаний королей и королев, лордов и дам, епископов и приходских священников, юристов и владельцев торговых лавок. Здесь мы обнаруживаем много свидетельств социального процветания представителей среднего класса. Мы узнаем о том, чем они занимались, какие товары продавали в своих лавках, находим описания их домов и сельских поместий (иногда), ренты, которую они платили за свои городские дома (почти всегда), их буфетов со столовым серебром, украшений их жен, имена их подмастерьев и указания, к какой гильдии они принадлежат, описание их благотворительных дел, свидетельства их браков с дворянами и характеристику их религиозных взглядов. Словом, завещания дают нам живую картину повседневной жизни представителей среднего класса.

Таковы три источника, с помощью которых можно воссоздать жизнь и эпоху Томаса Пейкока. Все они — дома, надгробия и завещания — свидетельствуют о быстром росте в последние два столетия Средневековья крупного и процветающего среднего класса, богатства которого были основаны не на земельной собственности, а на занятиях промышленностью и торговлей. Мы уже встречались с типичными представителями этого класса — Томасом Бетсоном и домовладельцем из Парижа, имени которого история для нас не сохранила. Теперь же мы посмотрим, что рас-

скажут нам о суконщике Томасе Пейкоке его дом, завещание и надгробия членов его семьи.

В первую очередь они сообщают нам о том благородном деле, которое его обогащало. Дом Пейкока полон реликвий суконной промышленности. Торговый знак Пейкоков — хвост горностаия, похожий на лист клевера из двух лепестков, — можно найти и на резных балках потолка, и на передних панелях каминов, он же изображен и в центре резной полосы, тянущейся по фасаду дома. Томас помечал этим знаком свои тюки с тканями, и нужны ли ему были военные атрибуты дворянских гербов? Весь дом — это дом человека из породы нуворишей, жившего в ту пору, когда быть *нуворишем* еще не считалось вульгарным. О его процветании свидетельствует изысканный орнамент, украшающий дом. По фасаду тянется резная полоса, от резного стебля которой в виде ветвей отходят сотни очаровательных изображений — это листья, завитки, какие-то необычные цветы, человеческие головки, розы Тюдоров, король и королева с коронами на головах лежат, взявшись за руки, младенец с толстыми ножками прыгает в цветок лилии, а в самом центре на щите видны торговый знак и инициалы владельца дома. В зале мы видим прекрасный потолок из резного дуба, причем резьба здесь очень замысловатая, а через равные промежутки встречается торговый знак владельца. На втором этаже, в большой спальне, балки потолка круглые, на этом же этаже находится изысканная маленькая гостиная, стены которой обиты сложенным вдвое льняным полотном, а на панелях камина вырезаны фантастические животные. Сложность декора была характерна для этого периода. Столь же богато украшена и Когсхолльская церковь и все другие высокие и просторные храмы Восточной Англии, Лавенхэма, Лонг-Мелфорда, Тэкстеда, Сэффрон-Уолдена, Линна и Снеттишема. Эти церкви суконщики построили на свои недавно приобретенные деньги.

Сама архитектура здесь особая, в стиле нуворишей, очень похожая на тех, кто оплачивал создание этих соору-

жений. Скромное величие раннеанглийского стиля сменил сложный орнамент и пышные украшения. Это была как раз та архитектура, за которую купец был готов платить большие деньги. Средний класс стремился выставить напоказ свои богатства, но это делалось без хвастовства и вульгарности. Глядя на свой красивый дом или стоя в приделе Святой Катерины над надгробиями с торговой маркой своих предков, Томас Пейкок, должно быть, частенько благословлял кормившее его дело.

В завещаниях Пейкоков мы читаем то же самое, что и в завещаниях других купцов. Помимо членов своей семьи, Томас оставил деньги добрым людям, которые жили по соседству и работали на него. Это была семья Гуддей, два члена которой работали обрезальщиками ворса, то есть придавали сукну товарный вид, и Томас оставил им крупные пожертвования. «Завещаю Томасу Гуддею, обрезальщику ворса, 20 шиллингов и всем его детям по 3 шиллинга 4 пенса каждому. Далее, завещаю Эдварду Гуддею, обрезальщику ворса, 16 шиллингов 8 пенсов, а его ребенку — 3 шиллинга 4 пенса». Помимо этого, он завещал деньги Роберту Гуддею из Сэмпфорда и брату Роберта Джону, а также всем сестрам Роберта, добавив небольшую сумму Грейс, своей крестнице. Не забыл он и Николаса Гуддея из Стипстеда и Роберта Гуддея из Когсхолла и членов их семей, а также их родственника Джона, священника, — ему он оставил 10 шиллингов, чтобы тот отслужил по нему заупокойную службу на тридцатый день после похорон. Все эти Гуддеи, вне всякого сомнения, были связаны с Томасом Пейкоком не только по работе, но и узами дружбы. Они принадлежали к известной в Когсхолле семье, несколько поколений которой занимались производством сукна. Тезка Томаса и его внучатый племянник, чье завещание датировано 1580 годом, продолжал поддерживать с ними тесные отношения и оставил «Эдварду Гуддею, моему крестнику, 40 шиллингов и всем братьям и сестрам означенного Эдварда, которые будут живы на момент моей кончины, по 10 шиллин-

гов каждому» и «Вильяму Гуддею другие 10 шиллингов». В наши дни, когда все спешат, а члены семей разбросаны по всей стране, трудно представить себе стабильную, спокойную жизнь города или деревни прошлых веков, когда поколение за поколением рождалось и умирало в одном и том же доме, на той же самой мощенной булыжником улице и дружило с членами другой семьи, как их отцы и деды до них.

Другие друзья и работники Томаса Пейкока тоже получили свою долю. Он оставил 6 шиллингов 8 пенсов Хэмфри Стонору, «бывшему одно время моим подмастерьем». Можно представить себе, как Хэмфри Стонор, еще не до конца проснувшийся, морозным утром спускается с чердака, расположенного под высокой крышей, где, вероятно, спали подмастерья. Без сомнения, этот наглый молодой человек из хорошей семьи дружил с ткачами и сукновалами, которых его хозяин обеспечивал работой. Возможно, он был родственником тех самых Стоноров, у которых служил Томас Бетсон. Делони писал, что «младшие сыновья рыцарей и дворян, которым их отцы не могли передать в наследство землю, предпочитали осваивать ремесло суконщика, чтобы жить в хорошем доме и достатке». Двое из его друзей получили приличное наследство, очевидно, Томас Пейкок давал им денег взаймы и хотел после своей смерти избавить их от долга, ибо, согласно его последней воле, он завещает «Джону Бейчему, моему ткачу, 5 фунтов, поскольку между нами было так много, и еще мантию и дублет... Я прощаю Роберту Тейлору, сукновалу, все, что было между нами, и завещаю ему 3 шиллинга 4 пенса». Другие суммы, указанные в его последней воле, свидетельствуют о том, что он проводил крупные денежные операции. «Завещаю всем моим ткачам, сукновалам и обрезальщикам ворса, чьи имена идут впереди Рехерседа, по 12 пенсов каждому, а те, кто выполнял для меня большую работу, получают по 3 шиллинга 4 пенса каждый. Далее, завещаю распределить среди моих трепальщиков, чесальщиков и

прядильщиков сумму в 4 фунта»¹. Здесь представлены люди всех профессий, которые были заняты в производстве сукна. Жизнь всех этих людей вращалась вокруг суконщика Томаса Пейкока. Он раздавал женщинам шерсть, чтобы они трепали, чесали и пряли ее; забирал у них пряжу и передавал ткачам, которые ткали сукно. Затем он отдавал ткань сукновалам, и они валяли его, а после этого — красильщикам, чтобы те его окрасили. Получив готовое изделие, он собирал отрезы сукна в дюжины и отсылал торговцу мануфактурой, который их продавал. Вероятно, он посылал свою продукцию тому самому «Томасу Перпойнту», которого называет «своим кузеном» и делает своим душеприказчиком. Вся ежедневная работа Пейкока видна в его завещании. В год его смерти на него трудилось большое число работников, и он относился к ним снисходительно и по-дружески. Строительство дома вовсе не означало, что он решил отойти от дел, как случилось с другим крупным суконщиком, Томасом Долманом. Когда тот перестал заниматься текстильным производством, ткачи Ньюбери ходили по округе и жаловались:

Пожалей ты, Боже, работяг нас сирых.
Дом построив, Долман нас пустил по миру.

Судя по завещанию Пейкока, он относился к своим работникам очень тепло. Но так было не у всех, ибо хотя суконщики того времени и обладали рядом достоинств, присущих капиталистам, но и недостатков у них было хотя отбавляй — так что извечная борьба между трудом и капиталом в XV веке развернулась вовсю. Но завещание Пейкока не проясняет для нас одну деталь — занимал ли он только ткачей-надомников или, помимо этого, устанавливал ткацкие станки у себя дома? В ту пору, когда жил Пейкок, среди преобладавшей системы надомных работ стали появляться уже миниатюрные фабрички. Суконщики устанавливали в своих домах ткацкие станки и занимали бродячих ткачей. Рабочие, трудившиеся в до-

машных условиях, были этим очень недовольны, ибо их либо превращали из свободных мастеров в наемных работников, обязанных трудиться в доме хозяина, либо они обнаруживали, что оплата их труда уменьшается из-за конкуренции странствующих ткачей. Более того, суконщики иногда покупали станки и сдавали их в аренду свободным ткачам, которые в результате этого попадали в определенную зависимость от хозяина. В течение всей первой половины XVI века ткачи из текстильных районов Англии засыпали парламент петициями с требованием отменить эту практику. Похоже, что они предвидели появление в Англии фабричного производства, при котором рабочий уже не будет собственником сырья, инструментов, мастерской или продуктов своего труда и ему будет принадлежать только его труд, а бывший свободный ткач превратится в наемного рабочего. Все это ткачи поняли задолго до того, как фабричная система утвердилась в стране. Практика сдачи станков в аренду появилась и в Эссексе, откуда примерно через двадцать лет после смерти Томаса Пейкока ткачи направили в парламент петицию против суконщиков, которые завели у себя дома не только свои собственные станки, но и своих ткачей и сукновалов, чем обрекли авторов петиции на голод и нищету, «ибо богатые люди, суконщики, заключили между собой соглашение платить единую цену за изготовление означенного сукна». Эта цена была такой мизерной, что, работай они весь день и всю ночь, в праздники и в будни, все равно не смогли бы прокормить свои семьи. В результате этого многие ткачи потеряли свою независимость и превратились в слуг богачей. Тем не менее система надомной работы еще преобладала, и, без сомнения, большинство ткачей Пейкока работало в своих собственных домах, хотя вполне вероятно, что в его доме было несколько станков, которые стояли в длинной задней комнате с низким потолком. В таких комнатах, по традиции, работали ткачи — в сарае ли, в «прядельном ли доме».

Идиллическая картина работы на такой небольшой фабрике, которую вполне можно применить и к нашему герою, была создана в поэме Делони «Приятное путешествие Джека из Ньюбери». Джек из Ньюбери реально существовал — это был хорошо всем известный суконщик по имени Джон Уинчком, который умер в Ньюбери через год после Пейкока и о котором Томас наверняка слышал, ибо его грубое домотканое сукно отлично продавалось на континенте, и старина Фуллер, прославивший его в своей книге «Добродетели Англии», называет его «самым богатым суконщиком (без преувеличения), когда-либо жившим в Англии». Рассказы о том, как он привел сотню своих подмастерьев на Флодден-Филд, как он угощал короля и королеву в своем доме в Ньюбери, как он построил часть Ньюберийской церкви и как он отказался от звания рыцаря, предпочтя «до самой своей смерти ходить в костюме из грубого домотканого сукна», разлетелись по всей Англии, обрастая по пути все новыми и новыми подробностями. В 1597 году Томас Делони, создатель жанра романа, изложил эти рассказы в своем произведении, частично в прозе, частично в стихах, и роман вскоре стал исключительно популярным. Именно отсюда мы приведем придуманное автором описание работ в доме суконщика, не забывая при этом, что автор сильно преувеличил размеры предприятия Джона Уинчкома, который конечно же никогда не имел двухсот станков в своем доме, а Томас Пейкок, вероятно, имел не более дюжины. Но поэт имеет право на преувеличения, ибо, в конце концов, главное в балладе — ее дух, и всегда приятно сменить прозу на рифмованные строки:

В одной из комнат, длинной и большой,
Станков стояло двести — целый строй.
Две сотни человек, ей-ей, не вру,
Садись к ним, явившись поутру.
Сюда парней красивых отбирали,
Что весело и безотказно ткали,
Шутя при этом; в комнате другой
Сто женщин, веселясь, чесали шерсть,

Порою принимаясь звонко петь.
За стенкой жили двести юных дев —
Под платье юбку красную поддев
И повязав платочек белоснежный,
За прялкою работали прилежно.
Девы эти пряли не ленясь,
То песни распевая, то смеясь.
Как соловьи красотки разливались,
И звуки прялок с пением сливались.
В другое помещение зашли —
И там детишек бедноты нашли,
Что шерсть сортировали здесь за гроши —
Плохую отделяли от хорошей.
Их было семьдесят и плюс еще десяток
Заброшенных, оборванных ребяток.
Трудом своим они себя кормили,
По пени за ночь детям тем платили.
Кормили мясом, вволю пить давали,
И все за счастье жить здесь почитали.
В другой каморке он заметил вдруг
Как пятьдесят мужчин, собравшись в круг,
Срезали ворс с сукна, да так умело,
Что все в руках у них так и горело.
Да собери ты семьдесят гребцов,
Никто б не смог догнать тех молодцов.
Оттуда переходит он в красильню,
Где ткани в чанах красили обильно.
В другом сарае двадцать сукновалов
Сукно, почти готовое, валяли.
Быков с десяток сразу забивали,
Чтоб прокормить рабочих. Все съедала
Орава эта, масло, сыр и рыбу —
Им что ни дай, все поглотить могли бы.
Мясник работал споро, всем на диво,
И пивовар варил отменнейшее пиво,
А пекарь хлеб отличный выпекал.
Да, крепко дом суконщика стоял.
Пять поваров здесь не точили ляды,
На всех рабочих впрок солили мясо.
Им помогали шустрые мальчишки
Помыть посуду; бедные ж детишки
Весь день крутили вертел над огнем,
И так за годом год и день за днем.
Старик, увидев это заведение,
Дар речи потерял от изумленья.
Живет суконщик наш, не скрою, очень знатно,
И всем о нем известно, что понятно.

Личную жизнь Пейкока, как и его деловую, можно воссоздать по завещанию. Правда, оно довольно мало говорит нам о его семье. Первую жену Томаса звали Маргарет, чьи инициалы вместе с его собственными украшают резьбу по дереву в доме. Вполне вероятно, что старый Джон Пейкок построил этот дом для молодоженов ко дню их свадьбы. Дом стал свидетелем буйного веселья, ибо наши предки знали, как справлять свадьбы, и традиционно Англия никогда так не веселилась, как в тот день, когда жених вводил в дом свою невесту. Чтобы воссоздать эту сцену, обратимся снова к идиллии Делони.

«Невеста была облачена в платье из домотканой шерстяной ткани красновато-коричневого оттенка, юбку из прекрасного вустеда и головной убор, украшенный золотом. Волосы того же цвета, что и золотая подвеска, прикрепленная сзади, были заплетены в косы и уложены в замысловатую прическу по моде того времени. Она вошла в церковь в сопровождении двух красивых мальчиков, шелковые рукава которых были украшены кружевами и розмарином. Впереди невесты несли красивую чашу из серебра с позолотой, в которую поместили большую, обильно позолоченную ветку розмарина, а вокруг висели шелковые ленты самых разнообразных цветов. Перед чашей шли музыканты, непрерывно игравшие на своих инструментах. Позади невесты шли девушки из самых богатых семейств графства — одни из них несли большие свадебные пироги, а другие — красивые позолоченные гирлянды из стеблей пшеницы. Нет нужды говорить здесь о женихе, который, будучи всеми любим, не нуждался в сопровождении юношей из лучших семей, помимо купцов из Стилярда, которые приехали на свадьбу из Лондона. Когда венчание закончилось, они отправились тем же порядком домой и сели за свадебный пир, где не было недостатка ни в веселье, ни в музыке... Свадьба продолжалась десять дней, к великой радости бедняков, живших в округе».

Под прекрасной резной крышей зала танцевали до упаду, пели, играли, целовались, позабыв о делах. Веселье

не прекратилось даже тогда, когда новобрачные удалились в спальню, украшенную круглыми балками на потолке. Утром, сидя на огромной кровати с пологом на четырех столбиках, они принимали своих друзей. Наши предки не отличались чрезмерной деликатностью. Как писал Генри Беллингер (он был совсем не похож на жизнерадостного Делони, но был современником Пейкока, и его перевел Ковердейл, так что дадим ему слово), «после ужина снова заиграла музыка, и все пустились в пляс. Хотя они и были молоды, но очень устали от постоянного шума и неудобств, которые проистекали оттого, что к ним в комнату постоянно кто-то ломился, и они не знали ни минуты покоя. Невоспитанные и бесшабашные люди приходили к двери их спальни и пели непристойные и скабрзные песни, приводя в неистовый восторг дьявола». Дорого бы мы сейчас отдали за то, чтобы услышать хотя бы одну из этих непристойных баллад!

Невеста Маргарет, которая после этой веселой свадьбы стала хозяйкой в Когсхолле, была родом из Клера, откуда вышли и сами когсхолльские Пейкоки. Она была дочерью Томаса Хоррольда, к которому Пейкок сохранил живую признательность и уважение. Создавая часовню в своей церкви, он заботился о спасении не только своей души, но и душ своей жены, матери и отца и своего тестя Томаса Хоррольда из Клера. Он также завещал пять фунтов, на которые его душеприказчики «должны были изготовить надгробный камень, который надо было отвезти в Клерскую церковь и установить на могиле моего тестя Томаса Хоррольда с изображениями его самого, жены и детей» (то есть мемориальное надгробие), а также передать Клерской церкви пять коров или три фунта деньгами, чтобы «надгробие моего тестя Томаса Хоррольда поддерживалось в порядке». Он также оставил деньги брату и сестрам своей жены. Маргарет Пейкок умерла раньше мужа, детей у них не было, и только племянники и племянницы Роберт и Маргарет Апшер, дети его сестры, Джон, сын его брата Джона, и Томас, Роберт и Эмма, дети его брата Роберта, а

может быть, и его маленькая крестница Грейс Гуддей играли в просторном зале или забирались на буфет, чтобы найти маленькую, размером с каштан, головку среди резных украшений потолка. Наверное, надеясь на рождение сына, которому он мог бы оставить дом и имя, Томас Пейкок женился во второй раз, на девушке по имени Энн Коттон. Она скрасила его старость, эта «Энн, моя добрая женушка», и ее присутствие оживило прекрасный дом, в котором после смерти Маргарет стало тихо и пустынно. Ее отец, Джон Коттон, упомянут в завещании, а ее братья Ричард и Вильям и сестра Элеонора получили приличные суммы. Но Томас и Энн не долго наслаждались семейной жизнью. Она была беременна, но он умер еще до рождения ребенка. В своем завещании он обеспечил Энн безбедную жизнь, оставив ей пятьсот марок стерлингов, а прекрасный дом оставался за ней до ее смерти. К своим подробным инструкциям в завещании он добавляет еще одну: «Пусть моя жена Энн владеет моим домом, в котором мы с ней жили, и живет в нем в свое удовольствие, и моей голубятней, стоящей в саду». Перерыв в записях семьи Пейкок не позволяет нам узнать, умер ли сын Томаса Пейкока или остался жив, но скорее всего Энн родила девочку или его сын умер, ибо Пейкок, на случай, если у него не будет наследника по мужской линии, завещал дом своему племяннику Джону (сыну своего старшего брата Джона), и в 1575 году мы обнаруживаем, что в доме живет тот самый Джон Пейкок, а соседний дом принадлежит Томасу Пейкоку, сыну его брата Роберта. Томас умер в 1580 году, оставив после себя одних дочерей, а после него, в 1584 году, скончался и Джон Пейкок, с грустью отмеченный в приходском журнале как «последний представитель этой фамилии в Коксолле». Так прекрасный дом ушел из рук великой семьи суконщиков, которые жили в нем почти сто лет².

Завещание говорит нам также и о характере Томаса Пейкока. Он был, очевидно, добрым и снисходительным работодателем, о чем свидетельствует его забота о рабочих

и их детях. Его часто приглашали в крестные отцы ребяташек, родившихся в Когсхолле, поскольку в завещании он просит, чтобы на его похоронах и на службах на седьмой и тридцатый день после них присутствовали «двадцать четыре или двадцать два ребенка в стихарях, которые держали бы в руках тонкие восковые свечи, и пусть всех их считают моими крестниками и выдадут каждому по 6 шиллингов 7 пенсов, а всем другим детям — по 4 пенса каждому... а мои крестники, помимо этого, должны получить еще 6 шиллингов 7 пенсов каждый». Все эти дети, вероятно, с самого раннего возраста работали на Пейкока, сортируя шерсть. «Бедняки, — пишет Томас Делони, — которых Господь с легким сердцем благословлял множеством детей, стремились пристроить их к этому делу, так что, когда им исполнялось шесть или семь лет, они могли уже сами зарабатывать себе на кусок хлеба». Когда Дефо проехал из Блэкстоун-Эджа в Галифакс, осматривая по пути текстильные мануфактуры, которые имелись во всех деревнях Вест-Рединга, то его больше всего восхитило то, что «все были заняты делом — от самых юных до самых старых. Ребенку только исполнилось четыре, а он уже кормит себя своим собственным трудом». Таким образом, использование труда детей столь раннего возраста — вовсе не изобретение Промышленной революции.

Томас Пейкок имел множество друзей не только в Когсхолле, но и в соседних деревнях, о чем говорят записи в его завещании. Он был членом Братства крестоносцев в Колчестере и оставил им после своей смерти 5 фунтов, чтобы они молились «за меня и за тех, за кого должен молиться я». В эпоху Средневековья было в обычае, когда монашеские ордена давали богатым вкладчикам и выдающимся людям возможность вступить в их ряды. Церемония принятия нового члена была длинной и сложной, во время которой вступающий получал поцелуй ото всех братьев ордена. Принятие Томаса Пейкока в Братство крестоносцев свидетельствовало, что в

округе к нему относились с большим уважением. Кроме того, он, по-видимому, испытывал особую симпатию к различным монашеским братствам, ибо оставил францисканцам Колчестера и обителям Малдона, Чемсфорда и Садбери по десять шиллингов для того, чтобы они отслужили по нему службу на тридцатый день, и по 3 шиллинга 4 пенса на починку их домов, а братьям из Клера завещал 20 шиллингов для двух служб на тридцатый день «и бочку копченой следки для Великого поста после моей смерти». Он проявлял большой интерес и к Когсхолльскому аббатству, которое находилось менее чем в одной миле от его дома, и в праздничные дни, должно быть, обедал с аббатом в его гостевом доме и слушал мессу в церкви монастыря. Умирая, он вспомнил об этом аббатстве, о том, как звон колоколов, призывающих монахов на вечернюю службу, разносился далеко в теплом сентябрьском воздухе. Томас Пейкок оставил «милорду аббату и монастырю» отрез одной из самых знаменитых своих тканей — тонкого сукна с шелковистой отделкой и 4 фунта деньгами, «чтобы они отслужили по мне панихиду и мессу, а на моих похоронах, когда в церкви будет идти служба, пусть звучат колокола, а на седьмой день и через месяц — все то же самое, и еще три заупокойные службы на тридцатый день, если они смогут отслужить их, или тогда, когда у них будет свободное время, на все это — десять фунтов».

Его набожность проявилась и в том, что он завещал деньги церквям в Брэдвеле, Пэттисвике и Маркшелле — приходах, соседствующих с когсхолльским, и церквям в Стоун-Нейленде, Клере, Послингфорде, Овингтоне и Бошаме Святого Павла, которые расположены за границей Эссекса, в том районе, откуда Пейкоки переселились в Когсхолл. Но главной его заботой была конечно же Когсхолльская церковь. Один из Пейкоков, вероятно, выстроил в ней северный придел, посвященный святой Катерине, и все могилы Пейкоков находятся именно там. В своем завещании Томас Пейкок просил похоронить его

перед алтарем Святой Катерины и сделал церкви богатые подарки. Он основал здесь также часовню и оставил деньги для ежедневной раздачи шести беднякам, которые будут трижды в неделю слушать мессу в этой часовне.

Все эти вклады, сделанные в монастырские ордена и церкви, говорят о набожности и семейной гордости Пейкока. Другие вклады, принимавшие формы, характерные для средневековой благотворительности, рассказывают нам о повседневных привычках Томаса Пейкока. Он, должно быть, часто ездил за границу, чтобы встретиться с людьми, которые работали на него, или посещал друзей, живших в деревнях вокруг Когсхолла. Нередко посещал он и Клер, сначала чтобы увидеть дом своих предков, а затем чтобы посвататься к Маргарет Хоррольд и позже, уже вместе с Маргарет, чтобы навестить любимого тестя. Несомненно, идя в церковь в Когсхолле или проезжая по дорогам графства, он часто сокрушался о том, в каком ужасном состоянии они находятся. Зимой по ним текли потоки грязи, а летом было множество ям и ухабов, ибо в Средние века ремонт дорог производился только на пожертвования жителей, церковей или монастырей, и все они, за исключением главных дорог страны, находились в плачевном состоянии. Ленгленд в своем «Петре-пахаре» говорит об исправлении дурных путей (он имеет в виду не вредные привычки, а плохие дороги) как об одном из благотворительных дел, которым должны заниматься богатые купцы ради спасения своей души. Путешествия, в которые отправлялся Томас Пейкок, были крайне утомительными, и он возвращался домой совершенно измотанным, весь обляпанный грязью, к огорчению «Джона Рейнера, моего человека» или «Генри Бриггса, моего слуги» и жены Маргарет, которая выглядывала из окна эркера, с нетерпением ожидая его возвращения. Своему родному городу он оставил не менее сорока фунтов, из которых двадцать должны были пойти на ремонт участка Западной улицы (где стоял его дом), а другие двадцать «должны быть истрачены на ремонт разбитой дороги между Когс-

холлом и Блэкуотером, там, где это более всего необходимо». Наверняка он испытал все прелести езды по этой дороге, посещая аббатство. Он оставил также двадцать фунтов на ремонт дороги между Клером и Овингтоном.

По мере того как его жизнь приближалась к концу, он стал ездить гораздо реже. Дни проходили спокойно — дело его процветало, а сам он пользовался всеобщей любовью и уважением. Он занимался своим домом, постоянно украшая его. В прохладные вечера он, должно быть, стоял у окна садовой комнаты и наблюдал, как монахи аббатства ловят рыбу в своем большом пруду позади пашни, или поднимал глаза и смотрел, как последние лучи заходящего солнца скользят по покрытой лишайником крыше вместительного сарая, или следил за тем, как арендаторы относят в свои дома снопы сжатой пшеницы. Наверное, он думал, что его собственные арендаторы, Джон Машл и Томас Спунер, — хорошие, надежные друзья и надо бы завещать им что-нибудь из одежды или пруд. Часто также в последние год-два своей жизни он, должно быть, сидел с женой в саду и наблюдал, как его голуби кружатся над яблонями, и улыбался, любуясь клумбами с цветами. А зимой он иногда надевал свой меховой плащ и шел в таверну «Дракон», где Эдвард Элворд приветствовал его поклонами. Он садился к столу и выпивал в обществе своих соседей большую кружку сухого испанского вина, очень медленно и с достоинством, как и полагается самому богатому суконщику города, снисходительно поглядывая на собравшуюся компанию. Но иногда он хмурился, заметив монаха, который тайком улизнул из монастыря, чтобы, несмотря на все запреты епископа и аббата, попить винца. При этом Томас качал головой и жаловался, что служители церкви стали теперь совсем не такими, какими были в старые добрые времена. Тем не менее из его завещания видно, что он не придавал этому большого значения и даже представить себе не мог, что через двадцать лет после его смерти аббат и монахи будут изгнаны из монастыря, а слуги короля продадут на

торгах свинец с крыши Когсхолльского аббатства! Не мог он себе представить и того, что через четыреста лет его красивый и веселый дом с резным потолком и гордым торговым знаком все еще будет стоять целым и невредимым, зато церковь аббатства превратится в тень на поверхности поля, а от комплекса его зданий останется только крытая внутренняя галерея, где будут прятаться от дождя голубые эсекские фургоны, перевозящие сено.

Так мирно проходили последние дни Томаса Пейкока, жившего в прекрасном графстве, которое называли самым английским из всех, в «богатом, плодородном и полном приносящих прибыль вещей»³, чьи невысокие пологие холмы, развесистые вязы и высокие небеса, покрытые облаками, так любил писать Констебль. Настал сентябрьский день, когда над улицами Когсхолла нависла мгла, когда замолчали прялки в домах и пряжи и ткачи стояли группками у прекрасного дома на Западной улице, зная, что великий суконщик умирает в своей спальне на втором этаже, где прошла его первая брачная ночь. Его жена, плача, сидела рядом, понимая, что он уже никогда не увидит их ребенка. Через несколько дней дома жителей Когсхолла снова опустели, и толпа плачущих людей отправилась провожать Томаса Пейкока в последний путь. Церемония его похорон была проведена достойно — священники отслужили панихиды не только в день погребения, но и на седьмой и тридцатый дни после его смерти. Лучше всего она описана в его завещании, ибо Томас Пейкок, следуя обычаю своего времени, дал своим душеприказчикам подробную инструкцию по этому поводу. «Я прошу моих душеприказчиков организовать все в день самих похорон, а также на седьмой и тридцатый день таким образом: в день похорон на службе и на панихиде должны присутствовать священники, певчие и дьяконы, сколько их можно будет собрать в этот день, чтобы они отслужили заупокойную службу, а если представится такая возможность, то они должны будут служить ее ежедневно до седьмого дня. А на тридцатый день все мои

душеприказчики должны будут заказать еще одну службу и снова собрать певчих и дьяконов, как и раньше, и они должны будут отслужить три мессы с музыкой: одну в честь Святого Духа, другую — в честь Богородицы, а во время третьей исполнить реквием, и все это должно быть исполнено в день самих похорон, а также на седьмой и тридцатый дни. И священники должны получить за это 4 пенса, а дети — каждый раз по 2 пенса, а те, кто понесет факелы в день похорон, — 12 пенсов и еще 6 на седьмой день и 12 — на тридцатый. Пусть двадцать три или двадцать маленьких детей в стихарях несут свечи в руках, и пусть все они будут считаться моими крестными детьми и получают 6 шиллингов 8 пенсов каждый, а все другие дети — по 4 пенса каждый, и пусть все люди, которые понесут факелы в указанные дни, получают по 2 пенса каждый, и все мужчины, женщины и дети, которые возденут вверх руки в любой из этих дней, получают по пенсу каждый. И пусть также мои крестники помимо этого получают 6 шиллингов 8 пенсов каждый, а звонари за все эти три дня — по 10 шиллингов, и на мясо, питье и два вызова врача и для проведения панихиды и перенесения моего тела в церковь я выделяю один фунт».

Эти распоряжения очень сильно отличаются от скромных инструкций Томаса Бетсона: «Не тратьте на мои похороны слишком много денег, пусть они будут скромными, трезвыми и достойными во имя почитания и прославления Всемогущего Бога». Богатый суконщик тоже не забывал о Боге, но на его погребальные церемонии было истрачено более пятисот фунтов в переводе на наши деньги — больше, чем на создание часовни. Хорошо, что его глаза закрылись навсегда еще до того, как во время Реформации были закрыты все часовни в Англии, а с ними и часовня Пейкоков в приделе Святой Католины, в которой еженедельно выдавалась милостыня шести беднякам. Томас Пейкок жил в старые добрые времена, но через четверть века жизнь в Эссексе начала меняться. Монахов выгнали из аббатства, а с его храма содрали крышу; звучный латин-

ский язык перестал звучать под сводами церквей, и священники не молились больше за упокой души Томаса и его жены, а также его родителей и тестя. Произошли перемены и в текстильной промышленности — с появлением более тонких видов ткани графство еще больше разбогатело. Эти ткани были принесены сюда ловкими чужаками, «торговцами новой мануфактурой», которые получили прозвище «Байка-болтайка». Ибо, как поется в одной английской песенке:

Хмель, Реформация, байка и пиво
Явились к нам все в один год, как на диво.

Когсхолл стал еще более знаменитым благодаря новой ткани под названием «коксальская байка», которую начали изготавливать племянники Томаса Пейкока, когда он уже лежал в могиле⁴. Впрочем, одна вещь не переменилась — прекрасный дом Томаса Пейкока продолжал стоять на Западной улице, напротив дома викария, и радовал глаз всех, кто его видел. И он по-прежнему стоит здесь, и, когда мы смотрим на него и вспоминаем Томаса Пейкока, который когда-то жил в нем, нам на память приходят знаменитые слова Екклесиаста:

«Давайте теперь восславим великих людей и отцов, давших нам начало.

Бог с самого начала вдохнул в них огромную силу, и они добились для него великой славы».

Богатые люди, наделенные талантами, мирно жили в своих домах — все они пользовались почетом у своих современников и были славою своего времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 2

¹ «Колон Бодо и его жена Эрментруда, *колона*, арендаторы Сен-Жермена, живут с тремя детьми. Он держит один свободный манс, в котором имеется восемь *бунуариев* и две *антсиньи* пахотной земли, два *арипенни* виноградников и семь *арипенни* лугов. Он вносит два серебряных шиллинга на содержание войска и два бочонка вина за право пасти своих свиней в лесу. Каждые три года он отдает сотню досок и три шеста для забора. Он пашет зимой четыре *перча* (примерно 20 метров) пашни, а весной — два *перча* (десять метров). Каждую неделю он обязан отработать два дня на барщине и один — на ручных работах. Он отдает три курицы и пятнадцать яиц и выполняет поручения, которые ему дают. И еще он арендует половину ветряной мельницы, за которую платит два серебряных шиллинга».

² Приводим здесь описание роскошных одежд франкской знати, составленное монахом прихода Святого Галла: «Был праздник, и они только что приехали из Павии, куда венецианцы свозят все богатства Востока со своих заморских территорий — другие, говоря я, вышагивали в одеждах, украшенных шелками и фазаными шкурками или шеями, спинами и перьями павлинов на своих плюмажах. Некоторые были украшены лентами пурпурного или лимонного цвета; некоторые были задрапированы в покрывала, другие — в горностаевые мантии». Однако в переводе были допущены вольности — «платье из феникса», указанное в оригинале, скорее всего, было сделано не из перьев фазана, а из перьев розового фламинго, как полагает Ходсон в книге «Древняя история Венеции», или из шелка, на котором были вышиты или вытканы фигуры птиц, как думает Хейд («История левантйской торговли»).

³ Это маленькое стихотворение было написано ирландским писцом на полях скопированного им труда Присциана (римского

грамматика VI века) в монастыре Святого Галла в Швейцарии, того самого, откуда происходил биограф Карла Великого, обладавший столь живым воображением.

Глава 3

¹ Чтобы быть точным, фламандские суда, прошедшие в 1308 году через Гибралтар в Саутгемптон и Брюгге, были первыми, которые отправились в плавание после 1268 года. В течение XIV и XV веков они ходили туда каждый год, и Саутгемптон обязан своим процветанием тому, что был конечным пунктом их назначения.

² Эти слова были сказаны, когда представители императора Лонгина пытались заручиться поддержкой венецианцев в борьбе против ломбардов в 568 году и предложили им стать подданными императора. Эпизод с хлебами имел место, когда Пипин, сын Карла Великого, пытался зимой 809/810 года задушить голодом Риальто. Сравните рассказ о Карле Великом, бросающем свой меч в море со словами: «Поистине, так же как это оружие, которое я бросил в море, не будет принадлежать ни мне, ни вам, ни какому-либо другому человеку на свете, так и ни один человек не сможет причинить вреда Венеции, а тот, кто делает это, почувствует на себе гнев и недовольство Господа, хотя бы этот гнев и недовольство пали на меня и на мой народ».

³ Во время роковой войны между двумя республиками — Венецией и Генуей, которая завершилась в 1381 году, говорили, что генуэзский адмирал (по другой версии — Франческо Каррара), когда венецианский дож попросил его принять послов с предложением о мире, ответил: «Это произойдет только после того, как я разобью коней святого Марка».

⁴ Венеции особенно повезло с описаниями, которые оставили о ней современники — и не только собственные жители (такие как Канале, Санудо и дож Мочениго), но и иностранцы. Часто цитируют знаменитое описание венецианской торговли, сделанное Петраркой в XIV веке. Он рассказал о том, что видел из своего окна: «Посмотрите на бесчисленные суда, которые покидают итальянские берега суровой зимой и изменчивой, богатой штормами весной, одни поворачивают на восток, другие — на запад. Одни везут вино, которое будет пениться в кубках британцев, другие — наши фрукты, которыми будут лакомиться властители скифов, и, что труднее всего себе представить, древесину наших лесов на Эгейские и Ахейские острова. Одни плывут в Сирию, в Армению, в арабские и персидские земли, отвозя туда масло, полотно и шафран и привозя нам оттуда все их разнообразные товары... Позвольте мне попросить вас провести еще один час в моем обществе.

Стояла глубокая ночь, небеса были полны гнева, и я, наполовину уже уснувший, заканчивал писать, как вдруг до моего слуха донесли крики моряков. Зная на собственном опыте, что это может означать, я быстро встал и поднялся к самым верхним окнам моего дома, откуда открывался вид на порт. О, что за спектакль, наполненный чувствами жалости, страха и восхищения, открылся предо мной! У мраморных берегов, служивших пристанью для большого дворца, который этот свободный город предоставил в мое распоряжение, зимовали, бросив якоря, несколько судов. Высота их мачт и перекадин превышала высоту двух башен, стоявших по бокам моего дома. Самое крупное из двух судов в этот момент — несмотря на то, что звезды на небе были закрыты тучами, ветер содрогал стены, а воздух заполнял рев моря, — поднимало якоря и отправлялось в плавание. Ясон и Геракл онемели бы от изумления, а Тифис, сидевший за рулем, умер бы от стыда, что не способен совершить такой подвиг. Если бы видели это судно, вы бы подумали, что это гора, плывущая по морю, хотя под тяжестью огромных парусов большая часть его была скрыта под водой. Целью этого путешествия был Дон, дальше которого ни один корабль из наших морей не заходил, однако многие из тех, кто находился на палубе этого судна, достигнув этого места, собирались продолжить свое плавание и нигде не останавливаться, пока они не достигнут реки Ганг, или Кавказа, или Индии, или Восточного океана. Так сильно жажда приобретения стимулирует ум человека». (Цитата взята из «Старческих писем» Петрарки.)

⁵ Это описание Гуанчжоу взято частично из главы 68 книги Марко Поло «О благородном и величественном городе Кинсае» и частично из книги Одорика Порденонского «Катай и путь туда».

⁶ Одорик Порденонский, который был прежде человеком, а потом уж монахом, отмечает: «Китайцы приятны на вид, но бесцветны. Они отрачивают бороды из длинных, свисающих волос, похожих на кошачьи усы. Что же касается женщин, то они самые красивые в мире». Марко Поло также никогда не забывает отметить, в какой области женщины особенно красивы, подобно тому как другой путешественник, Артур Янг, среди достопримечательностей сельской местности во Франции всегда описывает внешний вид горничных в гостиницах и бывает крайне недоволен, если ему прислуживает ничем не примечательная девушка. Марко Поло отдал пальму первенства женщинам из провинции Дамаган, расположенной на северо-восточной границе Персии, о которых он пишет так: «Люди в целом довольно привлекательны, особенно женщины, которые здесь, с моей точки зрения, самые красивые в мире». О женщинах Кинсяя он пишет следующее: «Куртизанки искусны и в совершенстве владеют искусством лстивых речей и флирта, которым они занимаются с выражением, учитывающим особенности каждого человека, неудивительно поэтому, что иностранцы, один раз познавшие их очарование, не устают восхищаться ими и

бывают так околдованы их искусством, что не могут избавиться от воспоминаний о них. Отравленные чувственным удовольствием, они, по возвращении домой, рассказывают, что побывали в Кинсае, городе небесного наслаждения, и ждут не дождутся того момента, когда снова смогут посетить этот рай». Об уважаемых дамах, женах талантливых мастеров, он пишет: «Они очень красивы и благодаря своему воспитанию имеют томные и утонченные манеры. Их шелковые, украшенные драгоценными камнями одежды стоят так дорого, что просто невозможно себе представить».

⁷ Все это, вместе с подробным рассказом о первом путешествии старших Поло, обстоятельствах второго путешествия и возвращении домой, описано в первой главе книги Марко Поло, которая является введением в его труд, после чего он переходит к описанию увиденных им земель, в том порядке, в каком он их посетил. К сожалению, автобиографическая часть книги чересчур коротка.

⁸ Кстати, Вильям из Рубрука видел и описал их до него.

⁹ Что касается отметок Колумба на полях книги Поло, то о них можно прочитать в книге Юла «Марко Поло». Сама книга с пометками знаменитого мореплавателя хранится в Коломбине, Севилья. Я должна, однако, заметить, что современные исследования, борющиеся с традиционными предрассудками, не ограничиваются лишь обелением в глазах потомков Лукреции Борджиа и Екатерины Медичи, а также заявлениями о том, что Катерина Сиенская не играла почти никакой роли в истории, а стараются доказать, что Колумб в 1492 году отправился всего лишь на поиски Антильских островов и, хотя, после своего великого открытия, вернувшись домой в 1493 году, он всегда утверждал, что его главной целью было достижение Сипангу, эта идея якобы пришла к нему в голову *задним числом*, а сама мысль о поисках Сипангу высказал, скорее всего, его спутник Мартин Пинсон. Жаль, что мы не знаем, *когда* именно Колумб сделал свои пометки в книге Марко Поло (тот экземпляр, который попал к нему в руки, был издан, вероятно, в 1485 году), — это дало бы ответы на все вопросы. Ряд исследователей высказывают мысль о том, что западные страны занялись поисками нового пути на Восток только потому, что старые торговые пути перекрыли турки.

Глава 5

¹ Такие длинные морализаторские трактаты о семи смертных грехах и еще более смертоносных добродетелях были очень популярны в Средние века. Самый известный для английских читателей содержится в «Рассказе приходского священника» в «Кентерберийских рассказах» Чосера и был взят из книги «Сумма Грехов и Добродетелей» брата Лоренса, жившего в XIII веке. Разделы о смерт-

ПРИМЕЧАНИЯ

ных грехах достойны прочтения, поскольку в них обычно приводится живое описание повседневной жизни. Разделы домовладельца, как и следует ожидать, написаны энергичным, ярким языком. Вот, например, как он описывает женское пьянство и обжорство: «Бог требует, чтобы человек постился, а обжора говорит: «Я все равно буду есть». Бог требует, чтобы мы вставали рано и шли в церковь, а обжора говорит: «Я вчера слишком много выпила, а церковь не заяц, в лес не убежит». Когда же она с трудом встает, знаете ли вы, какие молитвы она читает? Ее заутреня звучит так: «Ха! Что мы будем пить? Неужели после вчерашней ночи ничего не осталось?» После этого она читает часы перед обедней: «Ха! Какое хорошее вино мы пили вчера!» После этого она молится: «У меня болит голова, надо выпить, и все пройдет». Подобное обжорство и пьянство покрывает женщину позором, ибо из-за них она становится грубой, опускается и начинает воровать. Таверна — это храм дьявола, куда приходят молиться его ученики и где он совершает свои злодейства. Ибо, когда люди идут туда, они держатся прямо и говорят нормально, рассуждают здраво и мудро и могут дать хороший совет, когда же они возвращаются домой, то не могут не только прямо идти, но и говорить; все они глупеют, теряют разум и идут домой, ругаясь, дерясь и обманывая друг друга. Раздел, посвященный Алчности, особенно полезен, ибо в нем рассказывается о грехах, которые творят душеприказчики, вымогающие ренту господу, владельцы лавок, устанавливающие грабительские цены, фальшивые адвокаты, ростовщики и игроки.

² Домовладелец также предупреждает жену, что не следует допускать просрочек в платежах за товары, взятые в кредит: «Скажи своим слугам, чтобы они вели дела с людьми миролюбивыми, и торговались всегда заранее, и вели записи расходов, и платили почаще, а не заводили длинные списки сумм, которые они задолжали лавочникам, на палочках или на бумаге, хотя вести подсчеты долгов на палочках или на бумаге все же лучше, чем держать все в памяти, поскольку кредиторы всегда уверены, что ты должен им больше, а должники думают, что меньше, и это приводит к спорам, упрекам и ненависти. Требуй, чтобы те кредиторы, которые охотно дают тебе в долг, почаще получали то, что им причитается, и чтобы слуги отдавали им деньги с охотой, — это поможет тебе сохранить дружбу со своими кредиторами и они тебя не покинут, ибо расположение миролюбивого человека, один раз потерянное, не всегда удается вернуть назад».

³ Интересно отметить, что слово «крававый» приобрело значение «проклятый» очень давно. Домовладелец пишет: «Запрещай им... использовать грубые ругательства и неприличные слова, которые любят произносить некоторые дурные или плохо воспитанные люди. Эти люди, впад в ярость, говорят — «крававая» неделя, «крававый» день, не зная или не желая знать, что означает слово «крававый». И честная женщина тоже этого не знает, поскольку ей

позволяется видеть кровь только тогда, когда при ней режут курицу или овцу».

⁴ В обязанности женщин входит обеспечивать дом декоративными тканями — «заказывать и расстилать их, и в особенности украшать ими комнату и брачную постель, которая будет освящена... И заметь, что если ты закрываешь кровать сукном, то поверх него надо положить покрывало из меха горностаия, если же она покрыта саржей или вышитой тканью... то горностаевый мех класть не надо».

Глава 6

¹ «Пасквиль на английскую политику» был напечатан в книге «Политические поэмы и песни» под редакцией Томаса Райта. Эта замечательная поэма написана в 1436 или 1437 году для того, чтобы заставить англичан «следить за окружающим, а именно за узким проливом» между Дувром и Кале, поскольку, по мнению автора, основу английской мощи составляет ее торговля, для сохранения которой необходимо обеспечить господство на морях. Главная ценность поэмы заключается в том, что она дает очень подробную картину тех товаров, которые Англия вывозила в различные европейские страны, и тех, которые она ввозила оттуда.

² Надгробия Линвуда и его отца «Джона Линвуда, торговца шерстью», до сих пор сохранились в Линвудской церкви. Ногами они попирают мешок с шерстью, а на мешке сына выбита его торговая марка.

³ «Йоркское собрание завещаний». Ричард Рассел был хорошо известным в Йорке торговцем шерстью. В разные времена он был членом городского совета двенадцати, шерифом и мэром и умер в 1435 году. Его имя постоянно упоминается в городских документах.

⁴ «Сэр, суда с шерстью прибыли в Кале, за исключением трех — двое из них сейчас в гавани Сэндвича и одно — в Остенде, и ему пришлось выбросить всю свою шерсть за борт». «Далее, сэр, в пятницу в 27-й день февраля пришло судно из Дувра, и говорят, что в четверг к стражникам в Кале явился пассажир из Дувра и заявил, что за ними гнались французы и загнали их в гавань Дюнкерка».

⁵ Ричард Сели пишет младшему брату Джорджу: «Как я понял, ты купил хорошего сокола. Я очень рад этому, ибо, с Божьей помощью, он принесет нам много добычи. Если бы я знал, с каким судном ты его передашь, я встретил бы его в Дувре и содержал бы до твоего приезда. Твою суку постигло огромное несчастье, ибо она принесла четырнадцать щенков и после этого перестала есть, и поэтому она умерла и все ее щенки — тоже, но я надеюсь, что ты скоро приедешь...»

Глава 7

¹ В завещании другого Томаса Пейкока, суконщика, умершего в 1580 году, тоже говорится о семейном деле. Он оставляет двадцать шиллингов «Вильяму Гиону, моему ткачу», а также «семь фунтов десять шиллингов полновесных денег Англии для распределения среди тридцати беднейших бродячих сукновалов в окрестностях Когсхолла, то есть по пять шиллингов каждому». Вильям Гион, или Гийон, был родственником очень богатого суконщика, Томаса Гийона, крещенного в 1592 и похороненного в 1664 году, который, как говорят, скопил благодаря торговле сто тысяч фунтов. Зять Томаса Пейкока Томас Тил также был выходцем из семьи суконщиков, ибо в сертификате, датированном 1577 годом, где указана вся шерсть, купленная суконщиками Когсхолла за последние три года, встречаются имена Томаса Тила, Вильяма Гиона, Джона Гуддея (семье которого первый Томас Пейкок оставил кое-какие деньги), Роберта Егона (который был упомянут случайно в завещании, как человек, имеющий дом рядом с церковью, и который был отцом епископа Норичского).

² Дом в конце концов перешел в руки другой семьи суконщиков, Бакстонов, правда, неизвестно, в какое время. Представители этой семьи до 1537 года заключали браки с представителями семьи Пейкок. Вильям Бакстон (умер в 1625 году) называл себя «суконщиком из Когсхолла» и завещал все свои станки сыну Томасу. Когда отец умер, Томасу было семнадцать, он прожил до 1647 года, занимаясь суконным делом, и дом, несомненно, принадлежал ему. Он или его отец, должно быть, купили его у душеприказчиков Джона Пейкока. От него он перешел к его сыну Томасу, тоже суконщику (умер в 1713 году), который завещал его своему сыну Исааку, суконщику (умер в 1732 году). Два старших сына Исаака тоже были суконщиками, но вскоре после смерти отца отошли от дел. Он, очевидно, позволил своему третьему сыну, Джону, жить в доме в качестве квартиранта, и Джон еще в 1740 году жил здесь. Но Исаак в 1732 году завещал дом своему младшему сыну, Самюэлю, а Самюэль, умерший в 1737 году, передал его брату Чарльзу, четвертому сыну Исаака. Чарльз в нем не жил, поскольку большую часть своей жизни занимался торговлей маслом в Лондоне, хотя и похоронен среди своих предков в Когсхолльской церкви. В 1746 году он продал дом Роберту Лодгейтеру, и он ушел из рук Пейкоков-Бакстонов и с течением времени обветшал и был превращен в два отдельных коттеджа, а прекрасный потолок был оштукатурен и побелен. Несколько лет назад его уже собирались снести, но, к счастью, его купил и отремонтировал Ноэль Бакстон, прямой наследник семьи Бакстон по линии Чарльза, того самого, который продал его.

³ «Это графство самое богатое, плодородное и полно вещей, приносящих прибыль, превышая (насколько мне удалось узнать)

некое другое графство по количеству товаров общего потребления и по изобилию, хотя некоторые гораздо выше оценивают Саффолк (с которым я еще не ознакомился). Но это графство, по моему мнению, вполне заслуживает титула английского Гошена, богатейшей земли, сравнимой лишь с Палестиной, полной молока и меда» (*Норден. Описание Эссекса. 1594*).

⁴ Если верить Лику, который в 1577 году писал: «Первое прядение на ручных прялках и изготовление коксольского сукна началось около 1528 года... Первые ткачи Коксола были обучены неким Бонвизом, итальянцем...»

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	7
<i>Глава 1.</i> Предшественники.....	10
<i>Глава 2.</i> Крестьянин Бодо.....	30
<i>Глава 3.</i> Марко Поло.....	54
<i>Глава 4.</i> Аббатиса, описанная Чосером, в реальной жизни.....	93
<i>Глава 5.</i> Жена домовладельца.....	121
<i>Глава 6.</i> Томас Бетсон.....	151
<i>Глава 7.</i> Томас Пейкок из Когсхолла.....	189
Примечания.....	215

Пауэр Эйлин
ЛЮДИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректор *О.А. Левина*

Подписано в печать 25.01.2010.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76. Уч.-изд. л. 10,92.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 1851

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ЛЮДИ

Эйлин Пауэр
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Средневековье часто воспринимается несколько односторонне, как картинка, где на турнирах храбрые рыцари сражаются во имя прекрасных дам, трубадуры их воспевают, бесчинствуют религиозные фанатики, а алхимики ищут философский камень. Эйлин Пауэр рассказывает о жизни обыкновенных людей, добывающих хлеб свой насущный в поте лица. Две известные личности в ее галерее — это путешественник Марко Поло и чосеровская мадам Эглантина, игуменья. Остальные — обычные граждане, жизнь которых реконструирована по случайно сохранившимся документам. Эйлин Пауэр делает яркими и осязаемыми образы крестьян и торговцев, ремесленников и монахов, каждый день создающих реальную ткань цивилизации. Их горячая вера, холодный рационализм, таланты и сноровка были питательной средой, из которой произрастали науки, ремесла и искусства, а также различные общественные институты: мануфактуры, университеты, больницы.

ISBN 978-5-227-01956-1

9 785227 019561

ЦЕНТРОЛИГРАФ®

